

МЫСЛЬ
И СЛОВО

МЫСЛЬ
И СЛОВО

Серия основана в 2017 году

В подготовке серии принимают участие ведущие специалисты
Института философии Российской академии наук
и журнала «Вопросы философии»

«Экспедиции»
В науку
Архитектоника
региональных онтологий

Под ред. Б.И. Пружинина, Т.Г. Щединой

УДК 167
ББК 87.2
Э 41

*Утверждено к печати решением Ученого совета
Института философии РАН*

Ответственный редактор и автор проекта:
Татьяна Геннадьевна Щедрина

Международный редсовет серии:

Н.С. Автономова, А.А. Гусейнов, М. Денн (Франция), А.Д. Король (Беларусь),
В.А. Лекторский, Л. Луцевич (Польша), Б.И. Пружинин,
А.В. Смирнов, Н.Н. Трубникова, Т.Г. Щедрина, В. Янцен (Германия)

Рецензенты:

Д.филос.н. А.Ю. Антоновский
Д.филос.н. В.Н. Порус

Разработка художественного оформления серии:
П.П. Ефремов

Э 41 **«Экспедиции» в науку. Архитектоника региональных онтологий /**
Под ред. Б.И. Пружинина, Т.Г. Щедриной. М.; СПб.: Центр гума-
нитарных инициатив, 2023. —250 с.

ISBN 978-5-98712-387-4

Книга написана по мотивам Международного междисциплинарного кол-
локвиума «Региональные онтологии в современной науке: понимание между
опытом и знанием», который состоялся в июне 2023 года. Авторы актуали-
зируют феноменологический подход для осмысления современных проблем
философии и методологии науки, а также уточняют и специфицируют исто-
рический смысл «региональных онтологий» и их роль в разрешении методо-
логических проблем полидисциплинарных исследований.

Книга предназначена не только для философов-профессионалов, специ-
алистов в области философии науки, но и для широкого круга читателей,
интересующихся проблемами современного естествознания и гуманитарной
науки.

ISBN 978-5-98712-387-4

© Т.Г. Щедрина, автор проекта, ответственный редактор
серии, 2023
© Б.И. Пружинин, Т.Г. Щедрина, редакторы тома, 2023
© Коллектив авторов, 2023
© Центр гуманитарных инициатив, 2023

Ревность и любовь к наукам столь велики и столь всеобщы,
что не будет недостатка в желающих,
что найдутся люди, которые охотно оставят надежду
на большое жалование или пенсию,
если только будут иметь счастье,
что их употребят в экспедиции.

Иван Фёдорович Крузенштерн

Содержание

Б. И. Пружинин, Т. Г. Щедрина

Преамбула. Феноменологические «экспедиции» современной философии науки: о значении «региональных онтологий» 8

Раздел I. Феноменологические ракурсы «региональных онтологий» 13

И. А. Михайлов

Региональные онтологии в феноменологической перспективе .. 14

М. А. Белоусов

Феноменология, региональные онтологии и позитивные науки 39

А. Б. Паткуль

Актуальна ли феноменологическая программа региональных онтологий сегодня? 56

Т. А. Терентьева

Особенности конституирования материальной вещи по Гуссерлю, или Почему мы считаем вещь реальной..... 73

Раздел II. «Региональные онтологии» и современная наука..... 95

А. А. Крушанов

Динамика современного познания, картина мира и дисциплинарные онтологии..... 96

Л. Г. Антипенко

Фундаментально-онтологический подход к оценке предметных (региональных) онтологий в научном познании ... 105

С. М. Малков

От «региональной онтологии» и дисциплинарной структуры науки к междисциплинарной коммуникации и «человеческой размерности» научного познания..... 114

Ю. В. Черновицкая

Глобальные исследовательские структуры как предмет «региональной онтологии» 130

И. А. Карпенко

Региональные онтологии и междисциплинарный синтез 142

Раздел III. Архитектоника «региональных онтологий» в гуманитарной перспективе	153
<i>И. Ф. Михайлов</i>	
Модели, доменные онтологии и схематизм понятий.....	154
<i>В. С. Левицкий</i>	
Христианская природа онтологии философии истории	172
<i>Л. Г. Титаренко</i>	
Региональные онтологии и феноменологическая социология..	189
<i>Е. В. Петрова</i>	
Дисциплинарные онтологии и проблема понимания в экологии	197
Раздел IV. Региональные онтологии экспертных практик.....	207
<i>Б. И. Пружинин</i>	
Регионализация дисциплинарных онтологий в контексте экспертных функций науки	208
<i>В. А. Ветров</i>	
Эмпирические исследования в биоэтической экспертизе как проявление «регионализации» в постнеклассической науке	217
<i>Е. П. Журавель</i>	
«Человекоразмерность» экспертизы как фактор «регионализации» современной науки: проблема ответственности.....	225
<i>И. О. Щедрина, Е. П. Журавель</i>	
«Региональные онтологии» на городской карте: человекоразмерность экспертных практик.....	232
Сведения об авторах.....	247

Б. И. Пружинин, Т. Г. Щедрина

Преамбула Феноменологические «экспедиции» современной философии науки: о значении «региональных онтологий»*

В современной науке — и естественной, и социально-гуманитарной — все более отчетливо проявляются две по сути противоположные и в то же время взаимодополняющие тенденции. С одной стороны, нарастает дифференциация дисциплин, каждая из которых вырабатывает свой особый язык и свои общие представления об исследуемой реальности, а с другой, складываются полидисциплинарные исследовательские программы, предполагающие сотрудничество (именно сотрудничество, а не параллельную работу) ученых различных специальностей. Эта проблемная для науки ситуация, естественно, оказывается в центре внимания философско-методологической рефлексии. И одним из перспективных направлений осмысления и решения возникающих здесь проблем является, на наш взгляд, эпистемологическое соотнесение указанных тенденций в контексте феноменологической идеи «региональных онтологий». «Экспедиции» в науку предполагают погружение в круг ее проблем, своего рода путешествие, в котором философу-феноменологу отводится роль скрытого наблюдателя, сопровождающего научный поиск. На этом пути он работает подобно археологу, открывающему в пластах прошлого вещи, и сегодня обладающие действительным смыслом. Эти вещи вступают друг с другом в отношения, образуя целостные системы — региональные онтологии.

* * *

Термин «региональные онтологии» ввел в эпистемологические контексты Эдмунд Гуссерль для обозначения вариантов представ-

* Работа Б. И. Пружинина выполнена в рамках проекта Института логики, когнитологии и развития личности, поддержанного грантом РФФ, № 22-28-01632 «Экспертиза как эпистемологический феномен в контексте различения фундаментальных и прикладных установок в науке». Pruzhinin's research has been performed within the project supported by Russian Science Foundation No. 22-28-01632 «Expert examination as an epistemological phenomenon in the context of distinction between fundamental and applied guidelines in science».

ления о познаваемом «сущем» в различных областях научного знания. Примерно спустя столетие, когда процессы регионализации научных дисциплин проявились уже в полной мере, Вячеслав Семенович Степин фактически для тех же целей использовал методологически нагруженный термин «дисциплинарные онтологии». Заметим, потребность в таких терминологических нововведениях появилась в области философско-методологической рефлексии над наукой не так давно. Со второй половины XIX в. в науке нарастали процессы дифференциации дисциплин, предметные области которых становились все более специфическими и в плане языка их описания, и с точки зрения методов их исследования. К XX столетию этот процесс дисциплинарной дивергенции затронул научную картину мира, изначально предполагавшую структурное единство, а стало быть, и методологическую соотносимость различных областей, направлений и даже типов научного исследования реальности. И более того, процесс этот настолько усилился, что фактически лишил научную картину мира той философской, по сути, роли, которую она, именно благодаря своей системной целостности, исполняла, убедительно демонстрируя объективность научного знания. Мир предстал в научной картине как внутренне согласованное целое, куда могли быть вписаны новые результаты научного, претендующего на отображение реальности, познания.

Указанная философская роль научной картины мира, как правило, не особо подчеркивалась учеными. Реальность описываемого наукой мира представлялась им очевидной, а споры о статусе отображения характеристик этой реальности, в конечном счете, были похоронены позитивизмом как пустая метафизика. Внутренняя системность общенаучной картины мира (от природы до человека) была гарантом принципиальной соотносимости научного знания с реальностью. А главное, эта систематизирующая картина мира выполняла еще одну, как бы служебную, но при этом значимую функцию, она ориентировала ученых не только в организационно-коммуникативном плане и сфере образования, но и в плане определения предметных границ дисциплин и типов знания. Она определяла их место и статус в системе научного знания, а также допустимые уровни взаимного проникновения. Это было важно в методологическом плане. И не случайно, как раз тогда, когда дисциплины, составляющие единую картину мира, начали интенсивно дивергировать, в Венском кружке возникла компенсаторная, по сути, идея разработки единого, универсального языка науки (фактически означавшая редукцию всех наук к языку физики). Но не случайно

также, именно распад общенаучной картины мира, вызвавший выхолащивание ее предметного содержания и потерю ее методологической значимости для отдельных дисциплин, вновь вернул интерес философов к вопросу о соотношении дисциплинарного знания и предметной реальности, а значит, и к проблеме оснований единства научного знания.

В середине прошлого столетия к методологическим аспектам этой фундаментальной для науки проблемы обратилась постпозитивистская философия науки, а затем социальная эпистемология. Они обосновывали единство, но уже не общей содержательно фундированной научной картины мира, а локальных объединений ученых, работающих внутри несоизмеримых друг с другом парадигм. Однако в науке того времени начался и обратный дифференциации дисциплин и научных сообществ процесс развертывания междисциплинарных исследовательских программ, заставивший философов вернуться к предметным основаниям научной картины мира. В контексте столкновения этих процессов, в рамках философии, обращенной к научному познанию, возник вопрос о соотношении бытия и сущего, то есть об онтологии и ее познавательных функциях. Очень точно этот вопрос выразил на своем философском языке в статье «Время картины мира» Мартин Хайдеггер: бытие начало «отрываться», «отделяться» от сущего, так что онтология и метафизика начали расходиться. Сегодня мы этот распад принимаем как факт. Более того, мы уже принимаем как норму радикальную дифференциацию научных дисциплин, предметная реальность которых приобретает индивидуальные черты.

Однако наука XXI в. — это не только дифференциация, это еще и междисциплинарные, экспериментально-поисковые исследовательские программы, в рамках которых процесс познания приобретает коллаборативный характер. В реализации таких целенаправленных полидисциплинарных программ принимают участие специалисты из разных научных дисциплин, хотя, естественно, и обремененные своими, очевидно, региональными представлениями о «сущем». Структурные контуры этих программ очерчиваются вполне определенными теоретическими конструкциями, разработанными в рамках вполне определенных дисциплинарных направлений. Примером такого рода конструкции может служить гипотеза Питера Хиггса о существовании особого рода микрообъектов — H-бозонов, ставшая основанием для построения мощной технической, то есть уже вполне материальной конструкции мегасайенс — Большого адронного коллайдера. Но чтобы эта техническая конструкция за-

работала, необходимо сотрудничество нескольких тысяч ученых очень разных специальностей — от профессионально-технических до высоко-математических. Очевидно, для того, чтобы основанное на такого рода сотрудничестве междисциплинарное исследование состоялось, необходима «надстройка» в виде особого рода региональной онтологии — гипотетической конструкции, отчасти специально-научной, но, по преимуществу, языково-метафорической, призванной обеспечить взаимопонимание участников единой программы. И очевидно также, что структурировать эту онтологическую «надстройку», способную обеспечить выполнение ее эпистемологических функций в современной науке, может только философ, по-своему участвующий в реализации междисциплинарных программ наравне с учеными. Он фактически несет ответственность за «общное» (в общении возникающее) поле разговора, взаимного понимания, которое делает возможным координированное сотрудничество ученых, весьма по-разному осмысливающих и, соответственно, по-разному представляющих познаваемую реальность.

На первый план здесь выходит феномен осмысления познавательных целей междисциплинарных программ, феномен понимания, обеспечивающий (благодаря своему особому эпистемологическому статусу) общение ее участников и уразумение смысла коллаборативной исследовательской работы ученых. В ходе общения они осознают методы реализации этих программ, границы и роль своего участия. Эпистемологический анализ этого интеллектуально-экзистенциального феномена — чрезвычайно широкая тема. В данном случае важно, что начавшиеся в прошлом веке и продолжающиеся в современной науке сдвиги удается достаточно ясно представить и проанализировать в рамках феноменологически ориентированной культурно-исторической эпистемологии.

Раздел I.
Феноменологические
ракурсы «региональных
ОНТОЛОГИЙ»

Региональные онтологии в феноменологической перспективе

В статье рассматриваются философские предпосылки концепции региональных онтологий, ее связь с немецкой традицией понимания взаимоотношения между философией и науками, с различными системами классификации наук, влияние и расхождение Гуссерля с предшествующими вариантами классификации (В. Дильтей, В. Виндельбанд, Г. Риккерт). Показана связь теории Гуссерля с логической традицией школы Brentano, а также место, которое региональные онтологии занимают в общей теории наукоучения трансцендентальной феноменологии. Обсуждается связь между феноменологией как общей методологией научного познания и методологией в практическом, прикладном значении. Проанализированы аргументы Гуссерля в пользу вычленения «природы» и «духа» как двух главных регионов. Систематизированы различные по вопросу о соотношении феноменологии и онтологии. *Ключевые слова:* метафизика, онтология, теория познания, логика, неокантианство, феноменология, Гуссерль, Ingarden.

Igor A. Mikhailov

REGIONAL ONTOLOGIES IN A PHENOMENOLOGICAL PERSPECTIVE

The article examines the philosophical background of the concept of regional ontologies, its connection with the German tradition *Wissenschaftslehre*, various systems of classification of sciences, that influenced Husserl's phenomenology (W. Dilthey, W. Windelband, H. Rickert). The connection between Husserl's theory of regional ontologies and the logical tradition of Brentano's school is shown, as well as the place that regional ontologies occupy in the general theory of scientific teaching of transcendental phenomenology. The connection between phenomenology as a general methodology of scientific knowledge and methodology in a practical, applied sense is discussed. Husserl's arguments in favor of delineation of "nature" and "spirit" as two main regions are analyzed. Various positions regarding the relationship between phenomenology and ontology are systematized.

Keywords: metaphysics, ontology, epistemology, logics, neokantianism, Phenomenology, Husserl, Ingarden.

1. Региональные онтологии и проблема наук

Концепция региональных онтологий, ставшая известной благодаря феноменологии Эдмунда Гуссерля — продукт философии, принадлежащий к завершающейся эпохе фундаментальных, всеобъемлющих систем. Их задача всегда заключается в том, чтобы очертить границы и закономерности непременно *всей* системы знания и наук и, возможно, направить развитие отдель-

ных дисциплин, дать им вполне конкретные теоретические, а иногда и практические рекомендации. Дисциплина, которая имеет право подобные рекомендации давать, совершенно не обязательно носит одно и то же имя. Она может называться «логикой», «наукоучением», однако чаще всего называется философией. В этой своей функции по отношению к научному знанию она уже в первые десятилетия XIX в. может быть названа *методологией науки*. Одной из причин, по которой это выражение появляется намного позже, заключается в излишне узкой трактовке, унижающей самосознание философии. Последняя не готова ограничивать себя только лишь этой ролью методологии — она есть наиболее полное воплощение идеи научности как таковой. Оказывать помощь наукам — задача для нее не более важная, чем быть связующим ядром всей человеческой культуры, теорией общества, наставлением к блаженной жизни для человека. Что же касается методологической роли философии, то она для нее предельно естественна, поскольку большинство философов вплоть до первой трети XX в. исходят из убеждения, что в исторической перспективе науки вышли из недр философии¹. И если даже историческая последовательность возникновения культурных форм выглядит иначе — сперва возникновение науки, а уж затем на ее основе — «мировоззрения философского характера»², или философию указывают лишь в качестве одного из источников наук³, — родство «философии» и «наук» все же выглядит достаточно прочным для того, чтобы считала вполне естественным предлагать модели развития научного знания.

Философия Гуссерля с самого начала, уже с первого тома произведения, которое ее прославило, ставила проблему науки и научного знания в центр своего внимания. Уже в начальных параграфах своей работы Гуссерль ставит вопрос о «комплексной дисциплине, особенностью которой является быть наукой о науке» и которая по-

¹ Так для неокантианства, ср.: *Виндельбанд В.* История древней философии. СПб., 1893. С. 1–2, так для Гуссерля, ср.: *HuaMat IV*, 3. Труды Гуссерля, изданные в составе его Собрания сочинений (*Husserliana*) цитируются далее как «Hua», с указанием тома и страниц; в отдельных случаях дается указание на номера строк (отделено точкой).

² Так для В. Дильтея. Ср.: *Dilthey W.* Studien zur Geschichte des Deutschen Geistes, in: *Wilhelm Dilthey Gesammelte Schriften*. Bd. III. Stuttgart: Teubner; Göttingen, 1992. S. 6.

³ Последователь В. Дильтея Эрих Ротхакер в качестве такого истока указывает также миф, бытовую мудрость (*Spruchweisheit*) «и, наконец, философию» (речь, правда, идет только лишь о «науках о духе»). См.: *Rothacker E.* Logik und Systematik der Geisteswissenschaften. Bonn, 1948. S. 3.

тому наиболее емко могла бы быть названа «наукоучением»⁴. Здесь Гуссерль продолжает традицию использования этого термина двух своих известных предшественников, И. Г. Фихте и Б. Больцано; эти мыслители становятся для него важными на разных этапах: Больцано — с самого начала пути Гуссерля от логики к философии, Фихте скорее в связи с размышлениями о судьбах Германии и Европы периода Первой мировой войны. Первая, позитивная, часть «Пролегомен» заключается в выявлении универсальных структур научного знания и едва ли может быть представлена вне контекста немецкого проекта «науки наук». Впоследствии, в прижизненно опубликованных сочинениях Гуссерля, проблема науки и научного знания постоянно находилась в центре размышлений Гуссерля, была, так сказать, внутренним нервом его размышлений. В известной программной статье для международного журнала «Логос», Гуссерль предлагает концепцию «строгой науки». Он не столько примеряет к философии некоторую извне заимствованную модель строгости, сколько стремится выявить, «изобрести» новый, изначальный идеал строгости. На основании этого нового идеала строгости ставится вопрос также и о науках, возможности объективной значимости в них, а также о значении научного знания в контексте культуры.

При этом проблема научного знания и наук рассматривалась Гуссерлем не только в наиболее общем плане, но в значительной мере также и как проблема метода. Она ставилась как проблема методологии научного знания. В каком значении сегодня говорят о «методологии»? Западная теория науки обыкновенно указывает на два основных значения этого понятия: 1) учение о методах, предшествующее отдельным наукам и являющееся частью всеобщей логики наук, общей теории науки; 2) теория методов, развиваемая внутри отдельных наук. Гуссерлевская теория науки существенно отличается от того, что принято понимать под методологией научного знания сегодня, спустя столетие после появления трудов Гуссерля, прежде всего отсутствием интереса к методологии, понятой во втором смысле. Методология Гуссерля ориентирована преимущественно на «верхние этажи»: основания научного знания, его идеалы и нормы, логические основы научности (теория значения, суждения, образования понятий и т. п.).

⁴ Гуссерль Э. Логические исследования. Том I. Пролегомены к чистой логике. М., 2011. С. 30 / Hua XVIII, 27 [§ 5].

Между тем закономерности развития научной теории Гуссерль практически не обсуждает⁵. Когда он все-таки касается этой темы, его предложения, в отличие от новых *тем*, открытых феноменологией, обыкновенно не находят применения в научной работе ученых, занимающихся разработкой отдельных областей знания. При сотнях страниц, посвященных интересубъективности, полных большого количества точных и пронизательных наблюдений о социальных феноменах, предложенная Гуссерлем общая основа анализа социума была отвергнута как несостоятельная (А. Шюц, М. Фарбер, Р. Ингарден), хотя анализ отдельных феноменов получил широкое развитие (проблема чуждости, проблема жизненного мира и др.). С точки зрения частных наук методология науки Гуссерля может быть признана по ряду параметров неконструктивной. К примеру, Гуссерль систематически критикует научную методику (Hua XXV, 325). По его мнению, метод в частных науках всегда означает совокупность «технических приемов», оказывающихся полезными для обработки той или иной области (Hua-Mat IV, 74), однако как раз это отвлекает науку от «самоосмысления», происходит «механизация метода», достигающая, так сказать лишь «внешней рациональности» — в противоположность настоящей, «внутренней», то есть феноменологической⁶. Сколь бы несвоевременной эта позиция ни представлялась сегодня, ее в той или иной мере разделяли многие представители немецкого феноменологического сообщества тех десятилетий; ее мотивы заметны в трудах М. Шелера, будут использованы в философии техники М. Хайдеггера и даже в социально-критической теории Франкфуртской школы⁷.

⁵ С этим связано также гуссерлевское разграничение между «чистой логикой», логикой в нормативном смысле — и «логикой как методологией», то есть как практической дисциплиной (ср. Гуссерль Э. Логические исследования. С. 40 [§ 11]; Hua XVIII, 261–262. Не будучи «методологией» в этом, технически-инструментальном, смысле (ср. Hua XVIII, 163), чистая логика все же выступает как важная часть общая методология научного знания в современном смысле: «чистая логика есть первый и самый существенный фундамент методологической логики», «идеальные законы приобретают также и методологическое значение» (Hua XVIII, 165–166 [§ 42] / Гуссерль Э. Логические исследования. С. 145–146).

⁶ HuaMat IV, 6. Ср. также: Hua VI, 445 (о предосудительной методологической интерпретации [теории познания], в том случае если она имеет инструментальный характер).

⁷ Предложенная М. Хоркхаймером критика инструментального разума (См.: Хоркхаймер М. Затмение разума. К критике инструментального разума. М., 2011).

2. Региональные онтологии как проблема классификации наук. Дильтей и неокантианцы

Даже если для систем западноевропейской философии начиная с XVII в. методология знания не была в числе одной из важнейших целей, одним из самых первых шагов в этом направлении всегда была систематизация и классификация наук. В советской, а затем и российской истории философии наиболее устойчивая память сохранилась о двух из трех последних проектах разграничения различных типов знания: дильтеевского, на «науки о духе» и «науки о природе», и неокантианского — на так называемые науки номотетические и идеографические. Неокантианская традиционно считалась более прогрессивной, опровергающей концепцию Дильтея. Вариант Виндельбанда — Риккерта едва пережил самих основных представителей неокантианства, не дотянув даже до 1940-х гг.; к настоящему времени он сохранился лишь в историко-философских изложениях соответствующего периода. Формула Дильтея, опирающаяся на более давнюю традицию деления на «природу» и «дух», сохранила свое влияние вплоть до конца XX в., что отражалось даже на структуре факультетов немецких университетов начиная с 50-х и по крайней мере до конца 90-х гг. XX в. Теоретическая база для этой университетской структуры (а значит, и для воспроизводства научного знания) была заложена еще в 1883 г., вместе с появлением «Введения в науки о духе»⁸, в 1910–1920-х гг. Но в те же десятилетия немецкая философия опробовала еще один оригинальный вариант систематизации наук. Он принадлежал Эдмунду Гуссерлю и реализовывался в рамках того, что тот называл трансцендентальной феноменологией. Систематизация и разграничение наук для Гуссерля необычайно важны. В 1910–1911 гг. он помечает в качестве планов: «Введение в теорию науки как “классификация наук”, как учение о сферах и регионах возможного познания вообще...» (Hua XXX, 334.1–3.)

Самый общий принцип деления наук — деление на «природу» и «дух», который будет затем встречаться и в сочинениях Гуссерля — может создать впечатление, что Гуссерль возвращается к позиции своего предшественника. Однако это было бы неверным заключением. Во-первых, некоторое сближение с идеями Дильтея происходит далеко не сразу. Очевидно, стимулом становится без-

⁸ Дильтей В. Введение в науки о духе. Опыт полагания основ для изучения общества и истории. М., 2000.

результатно завершившееся обсуждение, повод к которому дала известная программная публикация Гуссерля «Философия как строгая наука» (1911)⁹. Влияние Дильтея, повторное обращение Гуссерля к проблематике своего предшественника, сказывается постоянно. Помимо отражения в проблематике «природы» и «духа» как двух предельно общих регионов (1910–1911)¹⁰, оно проявится еще в 1919 г. (соответствующий лекционный курс того времени (Hua-Mat IV). Не исключено, что это может быть косвенно стимулировано началом философского общения со своим новым ассистентом, Мартином Хайдеггером¹¹. Еще один всплеск интереса к проблеме регионов, региональных онтологий, совпадает по времени с завершением Людвигом Ландгребе диссертации по философии В. Дильтея¹². К этому третьему этапу обращения Гуссерля к проблеме «природы» и «духа» относятся также наброски и доклады, сделанные в период подготовки «Кризиса», последней работы Гуссерля.

Таким образом, следы влияния Дильтея или, точнее, проблематики, которую Дильтей относил к области центральных философских проблем, а также следы влияния тех, кто в значительной мере опирался на традицию Дильтея (М. Хайдеггер), будут проявляться регулярно. Однако с содержательной точки зрения концепция Гуссерля не сохранит ничего, кроме этих двух маркеров («природа» и «дух»), обозначающих предельно широкие регионы. Вторая причина для того, чтобы релятивировать это влияние, заключается в том, что для Гуссерля разграничение наук мотивировано совершенно другими причинами. Даже когда Гуссерль перенимает от Дильтея эту внешнюю, наиболее общую разметку, его собственная концепция, скрывающаяся за этими предельно широкими вывесками, строится на совершенно других основаниях. Какие же это

⁹ Гуссерль Э. Феноменология (Статья для Британской энциклопедии) // Логос. 1991. № 1. С. 12–21. Общение Дильтея и Гуссерля документировано в трех письмах, которыми обменялись философы. См. HuaDok III/6: 43–52; в переводе на русский: Дильтей В., Гуссерль Э. Переписка Вильгельма Дильтея с Эдмундом Гуссерлем // Вопросы философии. 1995. № 10. С. 144–150.

¹⁰ Hua XXX, 364–381. Как отмечают издатели, в измененной форме этот текст воспроизводился Гуссерлем в лекциях зимних семестров 1912–1913, 1914–1915 и 1917–1918 гг. (Hua XXXII, xi).

¹¹ М. Хайдеггер стал ассистентом Гуссерля в 1918 г. Уже тогда его близость к проблематике философии жизни была заметна.

¹² Диссертация была подготовлена под руководством Гуссерля (*Landgrebe L. Wilhelm Diltheys Theorie der Geisteswissenschaften (Analyse ihrer Grundbegriffe) // Jahrbuch für Philosophie und phänomenologische Forschung. 1928. Bd. IX. S. 237–366.*). Второй лекционный курс Гуссерля о проблеме «Природы и духа» был прочитан Гуссерлем в летнем семестре 1927 г. (год публикации «Бытия и времени»).

основания? Это в первую очередь теория предметности и вытекающий из нее логический подход к проблемам философии.

В концепции дескриптивной психологии Франца Brentano само определение психического было завязано на понятие объекта. Отличительным признаком психических феноменов является интенциональное отношение, то есть отнесенность психического в любой его форме к чему-либо как к объекту¹³. В соответствии с этим, объектное отношение, или, как это звучит уже на языке Гуссерля, тип данности той или иной предметности в акте сознания, будет иметь решающее значение для определения природы психического, или, в терминологии Гуссерля, сознания. Аналогично, и специфика любой науки определяется тем типом предметности, который она изучает, а также соответствующим этой предметности методам ее исследования. «Всякая наука высказывает нечто о предметах: что они есть, что они так-то и так-то устроены», все научные положения и постулаты, в которых выражается результат научного познания, что-то высказывают о вещах (Sachen)» (Hua XXIV, 368–369)¹⁴.

3. Предметность и онтология

Важно, однако, что каждой науке может таким образом быть сопоставлена определенная *онтология*. В качестве наиболее показательного примера какой-либо науки Гуссерль обыкновенно использует дисциплину естественнонаучную. Каждая область знания из «войска наук о природе» (Hua XXX, 369) исследует какую-то область целостной природы. Эта область есть совокупность предметов, обладающих единством «благодаря объединяющей их идее» (Hua XXX, 370.23–24). Каждой такой области (и исследующей ее науке) может быть сопоставлена определенная *онтология*. Ее первейшей задачей является обнаружение идеальной сущности, лежащей в основе такой онтологии предметности, всякая работа науки предполагает в конечном счете «субстрат», имеющийся для этой науки в качестве области исследований, сперва предметность должна быть дана в созерцании (а изначально в восприятиях) как существующая действительность, лишь после чего может ставиться

¹³ Brentano Fr. *Psychologie vom empirischen Standpunkt. Erster Band.* Hamburg, 1973. S. 137.

¹⁴ Конечно, здесь термины «предмет» и «вещь» используются в разных смыслах. В одном случае речь идет о предметах сознания, идеальных предметах. Во втором — о вещах реального мира.

вопрос «что есть это сущее» и переведено на уровень логической обработки этих эмпирических понятий (HuaMat IV, 15).

Дальнейшей важной теоретико-методологической задачей является разыскание «кардинальных основополагающих понятий»¹⁵ той или иной науки. В силу их всеобщности они-то и заслуживают называться «категориями». Эти категории будут, в свою очередь, определять понятия низшего уровня.

Соотношение категориальных средств различного уровня выглядит в итоге следующим образом:

A	Уровень аналитически-формальной онтологии	Идеи истины, значения, суждения, доказательства и т. п.
B	Уровень региональных онтологий	Региональное понятие (очерчивающее границы региона)
C	Уровень онтологий отдельных наук	Важнейшие фундаментальные понятия (категории) соответствующей онтологии, входящей в состав региона (региональное понятие получает в таких категориях «предметную развертку» (Hua XXX, 370.37)
D	Уровень отдельных дисциплин	Частные понятия отдельных наук

В связи с такой структурой возникает несколько групп вопросов. 1. Сколько всего регионов существует? Откуда мы знаем о существовании этих регионов? Каков их состав? По какому принципу эти регионы разделены? 2. Какие связи существуют между этими регионами? Как эти связи должны (могут) отражаться на соответствующих онтологиях и на теории науки в целом? 3. Каковы конкретные задачи философии в отношении всех этих различных комплексов знания? Совпадает ли философия в этом отношении с теорией науки (наукоучением)? Является ли его частью? Ориентированным на практические приложения инструментом? Как должно

¹⁵ В терминологии Гуссерля: «kardinale Grundbegriffe» (Hua XXX, 370.33).

выглядеть взаимодействие философии и частных наук? Последние должны «прислушиваться» к философии? Иначе говоря, должны ли ученые, работающие в отдельных областях исследований, время от времени изучать работы философов (методологов)? Разберем эти группы вопросов последовательно.

4. Регионы, их количество. Различия между ними

Рубеж 1910–1911 гг. является по-своему показательным для изучения позиции Гуссерля в том ее виде, как она замышлялась им «из себя», то есть ориентации на проблематику, которая была задана еще Францем Brentano и его школой, а затем спланирована самим Гуссерлем, исходя из тех задач, которые он ставил перед своей философией, отталкиваясь от логического подхода. Удивительно, но здесь пока еще *нет* влияния Дильтея, пусть бы и проявляющегося только лишь на уровне заимствованной терминологии. Быть может, именно потому в гуссерлевской систематике тех лет *совершенно отсутствует такой регион, как дух*. Да, в эти годы у Гуссерля «тоже» два региона: регион формально-аналитический и регион, носящий обозначение «природа». Область формально-априорного у Гуссерля сохранится и в последующем, однако пока что «природа» — единственный представитель материальной онтологии, разделение на «природу» и «дух» пока концептуально не обосновано.

4.1. Природа как «главный» регион

Это обстоятельство не должно вызывать у нас удивления. В указанный период развития философской программы Гуссерля одна из важнейших для него задач — борьба против натурализма. Ему важно обосновать идею, что сознание не есть тот объект, который исчерпывающим образом может быть проанализирован средствами экспериментальной психологии, что сознание («психика») есть область того, что требует совершенно иного подхода (Гуссерль говорит здесь о трансцендентальной феноменологии). Главное, что беспокоит Гуссерля в эти годы — «искушения натурализма и особенно психологизма» (Ниа XIII, 196.6–7). Пока решается эта главная задача, не так важно, какие еще есть науки, наряду с науками о природе, задача классификации наук пока не стоит (Ниа XIII, 196.2–6). В соответствии с позицией этого периода, «природа» рассматривается как единственный универсальный регион, охватывающий все науки, как естествознание в традиционном смысле, так и знание гуманитарное. Гуссерль исходит из «первой, изначальной,

естественной сферы познания» — «природы в широчайшем смысле пространственно-временным образом определенного реального существования, *мира*» (Hua XIII, 195.10–11). Поскольку природа берется в качестве первой естественной области опыта, Гуссерль говорит о науках о природе: «ей соответствуют науки о природе, [то есть] науки о физической и психической природе (науки о природе в узком смысле слова, а также [науки] о духе: о душах (Geistern), о духовных общностях, духовных продуктах) (Hua XIII, 195.12–15). Таким образом духовное и психическое оказывается у Гуссерля поначалу включенным в «природное»¹⁶. Нельзя сказать, чтобы на данном этапе это было таким страшным упущением, поскольку если бы «дух» и «природа» были сразу разделены и противопоставлены друг другу, возникал бы затем непростой вопрос, как их «соединить».

4.2. Природа «и» дух

Но каким образом появляется все же членение на «природу» и «дух»? Вполне в направлении постановки вопросов в 1910–1911 гг., Гуссерль предлагает отталкиваться от естественного познания, от донаучного сознания (HuaMat IV, 17). Оно наполнено изменчивыми вещами и процессами, которые мы можем замечать или на которые можем не обращать внимание. В типической структуре этого предданного мира — то есть всегда уже находимого, обнаруживаемого нами — мы наталкиваемся на первое естественное и понятное для нас разделение: между субъектами и вещами (HuaMat IV, 21). Далее мы обнаруживаем, что переживания сознания, составляющие жизнь моего Я, есть постоянный, непрекращающийся поток перцепции, восприятия¹⁷. В этом наблюдении за собственной жизнью сознания столь же отчетливо проявляется другая важная особенность наших восприятий: далеко не всегда индивидуально единичное дано «в его самости» (Selbstheit), с сознанием его явленности «как оно само». Данное в перцепции может быть также дано «вторичным» образом: оно может быть *воспроизведено*, *репроду-*

¹⁶ Очевидно, неудачность этого способа выражения была Гуссерлем впоследствии осознана («Науки о природе» (Naturwissenschaften) Гуссерль затем поменял на «науки о мире» (Weltwissenschaften), отмечает издатель тома Hua XIII, 195).

¹⁷ Под «перцепцией», отмечает Гуссерль, «мы понимаем всякое сознание, в котором индивидуально-единичный предмет дан нам наглядно, то есть в его самости (Selbstheit), через черты, определяющие его индивидуальную сущность (Eigenwesen), иначе говоря, сознаются как действительно сущие (HuaMat IV, 22–23); этот термин используется у него в качестве синонимичного к «восприятию».

цировано. Так всегда в случае воспоминания. Сколь живо ни был бы представлен объект воспоминания, это всегда не «он сам», но его *образ*. Но все это пока самые общие характеристики восприятия, еще не имеющие непосредственного отношения к проблеме региональных онтологий.

Первый шаг, который в таком анализе восприятия Гуссерль делает в направлении своей конечной систематики регионов («природы» и «духа»), заключается в вычленении «двух групп» переживаний: «чуждых Я» (“*ichfremde*”) и «принадлежащих к Я» (“*icheigene*”), «в определенном смысле “субъективных”» (HuaMat IV, 24). К числу первых относятся зрительные восприятия комнаты, в которой я нахожусь, к группе вторых — любое из рефлексивных. В первой группе, в свою очередь, различимы две подгруппы: «вещи» и «субъекты» (субъекты, разумеется, чуждые Я, данные как «не-Я») (HuaMat IV, 25–26). Итак, в одном случае Я отнесено к своим собственным состояниям и актам, воспринимаемое и воспринятое здесь «нераздельно одно», здесь отсутствует разделение между «самим предметом» и «явлением» этого предмета (HuaMat IV, 25–34). Подробно расписывая особенности внешнего восприятия, Гуссерль на этом пути к своей общей систематике воспроизводит основные положения своей теории восприятия: внешнем восприятии, поскольку оно есть данность через явления, вещь всегда дана в определенной перспективе; эта перспектива неизбежно нуждается в дополнениях, уточнениях (например, при рассматривании вещи с разных сторон). Внешнее восприятие — принципиально не-адекватно и, кроме того, принципиально не завершаемо. Если бы мы попытались представить абсолютно «адекватное» восприятие внешнего объекта, такое восприятие не нуждалось бы ни в каком дополнении, чтобы дать предмет «еще более полно», такое восприятие было бы имманентным: предмет должен был бы быть заключен в этом восприятии (HuaMat IV, 43).

Разделение двух типов восприятия служит для Гуссерля поводом закрепить еще одно терминологическое различие: между «внутренним» и «внешним» или, как Гуссерль предпочитает говорить, «трансцендентным» восприятием (HuaMat IV, 26–29). Закрепив это различие, Гуссерль может сосредоточить внимание уже теперь на «переживаниях внешнего восприятия», то есть «чуждых Я предметностях: вещах, животных» и т. д. (HuaMat IV, 31).

Прежде чем мы перейдем к принципам членения объектов в пределах этих двух типов восприятия, Гуссерль в конечном счете отмечает: когда бы мы ни рассматривали данность предметов во

внешнем восприятии, каждый такой предмет (например, стол), был всякий раз *примером* для целого типа (класса) возможных предметов восприятия. В нашей фантазии мы могли производить с этими предметами неограниченное количество преобразований. Мы не сомневались в действительности этих предметов опыта — однако это не мешало нам созерцать их «чистую возможность» (то есть вариации воспринимаемого предмета). Нам становилось ясно, что любой предмет возможного внешнего восприятия, хотя и воспринят, *мог бы не существовать*. Между тем в отношении имманентных предметов восприятия, наоборот, нельзя было бы усомниться в существовании (HuaMat IV, 52). (Гуссерль здесь ссылается на Декартову очевидность *cogito*.) Из этого, по Гуссерлю, следует, что факт внешнего существования нельзя делать основанием, от которого зависели бы наши научные утверждения.

Если установлено, что ни одно возможное внешнее восприятие не исключает несуществования воспринятого, мы подходим к выводу, что никакой внешний предмет не должен существовать с необходимостью (HuaMat IV, 52). Но далее очевидная возможность — что никакая вещь не есть — не может зависеть от той предпосылки, что вот эта вещь, воспринимаемая мною сейчас, *есть*. Это значит, что нельзя основать логическую необходимость (и возможность) на полагании действительности, осуществляющемся в моих восприятиях, в моем опыте: они бы тогда принципиально не поддавались опровержению. (А ведь мы знаем, что каждое положение внешнего опыта *может* оказаться неистинным.) Собственно, это и означает для Гуссерля, что для целей «чистоты метода» мы должны явным образом исключить это полагание действительности, «вывести его из игры» (HuaMat IV, 52–53).

4.3. «Обыденно-интуитивные» основания отнесения к региону

Выше мы говорили о логических основаниях вычленения различных регионов. Теоретической базой региональных онтологий являлась концепция самостоятельных и несамостоятельных предметов, предложенная Штумпфом. Популярное изложение проблематики региональных онтологий Гуссерль, однако, начинает не с изложения логических вопросов (как в «Идеях»), но с попытки обнаружить мотивы поставить эту проблему, отталкиваясь от нашего обыденного опыта.

Самые общие обоснования Гуссерлем проблематики региональных онтологий всякий раз обнаруживают особого рода отсылки

к интуитивно понятным данностям. «То, что я понимаю под выражением “регион”, [вводимом] для постижения *принципиально замкнутых комплексов (Verbände) дисциплин*, вы можете уяснить себе на примере математики или физики, — так объясняет этот раздел своей феноменологии Гуссерль. — Еще до всякого научно-теоретического разъяснения вы почувствуете, что все дисциплины чистого анализа, такие как арифметика, теория чисел, теория функций и проч., связаны друг с другом, и в этой группе ботанике, к примеру, делать нечего. Точно так же ясно, что механика, акустика, оптика и др. по каким-то принципиальным причинам, которые еще надо разыскать, внутренне связаны друг с другом, а механика и психология — не связаны. Точно так же, литературоведение, искусствознание, наука о религии и др. в качестве наук о культуре сущностно или, как я говорю, *регионально взаимосвязаны*» (HuaMat IV, 7). Эти первые мысли о разделении регионов «природа» и «дух» ориентируются пока еще «наивны», они ориентируются на мир, взятый в дотеоретическом смысле (HuaMat IV, 118).

Гуссерль признается, что выявить, в чем состоит единство этих наук, бывает крайне непросто. Классификация наук как раз и будет подразумевать выявление специфики различных регионов (HuaMat IV, 7). В каждом регионе должно обнаружиться то, что связано «по своей сущности», то есть что не может быть произвольно разъединено.

Сложности деления на регионы, сожалеет Гуссерль, заключаются в том, что границы не проходят столь четко, как между океанами и континентами (так дело может обстоять в лучшем случае внутри отдельных наук). Особенно сложно с двумя главными регионами, «природой» и «духом». Они «взаимно проникают» друг в друга (HuaMat IV, 8), взаимно конституируют (HuaMat IV, 10).

Разумеется, эта предварительная разметка относится пока что к уровню «низшего мышления», ориентирующегося на опыт (Erfahrung) и связи, устанавливаемые в обыденной жизни. Для целей практической жизни это бесполезно, однако все, что таким образом установлено, имеет неясные, подвижные границы. Посредством «логической работы науки» необходимо перевести все это в прочную истину, признаваемую «всяким, кто мыслит разумным образом» (HuaMat IV, 15).

5. Регионы и взаимоотношения между науками

Одна из основных идей, которая стоит за гуссерлевской концепцией региональных онтологий, заключается в том, что систематика дисциплин не тождественная членению на регионы. Можно сказать, сама эта концепция как раз и выдвигается Гуссерлем для того, чтобы обосновать возможность иного «дисциплинарного членения» — того, которому не приходилось бы ориентироваться на сложившуюся структуру дисциплин.

Каковы взаимоотношения между философией и частными системами знания? Самый общий ответ на третью группу может быть представлен следующей совокупностью убеждений. Роль философии по отношению к различным конкретным областям знания — «научно-теоретическая». Философия¹⁸ есть теория науки. Но каковы механизмы «руководства» философией науками? Проще всего и наиболее наглядным образом Гуссерлю удастся разъяснить взаимоотношение между уровнями «А» и «D», то есть между уровнем формально-априорных закономерностей, и уровнем конкретной науки. Все, что мы назовем вещью, имеет телесную форму, находимую в евклидовом трехмерном пространстве, и потому подчиняется геометрическим законам. Далее, вещь определена той или иной длительностью своего существования. Вещь имеет свойства. Вещь изменяется — однако при этом сохраняет свою идентичность. Происходящие с вещью изменения отличимы от изменений, происходящих с другими вещами. Изменения эти сами происходят по определенным законам, вещь никогда не является изолированной, но всегда есть звено в каузально-едином континууме природы (Ниа ХХХ, 277.14—34).

Все это означает, что в исследовании природной вещи можно увидеть проявление наиболее общих формальных законов: о вещи нечто *высказывается* (предицируется); вещь всегда выступает субъектом каких-либо *отношений*; к вещи применима мереологическая модель рассуждений (проблема целого и части). Отталкиваясь от тривиального постулата, «мышлению соответствует мыслимое» (то, что при этом мыслится), Гуссерль продолжает: значит, всякой науке соответствует система суждений, которую можно трактовать как теорию значений (Ниа ХХХ, 367.5—7). И такого рода «наука о значениях вообще, об истинах, возможностях, вероятностях вообще, о предметах вообще в [их] абсолютно чистой и формальной всеобщности, дает систему абсолютных истин, от которой, само собой разумеется, зависит любая наука»; эта «система истин» пред-

¹⁸ Гуссерль, конечно же, использует к тому времени термин «феноменология».

шествует любой конкретной науке (Hua XXX, 367.8–13). В чем проявляется эта «зависимость»? Уровень аналитически-формальной онтологии (А) обнаруживает себя как уровень «прямого действия»: конкретный естествоиспытатель и *так*, «сам по себе» действует в соответствии с формально-логическими закономерностями (если только не несет бессмыслицу). Но если он действует «и так», сам по себе — то значит ли это, что ученому, представляющему какую-либо из частных дисциплин нет нужды ориентироваться на этот уровень, «принимать его к сведению»?

Столь же очевидное отношение мы имеем между уровнями «А» и «В», то есть между уровнем формально-априорным, и уровнем того, что маркирует отнесенность науки к самой общей группе регионов. Обыкновенно естествоиспытатель не сознает даже того, что то, что он называет природой, уже есть абстракция, некоторым образом произведенное «препарирование» исследуемой им области, причем то же касается «наук о духе» (HuaMat IV, 16–17).

6. Полемика по вопросу об онтологии в кругах феноменологов

Довольно распространенная опасность, подстерегающая интерпретаторов Гуссерля заключается, во-первых, в принятии его аргументов без учета контекста, к которому эти аргументы имеют отношение, во-вторых, в отбрасывании других групп аргументации и, наконец, в-третьих, в принятии разъяснений Гуссерля за наиболее полное, исчерпывающее разъяснение, не нуждающееся ни в каких дополнительных уточнениях и проверке. С этой опасностью мы сталкиваемся всякий раз, когда речь заходит о принципиальных для Гуссерля вопросах: о проблеме абсолютного сознания, о редукции как методического пути для его раскрытия, когда речь идет о задачах философии. Отчасти — но только лишь отчасти! — эта опасность восходит к тому пути, который Гуссерль проделал от «Логических исследований» до «Идей к чистой феноменологии». Интерпретация этого пути — довольно распространенный сюжет, многократно разъяснявшийся в трудах исследователей феноменологии¹⁹. Не раз высказывается на этот счет и сам Гуссерль. С неизменным сожалением он отмечает, что коллеги склонны воспринимать его ранний труд («Логические исследования») в контексте значения, которое он имел для современников (то есть исходя из того, какие проблемы

¹⁹ Ср.: *Мотрошилова Н. В.* «Идеи I» Эдмунда Гуссерля как введение в феноменологию. М., 2003.

предшествующей философии он решал) — «но не из того, что могло из него развиваться»²⁰. Помимо того, что «Логические исследования» были «реституцией формальной и материальной онтологии», они были также и подготовкой феноменологии *трансцендентальной*. А для нее онтология хотя и сохраняет свою правомочность (как и реальный мир), однако, поскольку теперь философа интересует конечный, «конкретно полный трансцендентальный смысл», все вопросы «реального», «фактического» существования выводятся за пределы философского интереса. Принцип феноменологической редукции лишь выражает это требование в систематической, развернутой форме. Следствием этой новой ориентации, разъясняет Гуссерль, стало то, что в последующих исследованиях «формальная логика и всякая реальная онтология потеряли для меня свое изначальное значение» в пользу теории трансцендентальной субъективности, понятой как интересубъективность».

«Онтология не есть феноменология» — этот тезис разъяснял Гуссерлем не раз, на разные лады (ср.: Hua V, 129). В отличие от подхода традиционной онтологии, феноменологический подход обращается с темами своего анализа как к динамическими, конституируемыми трансцендентальным сознанием предметностями. В отношении «природы» и «духа» становится ясно, что эти предметности конституируются значительно более сложным, многоуровневым образом (в отличие от таких, например, предметностей, как «число» или «величина»). Критикуя опору на «онтологические постулаты», Гуссерль имеет в виду прежде всего недостаточность онтических полаганий онтологии (Hua V, 92)²¹, то есть тех, что исходят из наивного полагания реального²². Вместе с тем в кругах кол-

²⁰ В письме Георгу Мишу от 16 ноября 1930 г. (HuaDok III/6, 282; след. цитаты: там же).

²¹ «Онтический» (ontisch) — термин, используемый в феноменологии Гуссерля, а затем и в фундаментальной онтологии Хайдеггера; подразумевает ориентированность исследования на исследование на сущее («Onta»). Ср.: Hua V, 78.

²² Позиция Гуссерля по этому вопросу, конечно, значительно более дифференцирована. Так, например, помимо «реальной онтологии», то есть онтологией реального мира, помимо науки о реальном бытии (Гуссерль иногда называет ее «апостериорной метафизикой»), столь же непригодна для целей феноменологии и «априорная онтология» («априорная метафизика»). Ср.: Hua XXIV, 101.

Именно этому контексту принадлежит известная цитата из манускриптов, возникших в связи с работой над одним из ранних введений Гуссерля в феноменологию, лекционным курсом «Логика, теория познания (1906–07 гг. [сам фрагмент относится предположительно к 1908 г.]). В этом фрагменте Гуссерль указывает, что в трансцендентальной феноменологии мы не имеем дело с онтологией априорной, с реальной онтологией любого рода (Hua XXIV, 425). (Именно из рукописей к этому лекционному курсу эта цитата вошла в предисловие Вальтера Бимеля к «Пяти лекциям о феноменологии». См.: Hua II, X).

лег Гуссерля были и другие варианты трактовки онтологии. Чтобы не затрагивать сейчас сложные контексты философской полемики между Хайдеггером и Гуссерлем, приведем в качестве примера основные линии расхождения между Гуссерлем и одним из его наиболее близких учеников в 1920-е гг., Романом Ингарденом. Позиция Ингардена заслуживает развернутой характеристики.

6.1. Ингарден о соотношении феноменологии и онтологии

Высказывая обычные после выхода на пенсию сожаления об отсутствии подлинного понимания его трансцендентальной феноменологии (и настоящих учеников, которые бы «предвосхищали» его собственные идеи), Гуссерль высказывает сожаление и в адрес своего адресата: «К сожалению, и Вы, дорогой друг, как кажется, слишком утвердились в своей онтологии»²³. Упрек высказан в мягкой форме; его контекст достаточно наглядно разъясняет Ингарден, и эти разъяснения принадлежат к числу наиболее важных по вопросу о соотношении феноменологии и онтологии²⁴. Упрек этот звучал уже не в первый раз, отмечает Ингарден. Что именно он ответил Гуссерлю, установить в точности было невозможно (письмо Ингардена сторе́ло), однако «мой ответ Гуссерля, очевидно, в определенной степени удовлетворил». Свои аргументы Ингарден реконструирует следующим образом. «Упрек в “онтологизме”... мог означать различное. Прежде всего речь могла идти о том, что я занимаюсь онтологически ориентированными исследованиями, вместо того чтобы взяться за конститутивные проблемы. Однако упрек подразумевал также, что результаты, полученные онтологическим путем, я считаю определенными... Смысл упрека шел, конечно, еще дальше: он подразумевал, что свои онтологические работы я считаю предварительной ступенью в дискуссии с трансцендентальным идеализмом». Проблемы внешнего восприятия, затронутые в диссертации Ингардена, действительно обратили его, как признается польский феноменолог, к проблемам онтологии. Связанные с внешним восприятием конститутивные проблемы «заронили мысль, что конститутивное рассмотрение не может быть успешно проведено без предварительного прояснения сущностного смысла того, что конституировано. Если воспользоваться словами Канта, необходимо иметь “трансцендентальный ориентир”,

²³ В письме Ингардену от 21 декабря 1930 г. (*Husserl E., Ingarden R. Briefe an Roman Ingarden. Mit Erläuterungen und Erinnerungen an Husserl. Den Haag, 1968. S. 61–62.*)

²⁴ *Husserl E., Ingarden R. Briefe an Roman Ingarden. S. 165–167.*

позволяющий проследить само-конституирование конституированной предметности в *соответствующих* процессах сознания. Нужно точно знать, *чем* должно стать определенное конституированное “X” ...»²⁵ Это означало бы, продолжает Ингарден, что «онтологическое рассмотрение предмета, конституирование которого изучается, должно бы предшествовать собственно ноэтически ориентированному рассмотрению»²⁶. Эти размышления, получившие развернутую аргументацию в различных работах Ингардена — лишь первое и самое общее указание на то, что проблему онтологии (а значит, и региональных онтологий) совсем не обязательно считать лежащей за пределами феноменологической проблематики.

6.2. Резюме: подходы по вопросу о соотношении феноменологии и онтологии

За почти уже столетнюю историю проблема феноменологии «и» онтологии превратилась в высшей степени спорную, приводящую к непримиримым спорам тему. Каковы основные позиции по этому вопросу? 1) Исторически первой была позиция Гуссерля, как правило употреблявшего термин «онтология» применительно к научному познанию до-феноменологического уровня. 2) Позиция позднего Гуссерля, периодически использовавшего термин «онтология» в значительно более широком смысле (см. далее). 3) Позиция Ингардена, склонного трактовать онтологию более широко, нежели это делал Гуссерль (трансцендентальная субъективность была для Ингардена частью всеобщей онтологии); различные модификации этой позиции были представлены М. Шелером и Н. Гартманом. 4) Позиция Хайдеггера, убежденного в том, что феноменология (как и всякое вообще по-настоящему философское исследование) есть с необходимостью онтология. 5) Наконец, имелась не менее радикальная позиция, хотя и признававшая за Шелером и Гартманом принадлежность к онтологии, но зато относившая мыслителей, ставивших проблематику субъективности (в том числе и трансцендентальной), к «субъективистам»²⁷.

Последняя из позиций мало что дает нам для понимания места онтологии в феноменологии Гуссерля и немецкой феноменологической традиции в целом, тогда как первые четыре должны всякий раз учитываться в интерпретациях.

²⁵ *Husserl E., Ingarden R. Briefe an Roman Ingarden. S. 166.*

²⁶ *Ibid.*

²⁷ *Mohanty J. N. Phenomenology and Ontology. Den Haag: Nijhoff, 1970. S. 94.* «Субъективистами у Моханти оказываются как Наторп, так и Гуссерль (!).

7. Трансцендентальная субъективность и трансцендентальная феноменология

Суггестия самоинтерпретаций Гуссерля и, в особенности, его борьбы за верное понимание феноменологической редукции, главного для него «метода» и «пути» в трансцендентальную феноменологию, зависела зачастую от двух по крайней мере немаловажных обстоятельств. Первое заключается в том, что *чистая* феноменология (которой как раз и посвящена первая книга «Идей») есть *лишь часть* общепеноменологической программы Гуссерля. Книга совершенно не случайно носит название «Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии». Исследователи совершенно верно отмечают, что «Идеи I» сосредоточены главным образом на чистой феноменологии, однако вместе с тем «артикулируют ее как основу феноменологической философии», и в этой второй своей форме феноменология должна дать прояснения *всего* знания²⁸. Иными словами, возврат к трансцендентальной субъективности есть не *самоцель*, а *путь* того преобразования философии (и научного знания вообще!), который видится Гуссерлю. Спросим теперь о *цели* того преобразования философии, который начиная с 1907–1913 г. предлагает Гуссерль? Разъясняя цель той подлинной философии, путь к которой лежит через открытие трансцендентальной субъективности, Гуссерль постоянно, едва ли не во всех своих сочинениях, говорит о проблемах наук и научности. Идея Науки есть то, что никак нельзя вычеркнуть из его феноменологии, если только мы хотим понять основные устремления его философии. А вместе с проблемой Науки, (частных) наук и идеалов научного знания дана также и проблема региональных онтологий, которые не являются чем-то внешним по отношению к феноменологической программе, но, наоборот, суть конкретные и необходимое развитие идеи трансцендентальной философии.

Десятого ноября 1925 г. Гуссерль пишет Беллу: «Право говорить о феноменологической философии обосновано теперь более, чем раньше, идея феноменологии расширилась до универсальной, отношение онтологии (вообще априорной науки) к эйдетической феноменологии (материнской почве всех априорных наук, проясненных в своих основаниях и в естественном расширении их все охватывающей) прояснено более глубоко, равно как и в особенности отношение чистой и подлинной психологии к наукам о духе, а их всех — к феноменологии» (HuaDok III/3, 56). Сходным об-

²⁸ *Schuhmann K.* Die Dialektik der Phänomenologie II: Reine Phänomenologie und phänomenologische Philosophie. Den Haag, 1973. S. 83.

разом Гуссерль выражается и в письме Ингардену от 21 декабря 1930 г. «С прошлого лета, после завершения последней книги²⁹, я нахожусь в страстно углубленном изучении первых заделов, набросков, множественных линий мысли трансцендентальной феноменологии — как универсальной философии, которая, будучи вполне разработана, в конечном обосновании *охватывала бы все онтологии (все априорные науки) и все науки вообще*»³⁰. Разумеется, Гуссерль не имеет в виду, что трансцендентальная феноменология превращается в некоего рода универсальную «сверхнауку», охватывающую все области знания, то есть чтобы она фактически занималась работой физики, химии или биологии. «Все онтологии» она охватывает только лишь «в конечном обосновании», то есть выявляя важнейшие присущие этим онтологиям принципы. Однако это означает, что сфера притязаний трансцендентальной феноменологии распространяется на *все онтологии, все априорные науки*. Столь же отчетливо это звучит в «Картезианских медитациях», предпоследней работе Гуссерля, которую он выстраивает как очередное введение в феноменологию: «...систематически вполне развитая трансцендентальная феноменология была бы *eo ipso истинной и подлинной универсальной онтологией*; однако не только лишь пустой формальной, а одновременно также и такой, *которая заключала бы в себе все региональные бытийные возможности...*» (Hua I, 159; курсивы мои. — И. М.). Тем самым Гуссерль как бы замыкает круг мысли, начатый с изложения философских задач Декарта: «Каждый, кто всерьез желает стать философом, должен “один раз в жизни” вернуться к самому себе и в ниспровержении всех прежде значимых для него наук попробовать их новообоснование» (Hua I, 4). Примерно о том же Гуссерль говорит и в «Формальной и трансцендентальной логике» (1929). Он сообщает, что готовит «изложение ряда довольно обширных многолетних исследований, которым надлежит дополнить наукоучение формальное — [наукоучением] *материальным, устроенным совершенно иначе...*» (Hua XVII, 21; курсив мой. — И. М.). Все это подтверждает, что проблема региональных онтологий — не внешняя («случайная», «прикладная»)

²⁹ Подразумеваются «Картезианские медитации», отправленные в печать еще в мае 1929 г., но к тому времени еще не вышедшие.

³⁰ (HuaDok III/3, 269; курсив мой. — И. М.). Даже если мы предположим, что способ увязывает здесь феноменологию и онтологию прежде всего с дипломатическими целями, то есть надеясь «заманить» Ингардена в собственную трансцендентальную феноменологию, тезис об интересах феноменологии к охвату всех возможных онтологий все же заслуживает внимания.

проблема для феноменологии, но нечто, что сущностным образом принадлежит ее программе.

Как известно, в «Кризисе» свою заинтересованность в судьбе наук Гуссерль высказает еще более радикально. Причины начавшегося в конце XIX в. кризиса наук и культуры не просто в том, что философия не сумела должным образом исполнить свою методологическую роль по отношению к частным наукам. Более глубокая причина всеобъемлющего кризиса в том, что философия оказалась несостоятельна в своем призвании (Beruf), своей телеологической функции: дать нормативное руководство высшему типу человечества, который должен был бы реализоваться в Европе. При этом науки — Гуссерль называет их «современными частными наукам (Sonderwissenschaften)» — суть продолжения философии, ее «ветви» (Гуссерль в письме Ингардену от 10 июля 1935 г.; HuaDok III/3, 302)³¹. Поскольку науки — «ветви», *продолжения* философии, то и интересы Гуссерля-философа простираются достаточно далеко. Амбиции Гуссерля как философа охватывают *все* области знания. Во-первых, все области, в то время включавшиеся в философию. По его убеждению, философ «желает охватить все философские области, а поскольку ни одна из них не обоснована прочно научным образом, он желает основать их все и по-новому сформировать (neu gestalten). Если он занимается логикой, то пожелает создать совершенно новую логику. Столкнется с теорией суждения — что же, необходимо разобраться и с ней, однако занимается он этим лишь как малой важной частью всей системы» (HuaDok II/5, 6).

Конечно, если изучение Гуссерля не являлось когда-либо специальной целью, все эти детали его общефилософской программы могут и не быть известны, Однако уже самые общие — словарные, энциклопедические — статьи о ней недвусмысленно намекают, что проблема наук является для феноменологии центральной. Настолько, что одно из двух определений феноменологии, которое

³¹ Ср. также: «Феноменология в определенном смысле охватывает все науки» (Hua Mat IV, 72). Эта позиция соответствует теории Гуссерля о происхождении наук в Древней Греции: на рубеже VII и VI вв. до н. э. рождается «совершенно новая установка индивида по отношению к окружающему миру», и ее следствием становится новая культурная форма, «которую греки называли философией». «В правильном переводе, в изначальном смысле, — продолжает Гуссерль, — [философия] означает ни что иное как универсальная наука, наука о мироздании, о всеединстве всего сущего. Довольно скоро интерес ко Всему, а вместе с тем и вопрос о всеобъемлющем становлении и бытии в становлении начинает специализироваться в соответствии со всеобщими формами и регионами бытия, и таким образом философия, Единая наука разветвляется на множественные частные науки» (Hua VI, 321; курсив мой. — И. М.)

Гуссерль дает в своей статье для Британской энциклопедии напрямую указывает на ее функцию по отношению к наукам: феноменология есть «...универсальная философия, которая может снабдить нас *инструментарием для систематического пересмотра всех наук*» (Гуссерль 1991; курсив мой. — *И. М.*). Функция «инструментария для пересмотра» есть функция *методологическая*.

Однако у Гуссерля есть совершенно отчетливые свидетельства также и значительно более радикальной позиции по вопросу «философия [феноменология] / науки». В соответствии с этой более радикальной версией, методология научного знания не просто одна из важнейших функций феноменологии, но сама трансцендентальная феноменология есть наиболее полное воплощение идеи Науки. Любой науки, *всех* вообще наук. Это мировоззрение, видящее в философии «царицу наук», которая как минимум предоставляет общеметодологические основания наукам, в целом было характерно для немецкой академической философии тех десятилетий. О философской фундаментальной дисциплине, в которой «мы очень нуждаемся», говорит П. Наторп в 1897 г.³² При этом важно, что «фундаментальная дисциплина» о которой говорят немецкие мыслители (и Гуссерль в том числе) неизменно ставится в контексте *всех наук*³³. Довольно часто говорилось и о том, что философу фактически надлежит взять на себя задачу, которая, в общем-то должна была входить в сферу компетенции отдельных наук³⁴. В феноменологии самого Гуссерля можно найти достаточно примеров, когда он вовлекается в обсуждение проблем, скорее принадлежащих частным наукам³⁵.

Установка немецкого идеализма, которую всецело разделяет Гуссерль, восходит к достаточно давним моделям размышления о философии, которые можно найти не только в немецком идеализме и которые будут продолжены и после него в философии Хайдеггера³⁶, но может быть прослежена в философии Аристотеля.

³² В письме Гуссерлю от 14/15 марта 1897 г. HuaDok III/3, 51.

³³ Там же. S. 51 (подразумевается, конечно: к объективному содержанию наук. См.: там же, S. 52).

³⁴ «Важнейшая и наиболее современная задача наук о духе, вплоть до их наиболее специальных частей, заключается в прояснении понятий [этих наук], что может сделать лишь философ» (HuaDok III/3, 329; Э. Йенш в письме Гуссерлю от 29 декабря 1917).

³⁵ Так, например, в вопросах инстинктов (Hua XLII).

³⁶ В критическом отзыве на трактат о свободе Ф. Шеллинга Гегель отмечает: «он стоит одиноко, а в философии нельзя развивать ничего единичного» (курсив мой. — *И. М.*). Важно, что эту цитату приводит Хайдеггер в своих лекциях о Шеллинге (*Heidegger M. Die Metaphysik des deutschen Idealismus. Zur erneuten Auslegung von Schelling // Martin Heidegger Gesamtausgabe. Frankfurt a. M., 1991. Bd. 49. S. 7*).

Спустя некоторое время именно это притязание феноменологии на «охват всего» вызовет заметный энтузиазм в кругах академической философии: в феноменологии увидят обновленную попытку реализовать давние притязания философии на руководящую роль в системе знания. Важно, отмечает один из коллег Гуссерля, что феноменология затрагивает пограничные проблемы между собственно чистой философией и отдельными науками — это важно в том числе ввиду взаимодействия ученых внутри факультета (1922) (HuaDok III/3, 331).

Заключение

Подведем некоторые итоги. Проблема региональных онтологий есть закономерное развитие общефилософской программы Гуссерля, которая была заявлена еще в первом томе «Логических исследований»; проблема науки, оснований научного знания, а также судьбы частных научных дисциплин с тех пор и до самых последних работ не только не исчезают из поля зрения Гуссерля, но неизменно остаются в центре его внимания. Уже начиная с 1913 г. Гуссерль говорит о феноменологии не только как о «чистой феноменологии», но и как о феноменологической философии. Феноменология в этом втором смысле неотделима от программы новообоснования знания и затрагивает проблемы различных дисциплин.

Литература

Виндельбанд В. История древней философии / Пер. под ред. А. И. Введенского. СПб.: Тип. И. Н. Скороходова, 1893.

Гуссерль Э. Логические исследования. Том I. Прологомены к чистой логике / Пер. с нем. Э. А. Бернштейна под ред. С. Л. Франка. Новая редакция Р. А. Громова. М.: Академический проект, 2011.

Гуссерль Э. Феноменология (Статья для Британской энциклопедии) / Пре-дисл., пер. с англ. и примеч. В. И. Молчанова // Логос. 1991. № 1. С. 12–21.

Гуссерль Э. Философия как строгая наука // Логос. 1911. № 1. С. 1–56.

Дильтей В. Введение в науки о духе. Опыт полагания основ для изучения общества и истории. М.: Дом интеллектуальной книги, 2000.

Дильтей В., Гуссерль Э. Переписка Вильгельма Дильтея с Эдмундом Гуссерлем // Вопросы философии. 1995. № 10. С. 144–150.

Мотрошилова Н. В. «Идеи I» Эдмунда Гуссерля как введение в феноменологию. М.: «Феноменология-герменевтика», 2003.

Хоркхаймер М. Затмение разума. К критике инструментального разума. М.: Канон+, 2011.

Швырев В. С. Методология // Энциклопедия философии и методологии науки / Под ред. И. Т. Касавина. М.: Канон+, 2009. С. 495–497.

Brentano Fr. Psychologie vom empirischen Standpunkt. Mit Einleitung, Anmerkungen und Register hrsg. v. Oskar Kraus. Erster Band. Hamburg: Meiner, 1973. [unveränd. Nachdr. d. Ausg. v. 1924].

Dilthey W. Studien zur Geschichte des Deutschen Geistes, in: Wilhelm Dilthey Gesammelte Schriften. Bd. III. Stuttgart: Teubner; Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1992. 6. unveränd. Aufl.

Fisette D. Husserl's Programme of a Wissenschaftslehre in the Logical Investigations. In: Husserl's Logical Investigations Reconsidered. Contributions to Phenomenology, vol. 48. 2003. Springer, Dordrecht. URL: https://doi.org/10.1007/978-94-017-0207-2_4.

Heidegger M. Die Metaphysik des deutschen Idealismus. Zur erneuten Auslegung von Schelling (Freiburger Vorlesung u. Seminar 1941). Frankfurt a.M.: Klostermann, 1991.

Hua I — *Husserl E.* Cartesianische Meditationen und Pariser Vorträge. Hg. v. St. Strasser. Husserliana. Bd. 1. Den Haag: Nijhoff, 1950.

Hua II — *Husserl E.* Die Idee der Phänomenologie. Fünf Vorlesungen / Hg. v. W. Biemel. 1950; 2ю Aufl. 1973.

Hua III/1 — *Husserl E.* Ideen zu einer reinen Phänomenologie und phänomenologischen Philosophie. Erstes Buch: Allgemeine Einführung in die reine Phänomenologie. 1. Halbband. Text der 1.–3. Auflage, Neu hg. v. K. Schuhmann. Husserliana. Bd. III/1. Dordrecht: Kluwer, 1976.

17. Hua V — *Husserl E.* Ideen. Drittes Buch: Die Phänomenologie und die Fundamente der Wissenschaften / Hg. v. W. Biemel. 1952.

Hua XLII — *Husserl E.* Grenzprobleme der Phänomenologie. Analysen des Unbewusstseins und der Instinkte. Metaphysik. Späte Ethik. Texte aus dem Nachlass (1908–1937) / Ed. R. Sowa, T. Vongehr // Husserliana. Bd. XLII. Dordrecht: Springer, 2013.

Hua XVII — *Husserl E.* Formale und transzendente Logik. Versuch einer Kritik der logischen Vernunft. Husserliana. Bd. XVII. Den Haag: Nijhoff, 1974.

Hua XXXII — *Husserl E.* Natur und Geist Vorlesungen Sommersemester 1927. Ed. Michael Weiler. Husserliana. Bd. XXXII. Springer Dordrecht, 2001.

Hua XXIV — *Husserl E.* Einleitung in die Logik und Erkenntnistheorie. Vorlesungen 1906–07, Hg. v. U. Melle. Dordrecht: Kluwer, 1984.

Hua XXV — *Husserl E.* Aufsätze und Vorträge (1911–1921), Hg. v. Th. Nenon, H.-R. Sepp // Husserliana. Bd. XXV. Dordrecht, 1986.

Hua XXX — *Husserl E.* Logik und allgemeine Wissenschaftstheorie. Vorlesungen 1917/18, mit ergänzenden Texten aus der ersten Fassung 1910/11, Hg. v. U. Panzer. Husserliana. Bd. XXX. Kluwer: Dordrecht, 1996.

HuaDok II/5 — *Husserl E.* Urteilstheorie. // Husserliana. Dokumente. Dordrecht: Springer, 2002.

HuaDok III/3 — *Husserl E.* Briefwechsel. Teil 3. Die Göttinger Schule // Husserliana. Dokumente. Bd. III. Dordrecht: Kluwer, 1994.

HuaMat IV — *Husserl E.* Natur und Geist. Vorlesungen Sommersemester 1919. Hrsg. v. M. Weiler. Husserliana. Bd. IV. Dordrecht: Kluwer, 2002.

Husserl E., Ingarden R. Briefe an Roman Ingarden. Mit Erläuterungen und Erinnerungen an Husserl. Den Haag: Nijhoff, 1968 (Phaenomenologica, vol. 25).

Krasnodebski Z. Regional Ontologies and the Life-World. The Interpretation of the Humanities in E. Husserl's Phenomenology // The Polish Sociological Bulletin. 1988. No. 84. P. 29–51.

Landgrebe L. Wilhelm Diltheys Theorie der Geisteswissenschaften (Analyse ihrer Grundbegriffe) // Jahrbuch für Philosophie und phänomenologische Forschung. 1928. Bd. IX. S. 237–366.

Mittelstraß J. Methodologie. // Enzyklopädie Philosophie und Wissenschaftstheorie / Hrsg. v. J. Mittelstraß. Stuttgart; Weimar: J.B. Metzler, 1995. S. 887.

Mohanty J. N. Phenomenology and Ontology. Den Haag: Nijhoff, 1970 (Phaenomenologica, vol. 37).

Rothacker E. Logik und Systematik der Geisteswissenschaften. Bonn: H. Bouvier u. Co. Verlag 1948.

Schuhmann K. Die Dialektik der Phänomenologie II: Reine Phänomenologie und phänomenologische Philosophie. Historisch-analytische Monographie über Husserls Ideen I. Den Haag: Martinus Nijhoff, 1973. (Phaenomenologica, vol. 57).

Trizio E. Philosophy's Nature: Husserl's Phenomenology, Natural Science, and Metaphysics. Routledge, 2020 (Series: Routledge Research in Phenomenology).

Феноменология, региональные онтологии и позитивные науки¹

Статья посвящена критическому анализу предложенной И. А. Михайловым интерпретации гуссерлевской концепции региональных онтологий как программы методологического обоснования конкретных научных дисциплин. Согласно И. А. Михайлову, феноменология есть онтология в той мере, в какой она фактически выступает в качестве методологии научного знания. Анализируя гуссерлевскую концепцию феноменологического метода в «Идеях I», в соответствии с которой региональные онтологии должны быть подвергнуты феноменологической редукции, автор стремится продемонстрировать невозможность интерпретации трансцендентальной феноменологии как методологии позитивных наук. Автор предлагает и обосновывает свое видение мотивов, лежащих в основании гуссерлевской концепции региональных онтологий, а также анализирует актуальность этой концепции в свете современных междисциплинарных исследований. В заключение рассматриваются контраргументы, выдвинутые И. А. Михайловым в поддержку предложенной им интерпретации региональных онтологий.

Ключевые слова: региональные онтологии, феноменология, феноменологическая редукция, позитивные науки, мир, субъективность.

Mikhail A. Belousov

PHENOMENOLOGY, REGIONAL ONTOLOGIES AND POSITIVE SCIENCES²

The article is devoted to a critical analysis of the proposed I. A. Mikhailov's interpretation of Husserl's concept of regional ontologies as a program for methodological substantiation of specific scientific disciplines. According to I. A. Mikhailov, phenomenology is ontology to the extent that it actually acts as a methodology of scientific knowledge. Analyzing Husserl's concept of the phenomenological method in Ideas I, according to which regional ontologies should be subjected to phenomenological reduction, the author seeks to demonstrate the impossibility of interpreting transcendental phenomenology as a methodology of the positive sciences. The author proposes and substantiates his vision of the motives underlying Husserl's concept of regional ontologies, and also analyzes the relevance of this concept in the light of modern interdisciplinary research. In conclusion, the counterarguments put forward by I. A. are considered. Mikhailov in support of his proposed interpretation of regional ontologies.

Keywords: regional ontologies, phenomenology, phenomenological reduction, positive sciences, world, subjectivity.

В своем тексте я хотел бы проблематизировать некоторые из

¹ Статья написана при поддержке гранта РФФ № 23-18-00802 «Мир, язык, реальность: европейская и русская философия в концептуальном и терминологическом измерении».

² The research was supported by RSF (project No. 22-18-00450).

ключевых тезисов доклада Игоря Анатольевича Михайлова, вокруг которых строилась дискуссия, а также затронуть узловые точки самой дискуссии. Я также хотел бы рассмотреть контраргументы, приведенные И. А. Михайловым в поддержку предложенный им интерпретации гуссерлевской идеи региональных онтологий.

Региональные онтологии и принцип феноменологической редукции

Понятие «региональных онтологий» появляется в трансцендентальный период феноменологии Гуссерля, начало которого можно — с известной долей условности — датировать 1907 г., когда Гуссерль впервые вводит (в лекционном курсе «Идея феноменологии») принцип феноменологической редукции³. В главном программном сочинении этого периода — первой книге «Идей к чистой феноменологии и феноменологической философии» — мы находим весьма обстоятельную разработку концепции региональных онтологий⁴. В соответствии с интерпретацией, предложенной И. А. Михайловым, появление термина и разработка концепции региональных онтологий в текстах Гуссерля 1910–1919 гг. связана с тем, что одной из важнейших функций феноменологии оказывается создание методологии научного знания на уровне отдельных дисциплин, что достигается посредством превращения феноменологии в систему региональных онтологий. Феноменология, таким образом, есть онтология *в той мере*, в какой она выступает в качестве методологии позитивных наук.

Я, напротив, намерен показать, что феноменология, поскольку она, согласно Гуссерлю, невозможна без осуществления редукции, полностью нейтрализует онтологии, и, как следствие, не только не тождественна онтологиям, но и *вообще ею не является*. В этом плане никакая онтология, будь то формальная или региональная, не входит *в феноменологию как таковую*, а задача построения методологии конкретных научных дисциплин имеет смысл лишь в рамках естественной установки, приостановка которой и представляет собой один из центральных компонентов феноменологического метода в гуссерлевском смысле. Другими словами,

³ Husserl E. Die Idee der Phänomenologie. Fünf Vorlesungen. Den Haag, 1973 (Hua II). S. 23.

⁴ Husserl E. Ideen zu einer reinen Phänomenologie und phänomenologischen Philosophie. Erstes Buch. Allgemeine Einführung in die reine Phänomenologie. I Halbband. Den Haag, 1976 (Hua III). S. 23–39.

феноменология вовсе не есть царица наук как система региональных онтологий или совокупность онтологических предпосылок, поскольку в этом качестве она — для Гуссерля — была бы философски наивна, между тем как обоснование научного знания, оказывающееся одним из результатов феноменологического исследования, не является онтологическим и представляет собой всего лишь вторичный эффект феноменологии, чье основное содержание лежит за пределами позитивных наук и онтологии вообще, так как не принадлежит *миру*.

Обоснование этих тезисов следует начать с указания на очевидное, но, к сожалению, часто игнорируемое обстоятельство: *трансцендентальная* феноменология в гуссерлевском смысле *совершенно невозможна* без осуществления феноменологической редукции, то есть без исключения мира и мирских интересов⁵. Но редукция, по замыслу Гуссерля, нейтрализует *все онтологии* (как региональные онтологии, так и онтологию формальную), и тем самым полностью очищает феноменологию от онтологических предпосылок⁶. Отсюда следует, что у *самой феноменологии* нет никакого позитивно-научного методологического содержания (ведь его, согласно И. А. Михайлову, образует система региональных *онтологий*), и приписывание ей такового следует признать простым недоразумением — натурализацией феноменологии, то есть смешением принципиально непозитивной (трансцендентальной) и позитивной науки. Для зрелого («трансцендентального») Гуссерля феноменология как методология позитивных наук, и, следовательно, как метод, попросту *предполагающий мир* — это круглый квадрат или деревянное железо. Феноменология не может здесь «помочь» позитивным наукам в решении стоящих перед ними задач и дать им какие-то методологические указания по той причине, что определяющий их (и, тем самым, любую «методологию» позитивной науки) наивно-прямой интерес к миру она как раз и выводит из игры. Иначе говоря, методология содержит указания («поучения», по выражению И. А. Михайлова) относительно того, как реализовать этот интерес, который, конечно, теряет всякий смысл там, где сам метод исследования основывается на *несоучастии* в интересе, и, таким образом, в усилиях, направленных на его реализацию (Гуссерль именует это несоучастие *феноменологическим эпохе*). Таким образом, к существованию самого феноменологического метода, как его понимает Гуссерль,

⁵ Ср., напр.: Hua II. S. 6; Hua III. S. 122–134.

⁶ Hua III. S. 125–130.

принадлежит запрет на построение позитивно-научных «методологий» и вмешательство в работу мирских наук⁷.

В подтверждение сказанного приведу несколько длинных, но важных цитат, которые, как я полагаю, позволяют положить конец всем спорам по поводу соотношения трансцендентальной феноменологии (феноменологии в гуссерлевском смысле), онтологии и методологии позитивно-научного знания.

Указывая на необходимость выключения «материально-эйдетических дисциплин» (то есть региональных онтологий), Гуссерль пишет следующее: «Теперь же для нас фундаментально значительным станет усмотрение того, что *отнюдь не все сущности* входят в круг феноменологии, но что, подобно тому, как среди индивидуальных предметностей имеет место различие предметностей имманентных и трансцендентных, это самое значимо и для соответствующих *сущностей*. Так, “вещь”, “пространственная форма”, “движение”, “вещный цвет” и т. п., но также и “человек”, “человеческое ощущение”, “душа”, “душевное переживание” (переживание в психологическом смысле), “личность”, “свойство характера” и т. п. — все это трансцендентные сущности. Если же мы намерены формировать феноменологию как *чисто дескриптивное сущностное учение об имманентных образованиях сознания*, о событиях, схватываемых в потоке переживания в рамках феноменологического выключения, то к этим рамкам не принадлежит ничего трансцендентно-индивидуального, равно как к феноменологии не принадлежит *ни одна из “трансцендентных сущностей”*, логическое место которых, скорее, в сущностном учении о соответствующих трансцендентных предметностях, в онтологии их.

⁷ Исключением из этого правила является психология, поскольку как эмпирическая наука о *сознании* она не может обойтись без «априори сознания», чей истинный смысл раскрывает только феноменология. В этом смысле феноменология действительно «дает поучения» эмпирической психологии (*Husserl E. Aufsätze und Vorträge* (1911–1921). Dordrecht, 1987 (Hua XXV). S. 38–39. Однако регион *феноменологически очищенного сознания* (Hua III. S. 128), в отличие от обычных регионов, вовсе не является *областью реальности* (мира), и в этом смысле феноменология *вовсе не есть региональная онтология сознания* (сознание как *регион действительности* в обычном смысле, то есть как душа и психика, как сознание, *принадлежащее человеку или животному*, выводится из игры точно так же, как природа — соответственно, региональная онтология психического также подпадает под феноменологическую редукцию (Идеи I, § 53–54). Редукция, таким образом, нейтрализует любую онтологию, включая онтологию сознания, *как онтологию*, то есть как то, что в своих утверждениях относится к *действительному миру*, — *после* редукции от онтологии сознания остается лишь «априори сознания» (Hua III. S. 128), *очищенное* (в отличие от априори, составляющего онтологию «души» или «психического») от всего, что придает сознанию включенность в мир как *omnitude realitatis*.

Итак, феноменологии с ее имманентностью не придется производить *никаких бытийных полаганий подобных сущностей*, не придется высказываться об их значимости и *не-значимости* или, скажем, об идеальной возможности соответствующих им предметностей, не придется устанавливать каких-либо относящихся к ним *сущностных законов*.

Трансцендентно-эйдетические регионы и дисциплины принципиально не могут создать предпосылки для феноменологии, если только она действительно намерена связать себя областью чистого переживания. Поскольку же наша цель как раз и состоит в том, чтобы положить основание феноменологии именно в такой чистоте (в соответствии с уже высказанной нормой), и поскольку величайший философский интерес также связан со вполне сознательным поведением такой чистоты, то мы осуществляем *эксплицитное расширение первоначальной редукции* и распространяем ее теперь на все трансцендентно-эйдетические области и принадлежащие к ним *онтологии*.

Итак: подобно тому как мы выключаем действительную физическую природу и эмпирическое естествознание, мы выключаем и эйдетическое естествознание, т. е. те науки, которые онтологически исследуют то, что сущностно принадлежит к физической природной предметности как таковой. Геометрия, кинематика, “чистая” физика материи — все они заключаются в скобки. Равным образом, подобно тому как мы исключили все опытные науки о животных существах и все эмпирические науки о духе, изучающие личные существа в личных союзах, людей как субъектов истории, как носителей культуры, а также и сами культурные образования и т. д., точно так же мы выключаем теперь и соответствующие этим предметностям эйдетические науки⁸. Здесь Гуссерль не только осуществляет эксплицитное расширение феноменологической редукции на региональные онтологии, но и специально подчеркивает, что место «трансцендентных сущностей» — *не в феноменологии, а онтологии*. Полной независимости феноменологии от региональных онтологий он придает принципиальное методическое значение: «С учетом тех философских функций, какие призвана взять на себя феноменология, здесь уместно внятно заявить о том, что нашими данными здесь рассуждениями была установлена *абсолютная независимость феноменологии* как от всех прочих, так и *от материально-эйдетических наук*»⁹. Это подразумевает абсолютную

⁸ Ibid. S. 128–129.

⁹ Ibid. S. 129.

онтологическую беспредпосылочность феноменологии, иными словами, то, что ни одно положение, входящее в региональную или формальную онтологию, не принадлежит *самой феноменологии*: «Большое методологическое значение приобретает то практическое сознание, какое овладевает нами вследствие произведенной феноменологической редукции: подобно сфере природного мира, и все эйдетические сферы для феноменолога принципиально не могут считаться данными в отношении их подлинного бытия; в целях обеспечения чистоты его исследовательского региона все эти эйдетические сферы должны быть занесены в скобки; во всех имеющих сюда отношение науках не может быть заимствована и использована как предпосылка для целей феноменологии ни одна-единственная теорема и даже ни одна-единственная аксиома»¹⁰. Поэтому «*феноменолог не выносит свои суждения онтологически*»¹¹ (стало быть, также и «методологически» в смысле позитивных наук). При этом первую главу первого раздела «Идей I», в которой сформулирована концепция региональных онтологий, Гуссерль характеризует как «предварительные чисто логические исследования», из которых читатель «ровным счетом ничего» не узнает о феноменологии как таковой¹².

В свете вышесказанного можно констатировать, что отнесение гуссерлевской концепции региональных онтологий к традиции, усматривающей в философии «царицу наук», представляет собой неверную контекстуализацию. Приведенные цитаты не оставляют сомнений в том, что одна из задач осуществления феноменологической редукции — порвать с этой традицией и положить конец тому опасному смещению философских и нефилософских проблем, которое заставляет философию, подобно «потерянной в мире» позитивной науке¹³, обслуживать естественные мирские интересы. Необходимость подвергнуть региональные онтологии феноменологической редукции говорит о том, что они принадлежат естественной установке и, следовательно, *нефилософскому мышлению*¹⁴. Следо-

¹⁰ Ibid. S. 132.

¹¹ Ibid. S. 359.

¹² Ibid. S. 38.

¹³ Husserl E. Cartesianische Meditationen und Pariser Vorträge. Den Haag, 1973 (Hua I). S. 183.

¹⁴ Феноменология, утверждает Гуссерль, представляет собой «прежде всего метод и установку мышления — специфически философскую установку мышления, специфически философский метод» (Hua II. S. 23). Под этим методом, разумеется, понимается переход в феноменологическую установку посредством редукции, нейтрализующей всю сферу того, что Гуссерль называет «естественным мышлением» или «естественной установкой» (Hua II. S. 17-19).

вательно, естественной — нефилософской — установке принадлежит и философия как «царица наук» или система региональных онтологий. Феноменология в гуссерлевском смысле *вообще не есть позитивная наука* — она тем самым не может быть понята и как *универсальная позитивная или универсальная объективная наука*: «Философия как универсальная *объективная наука* (а такой была вся философия античной традиции), вкупе со всеми объективными науками, вовсе не есть универсальная наука. В свой круг исследования она помещает только конституированные предметные полюса, она остается слепа к трансцендентально конституирующему, полному и конкретному бытию и жизни»¹⁵. Таким образом, строгое отделение феноменологической установки от естественной, то есть философского мышления от нефилософского, достигаемое лишь посредством феноменологической редукции, требует нейтрализации онтологий. Феноменолог не есть мировой судья, на методологическом уровне разрешающий мирские (позитивно-научные) споры, ибо воздержание от суждений, разрешающих их, и есть главный методический принцип феноменологии. Принцип здесь — наблюдать, но помощи не оказывать, то есть не принимать чью-либо сторону в мирских (следовательно, также и позитивно-научных) спорах о бытии или небытии чего-либо etc. По замыслу Гуссерля, это радикально изменяет тематику и цель философии — вопрос о том, что составляет «объективную истину» мира и мирских предметов, на решение которого направлены все позитивные науки, перестает быть философски значимым: «Эти рассуждения необходимы для того, чтобы наконец, перед лицом философской нищеты, где мы напрасно тратим силы на то, что изящно именуется “естественно-научно фундированным мирозерцанием”, уяснить себе: трансцендентальное изучение сознания — это не изучение природы или какое-либо другое мирское исследование, оно не может даже предполагать таковое в качестве своего условия, потому что при трансцендентальной установке природа и вся вселенная в целом принципиально заключаются в скобки»¹⁶. Поэтому трансцендентальные феномены, то есть предметы трансцендентальной феноменологии, характеризуются Гуссерлем как «ирреальные», и задача «специфически трансцендентальных» редукций состоит в том, чтобы очистить феномены сознания от всего, что придает им вклю-

¹⁵ Husserl E. Die Krisis der europäischen Wissenschaften und die transzendente Phänomenologie. Eine Einleitung in die phänomenologische Philosophie. Haag, 1976 (Hua VI). S. 179.

¹⁶ Hua III. S. 108.

ченность в мир как *omnītudo realitatis*¹⁷. Но система региональных онтологий и есть не что иное, как априорное описание *omnītudo realitatis*. Иными словами, задача редукции — высвободить предметы феноменологии из системы региональных онтологий: «Наша феноменология станет сущностным учением не о реальных, но сущностным учением о трансцендентально редуцированных феноменах»¹⁸. В 1907 г., в самом начале пути, приведшего его к концепции региональных онтологий, Гуссерль заявляет в одной из рукописей: «В этой трансцендентальной феноменологии мы не имеем никакого дела ни с априорной онтологией, ни с формальной логикой и формальной математикой, ни с геометрией как априорным учением о пространстве, ни с априорной хронометрией и форономией (*Phononomie*), ни с реальной априорной онтологией любого вида (вещь, изменение и т. д.). Трансцендентальная феноменология есть феноменология *конституирующего сознания*, и, таким образом, ей не принадлежит ни одна объективная аксиома (в отношении предметов, которые не есть сознание)»¹⁹.

Впрочем, как станет ясно из дальнейшего, здесь необходимо оговориться, что сказанное сохраняет свою силу лишь до тех пор, пока онтология понимается как наивно-прямое описание сущностной структуры действительно сущего мира и составляющих его областей, то есть описание мира вне его сущностной корреляции с трансцендентальной (конституирующей) субъективностью²⁰. Однако только такие — не подвергшиеся редукции — онтологии могут претендовать на статус «наставниц» позитивных наук в познании реальности, ведь реальным для естественной установки может быть лишь то, что не соотнесено с сознанием необходимым образом²¹. Именно отказ Гуссерля от онтологического понимания задач феноменологии в «Идеях I» стал одной из главных причин

¹⁷ Ibid. S. 6.

¹⁸ Ibid. S. 6.

¹⁹ Hua II. S. IX–X.

²⁰ Это обстоятельство станет важным при обсуждении контраргументов, выдвинутых И. А. Михайловым.

²¹ Я следую здесь тому описанию естественной установки, которое было дано Клаусом Хельдом: «Естественная установка связана только с независимым от сознания, безотносительным к субъекту бытием-в-себе, а не с субъективно-релятивной данностью. Эта установка является базовой позицией «непосредственной жизни». В противоположность ей феноменологический исследователь корреляции связывает это, считающееся не субъективно-релятивным, безотносительным к сознанию, бытие с субъективно-релятивным явлением. И более того: он сводит это бытие к этому явлению (Цит. по *Савин А. Э. О понятиях эпохе и редукции в «Идеях I» Эдмунда Гуссерля // Известия Уральского федерального ун-та. № 2. 2013. С. 29*).

первого «раскола» в истории феноменологического движения — отхода мюнхенских феноменологов (в частности, А. Пфендера) от феноменологии Гуссерля²². Для них феноменология в самом деле была, прежде всего, априорной онтологией реальности, в силу чего «забота» об онтологических основаниях научного познания реальности приобретала, или, по крайней мере, могла бы приобрести для мюнхенских феноменологов то принципиальное философское значение, которого она была лишена в трансцендентальной феноменологии Гуссерля. Отсюда также становится понятно, почему Гуссерль считал, что мюнхенцы «застряли» в эйдетике, не дойдя до *решающего момента* феноменологического метода (трансцендентальной редукции), и даже отказывал их работам в какой бы то ни было философской значимости²³. Об этом красноречиво свидетельствует фрагмент из письма Гуссерля Шпигельбергу от 19 июня 1935 г.: «Любая добротная работа на основании предданного мира — то есть мирская научная (*weltwissenschaftliche*), “объективная” работа — является “трансцендентальным руководством” для собственно философской постановки вопроса, — такой, которая является постановкой вопроса абсолютно универсальной и радикальной науки интенциональности, в которой “трансцендентально конституируется” любая объективность, объективный универсум. Вы видите, что Вашу работу, как и все сочинения мюнхенской школы — школы Пфендера, — я не причисляю к философии, как физику или конкретные науки о духе <...>. Было бы замечательно, если бы в кругах, принадлежащих к мюнхенской школе, которая герметично изолировалась от бесконечной проблематики нового феноменологически-философского смысла, нашелся бы однажды человек, который бы с полной серьезностью углубился в предельное, непревосходимое по очевидности самоосмысление, обнаруживающееся в сочинениях, вышедших после Л<огических> и<сследований>, но и в них — правда еще в незрелом виде — игравшее свою роль. Абсолютизация онтологического, которую приписывают Л<огическим> и<сследованиям>, — это не смысл, а устранение смысла подлинной феноменологии»²⁴.

В то же время Гуссерль не остался одинок в своем стремлении «очистить» феноменологию от онтологии. Развивая гуссерлевскую идею трансцендентальной редукции, выводящей феноменологию

²² Куренной В. А. К вопросу о возникновении раннего феноменологического движения / Логос. 1999. № 11/12 (21).

²³ Там же.

²⁴ Цит. по: Куренной В. А. Указ. соч.

за пределы мирских онтологий, О. Финк (прежде всего, в текстах и рабочих записях 1930-х гг.) разрабатывает проект феноменологической «меонтики», раскрывающей немирскую, не-сущую (находящуюся по ту сторону существующего и мирских онтологий, «меонтическую») природу «предмета» феноменологии — «Абсолюта» как корреляции конституирующей трансцендентальной субъективности и конституированного мира²⁵.

Таким образом, вопреки И. А. Михайлову, концепция региональных онтологий сама по себе не устанавливает ничего специфически феноменологического в гуссерлевском смысле. Иначе говоря, региональные онтологии сами по себе столь же мало феноменологичны, как и чистая логика, рассматриваемая в «Логических исследованиях» — как то, так и другое может быть и было *темой* феноменологии (как и естественная установка), но никогда не было ее *частью*, то есть не входило в качестве некоторой совокупности утверждений или предпосылок в *саму феноменологию*. Это лишает смысла вопрос о том, «что же еще» представляет собой феноменология *кроме* онтологии, так как такой вопрос покоится на ложной предпосылке, будто онтология в ее функции обоснования позитивных наук есть часть, и притом существеннейшая, самой феноменологии. Но если угодно все же задать этот вопрос, то ответ на него, если исходить из «Идей I» и других работ трансцендентального периода, будет следующий: все. *Вся* трансцендентальная феноменология «метаонтологична», ибо редукция *обнуляет* трансценденции²⁶, и, следовательно, все онтологии — имманентная онтология в оговоренном выше смысле принципиально невозможна.

И. А. Михайлов говорит: «Важнейшим результатом, который показал бы не только научную продуктивность этого понятия, но и оправдал бы все в целом философское предприятие Гуссерля, была демонстрация научно-теоретической “полезности” философии для наук». Выше мы, однако, могли убедиться в том, сколь ничтожным философски такой результат оказался бы Гуссерлю, даже если бы он был достигнут. Осуществление феноменологической редукции призвано показать, что «оправдание» философского предприятия Гуссерля нужно искать в чем-то прямо противоположном. Как сказал один известный мыслитель, не чуждый феноменологии: «Самое полезное — это бесполезное».

²⁵ Об этом см.: *Шестова Е. А.* Спекулятивное рассуждение в меонтической феноменологии О. Финка // *Horizon. Феноменологические исследования.* 2018. Т. 7. № 2. С. 391–413.

²⁶ Hua II. S. 6.

Концепция региональных онтологий в контексте феноменологии Гуссерля

Если оценивать философскую «оправданность» феноменологии Гуссерля той пользой, которую она приносит позитивным наукам, можно почти с таким же успехом, с каким измерять, пользуясь этим критерием, философскую значимость работ Ойгена Финка, Мартина Хайдеггера, Жака Деррида или Жилия Делёза, то все же небесполезно рассмотреть вопрос о том, чем в действительности мотивировано появление концепции региональных онтологий. Тут, на мой взгляд, можно указать на три основных мотива, не превращая при этом обоснование позитивно-научных истин о действительном мире в первостепенную задачу гуссерлевской феноменологии.

Во-первых, онтологические регионы, как известно, суть путеводные нити для феноменологического анализа как индексы конститутивных сущностных взаимосвязей²⁷. Это как бы различные типы предметностей, необходимо отсылающие к различным, сущностно коррелирующим с ними конститутивным многообразиям сознания. Таким образом, феноменология движется от региональных онтологий не к тому, что они обосновывают (эмпирическим наукам о действительности), а назад, к конституирующей их субъективности как неонтологическому, или, во всяком случае, немирскому условию их возможности. При этом — и это замечание проливает свет на отношение феноменологии и онтологии, как его мыслил Гуссерль, — использование региональных онтологий как путеводных нитей для феноменологического анализа не означает, что такой анализ предполагает эти онтологии: «Однако необходимо заметить и подчеркнуть, что во всех взаимосвязях конститутивных феноменологий и соответствующих формальных и материальных онтологий *нет ничего похожего на то, чтобы первые обосновывались последними*. Когда феноменолог признает онтологическое понятие или онтологическое положение индексом конститутивных сущностных взаимосвязей, видит в таковом руководящую нить для своих интуитивных обнаружений, какие свое право и свою значимость содержат исключительно в себе самих, то *феноменолог не выносит свои суждения онтологически*²⁸. Обоснование позитивных наук, поскольку они укоренены в региональных онтологиях, становится тем самым одним из побочных эффектов феноменологии,

²⁷ Hua III. S. 358–359.

²⁸ Ibid. S. 359.

но не потому, что она сама является онтологией, а за счет того, что она есть *условие возможности онтологий*.

Во-вторых, осуществление феноменологической редукции требовало, разумеется, предварительного очерчивания того поля, за пределы которого должна выйти феноменология. Для этого нужно было, помимо тематизации и приостановки главной и скрытой предпосылки всего естественного мышления вообще (генерального тезиса «мир как действительность всегда есть»)²⁹, специально тематизировать и нейтрализовать априорные предпосылки (пусть зачастую и не распознаваемые в качестве таковых) естественного *теоретического* (позитивно-научного) мышления. Результатом этого предварительного анализа становится поэтому система онтологий (формальной онтологии и региональных онтологий). Однако задача гуссерлевской феноменологии тем самым заключалась вовсе не в *обосновании* (демонстрации истинности или даже исследовании на предмет истинности или ложности) априорных онтологических положений, которое позволило бы, приняв их в «состав» самой феноменологии, укрепить и зафиксировать методологическую почву позитивных наук, а в нейтрализации этих положений с тем, чтобы создать *беспредпосылочную* науку совершенно нового стиля *без них*, то есть непозитивную (трансцендентальную) науку без предданного онтологического и смыслового фундамента. Другими словами, онтологические предпосылки позитивных наук нужно было выявить прежде всего для того, чтобы *не пользоваться ими*³⁰, так что в саму феноменологию не входит ни одно утверждение, фигурирующее в формальной и региональных онтологиях, в том виде, в каком оно фигурирует в них до заключения в скобки посредством эпохе. Отсюда следовало, что феноменология, которая *состояла бы из них* — феноменология как «царица наук» или система региональных онтологий — была бы попросту тем, что Гуссерль в другой связи назвал «восторженным возвращением к старинным философским наивностям».

В-третьих, хотя априорные онтологические предпосылки как таковые и не входят в саму феноменологию, концепция региональных онтологий или предварительные разработки, приведшие к ее созданию, все же имели для Гуссерля, как можно судить по программной статье «Философия как строгая наука», немалое пропе-

²⁹ Ibid. S. 61.

³⁰ Разумеется, нейтрализация не подразумевала *отрицание* этих предпосылок или *сомнение* в них, равно как не предполагала она и использование *противоположных* или *альтернативных* онтологических положений.

девическое значение. В этом случае речь шла о предварительных размышлениях, которые разворачиваются как бы в «серой зоне» между философией и позитивными науками, и несмотря на то, что эта зона все еще принадлежит естественной установке, позволяют подготовить почву для феноменологии посредством атаки на позитивизм и натурализм, отождествляющие науку с *позитивной наукой*. Иначе говоря, концепция региональных онтологий связана не с идеей методологической помощи, которую философия должна оказать позитивным наукам, а, напротив, направлена как раз на ограничение философских притязаний позитивных наук и преодоление философом, сводящих философию к методологии науки. Идея региональных онтологий сама по себе подрывает натурализм, основанный на абсолютизации онтологии природы (отождествлении онтологии природы с универсальной онтологией и вытекающей отсюда натурализацией сознания). Эта линия ясно прослеживается в «Философии как строгой науке» (хотя там нет термина «региональная онтология»), где Гуссерль показывает, что понятия, фигурирующие в онтологии природы (причинность, субстанциальность и т. п.) неприменимы к сознанию³¹. На языке «Идей» это можно было бы сформулировать так: сознание — совершенно иной онтологический регион, нежели природа, у него свои, неприродные, региональные определения (категории). Факт множественности онтологий наносит смертельный удар по позитивистской программе, ибо показывает, что любая эмпирическая наука опирается на онтологические допущения, исследование которых в то же время не находится в ее компетенции. При этом региональные онтологии представляют собой по-новому понятое априорное *синтетическое* познание в его отличии от аналитического (формально-логического) или формально-онтологического (в «Идеях» Гуссерль предлагает переосмыслить кантовы синтетические положения априори как региональные аксиомы³²), что позволяет продемонстрировать конститутивное значение априорного «усмотрения» по отношению к эмпирии, то есть показать, что априорные науки есть условия возможности эмпирических, и тем самым доказать ложность эмпиризма. Таким образом идея региональных онтологий становится мощным оружием против наиболее навязчивых противников феноменологии еще до проведения феноменологической редукции.

³¹ Hua XXV. S. 29.

³² Hua III. S. 37.

Региональные онтологии и проблема междисциплинарности

Отдельного упоминания и краткого обсуждения в контексте гуссерлевской концепции региональных онтологий заслуживает живо обсуждавшаяся в рамках дискуссии 16 июня 2023 г. проблема междисциплинарных исследований. На первый взгляд, радикальное разграничение онтологических регионов делает неприменимой концепцию региональных онтологий для осмысления междисциплинарных исследований, активно ведущихся сегодня на «стыке» различных научных областей. Однако, как я полагаю, достаточно одной цитаты из «Идей I», чтобы развеять это недоразумение. Вот что пишет Гуссерль в конце § 17, завершающего предварительные «чисто логические» исследования: «кстати говоря, коренное различие (регионов. — *М. Б.*) отнюдь не исключает переплетения и частичного перекрывания. Так что, к примеру, “материальная вещь” и “душа” — это различные регионы бытия, и все же последний фундируется первым, а отсюда вырастает фундирование учения о душе в учении о теле»³³.

Региональные онтологии таким образом, несмотря на коренное различие, вовсе не замкнуты и находятся в отношении переплетения и фундирования (обоснования), что делает возможной междисциплинарность. Отсюда, впрочем, становится также понятно, почему нейтрализация онтологии природы как «фундаментальной» (конечно, не в хайдеггеровском смысле) посредством феноменологической редукции неизбежно оборачивается нейтрализацией онтологии психического и вообще всех иных региональных онтологий³⁴.

Возражения

Контраргументы Игоря Анатольевича Михайлова, выдвинутые им во время дискуссии в поддержку предложенной им интерпретации, можно разделить на две основные группы. Первая касается некорректного, с его точки зрения, выбора текстов, на котором строятся изложенные выше критические соображения, вторая связана с отрывками из гуссерлевских текстов, в которых основатель феноменологии недвусмысленно отождествляет феноменологию с онтологией. Эти возражения я попробую вкратце рассмотреть.

³³ Ibid. S. 38.

³⁴ Ibid. S. 116–118.

Выбор текстов

Согласно И. А. Михайлову, попытка опровергнуть предложенную им интерпретацию концепции региональных онтологий, опираясь на цитаты из «Идеи феноменологии» (1907) или «Кризиса» (главной работы «позднего» Гуссерля) некорректна, поскольку первый текст является слишком ранним (концепция региональных онтологий к этому времени еще не сложилась) и второй — слишком поздним (Гуссерль, «травмированный» к этому времени хайдеггеровским «Бытием и временем» и явной «изменой» ученика, попытался «откреститься» от онтологической интерпретации феноменологии).

Однако, как видно из вышеизложенного, *основные цитаты*, которые я приводил в поддержку своей аргументации — из «Идей I», в которых изложена «официальная версия» концепции региональных онтологий и на которых, в первую очередь, базируются и размышления И. А. Михайлова. Что касается цитат из «Идеи феноменологии», рукописи, датируемой 1907 г. и «Кризиса» (если бы приводимые мной цитаты были бы только из этих текстов), то аргумент И. А. Михайлова, безусловно, имел бы силу, если бы удалось продемонстрировать радикальное различие позиции Гуссерля *в плане соотношения феноменологии и онтологии* в «Идеях I» (или других текстах того же периода, где рассматривается проблема региональных онтологий) по сравнению с позицией, заявленной в этих текстах. Но, как однозначно свидетельствуют цитаты из «Идей I», приводившиеся мной выше, такая возможность исключена. Цитаты из «Идеи феноменологии», рукописи 1907 г., «Идей I» и «Кризиса» звучат «хором» и говорят о том, что позиция Гуссерля *с точки зрения* отношения феноменологии и онтологии практически не изменилась за те 30 лет, что разделяют «трансцендентальный поворот» и написание «Кризиса». И хотя в 1907 г. у Гуссерля еще не было разработанной концепции региональных онтологий, слова об «реальной априорной онтологии *любого вида*» из соответствующей рукописи свидетельствуют, что он уже отчетливо осознавал *множественность* априорных реальных онтологий, составляющую основную предпосылку концепции региональных онтологий, и тем не менее однозначно исключал эту множественность из самой феноменологии.

Цитаты

Если взять более полные версии цитат, приводившихся И. А. Михайловым в поддержку предложенной им интерпретации и в качестве контраргументов, легко видеть, что в них речь идет не об онто-

логии в смысле наивно-прямого априорного описания структуры действительности и ее регионов (региональная онтология в смысле «Идей I»), а о *редуцированной онтологии* или *онтологии в скобках*, то есть об онтологических регионах и их системе как *коррелятах конституирующей их субъективности*, между тем как только *нередуцированные онтологии* могут служить методологической инструкцией для позитивных наук. Онтология в скобках есть онтология *без бытия* и вопроса о бытии (в смысле естественной установки).

В «Картезианских медитациях» (в месте, на которое ссылается И. А. Михайлов) сказано: «Таким образом, последовательно проведенная феноменология а priori конструирует — однако в строго интуитивной сущностной необходимости и сущностной всеобщности — формы мыслимых миров и, в свою очередь, эти последние — в границах всех мыслимых форм бытия вообще и их иерархической системы. Однако [она осуществляет это] изначально, т. е. в *корреляции с конститутивным Apriori, Apriori конституирующих эти миры интенциональных свершений*»³⁵ (курсив мой. — М. Б.).

Тот же смысл имеет и место из «Первой философии», на которое ссылался И. А. Михайлов в ходе дискуссии: «*Полная конкретная онтология есть eo ipso* не что иное, как *истинная трансцендентальная философия*, и всякая трансцендентальная философия имела своей последней целью в своем исторически непроясненном стремлении (Entwicklungstrieb) не что иное, как эту онтологию. С другой стороны, всякая историческая борьба против онтологии есть лишь борьба против отчасти методически непроясненной и неудавшейся, отчасти же и прежде всего против никогда не достигавшей полного понимания отнесенного ко всему сущему в чистой возможности априори онтологии. Полная онтология, поскольку она проследивает все *корреляции* (курсив мой. — М. Б.), сама собой и с принципиальной необходимостью приходит к уяснению того, что реальный мир (Sachenwelt) и субъективность не сходятся [лишь] случайно [nicht zufällig zusammen kommen] и что субъективность, со своей стороны, не есть случайная вещь (Sachlichkeit) в рамках некоего случайно сотворенного Богом мира — Богом, который, вопреки любому отрицанию, остается на заднем плане как великий часовой мастер — и что, скорее, мир *a priori* мыслим *только как определение коррелятивной ему субъективности* (курсив мой. — М. Б.), и притом как определение [проистекающее] из [ее] собственного конститутивного свершения. Лейтмотив «идеализма», который в своих

³⁵ Hua I. S. 37.

первоначальных формах (у Беркли и Юма) был, пусть и очень несовершенным, *трансцендентальным* идеализмом, заключался в том, что субъективность по своему бытийному рангу (*an Seinsdignität*) предшествует объективности и что любая объективность (любое мирское бытие) есть бытие только [поскольку оно проистекает] из собственных пассивных и активных источников, [принадлежащих] субъективности. *Не существует никакой онтологии*, которая, будучи продумана до конца, и притом согласно ее сущностным корреляциям, *не приводила бы к этой точке зрения* (курсив мой. — М. Б.), и притом как аподиктически ясной (а не метафизически субструированной)»³⁶.

Литература

Куренной В. А. К вопросу о возникновении раннего феноменологического движения // Логос. 1999. Т. 21. № 11–12. С. 156–182. https://ruthenia.ru/logos/number/1999_11_12/11.htm.

Савин А. Э. О понятиях эпохе и редукции в «Идеях I» Эдмунда Гуссерля // Известия Уральского федерального университета. № 2. 2013. С. 19–32.

Шестова Е. А. Спекулятивное рассуждение в меонтической феноменологии О. Финка // Horizon. Феноменологические исследования. 2018. Т. 7. № 2. С. 391–413.

Husserl E. Aufsätze und Vorträge (1911–1921). Dordrecht: Martinus Nijhoff Publishers, 1987.

Husserl E. Cartesianische Meditationen und Pariser Vorträge. Den Haag: Martinus Nijhoff, 1973.

Husserl E. Die Idee der Phänomenologie. Fünf Vorlesungen. Den Haag, 1973.

Husserl E. Die Krisis der europäischen Wissenschaften und die transzendente Phänomenologie. Eine Einleitung in die phänomenologische Philosophie. Haag: Martinus Nijhoff, 1976.

Husserl E. Erste Philosophie (1923/1924). Zweiter Teil. Haag: Martinus Nijhoff, 1959.

Husserl E. Ideen zu einer reinen Phänomenologie und phänomenologischen Philosophie. Erstes Buch. Allgemeine Einführung in die reine Phänomenologie. 1 Halbband. Den Haag: Martinus Nijhoff, 1976.

³⁶ Husserl E. Erste Philosophie (1923/1924). Zweiter Teil. Haag, 1959. S. 215–216.

А. Б. Паткуль

Актуальна ли феноменологическая программа региональных онтологий сегодня?

Хотя математик на свой лад и пользуется общими положениями, но начала математики должна исследовать первая философия.

Аристотель. Мет. XI, 4 1061 b, 17–19

В данном исследовании ставится вопрос об актуальности идеи региональных онтологий для современной философии науки. С целью ответить на него предпринимается реконструкция понятий региона и региональной онтологии на материале трудов Э. Гуссерля и М. Хайдеггера. Первый разделяет формальную и материальные онтологии. Последние и являются онтологиями предметных регионов. Регион же, согласно Гуссерлю, это высший род, включающий в себя как эйдетический, так и идеально-индивидуальный объемы. Хайдеггер разрабатывает указанную проблематику в контексте его тезиса онтологической дифференции, то есть различия бытия и сущего. Соответственно, регион трактуется им как регион сущего, выделяемый на основании обладания им особым способом бытия. Задача региональной онтологии у Хайдеггера — это приведение понимания этого способа к артикулированному понятию. В итоге делается вывод об относительной релевантности этих идей для современной философии науки.

Ключевые слова: предмет вообще, регион, формальная онтология, материальная онтология, региональная онтология, фундаментальная онтология, Гуссерль, Хайдеггер.

Andrei B. Patkul

IS THE PHENOMENOLOGICAL IDEA OF REGIONAL ONTOLOGIES STILL OF RELEVANCE?

In my paper, I raise the question of the relevance of the idea of regional ontologies for today's philosophy of science. In order to answer it, I reconstruct the concepts of region and regional ontology basing on the works of E. Husserl and M. Heidegger. The first of them separates formal and material ontologies. The latter are ontologies of subject regions. Region, according to Husserl, is the highest genus, which includes both eidetic and ideal-individual volumes. Heidegger develops this problematic in the context of his thesis of ontological difference, i. e. differentiation between being and that-which-is. Accordingly, he understands a region as region of that-which-is, distinguished on the basis of its special way of being. The task of regional ontology for Heidegger is to bring the understanding of this way of being to an articulated concept. As a result, I conclude that three is the relative relevance of these ideas for today's philosophy of science.

Key words: subject in general, region, formal ontology, material ontology, regional ontology, fundamental ontology, Husserl, Heidegger.

В своем проекте трансцендентальной феноменологической философии Эдмунд Гуссерль сформулировал вполне определенное понимание отношения философии и наук. В значительной степени оно концентрируется вокруг понятия *региональных онтологий*, которое наиболее активно разрабатывалось им в период создания его «Идей к чистой феноменологии и феноменологической философии». Впрочем, его экспликация все же не является главной и исключительной задачей трансцендентальной феноменологии.

И все же есть несколько моментов, побуждающих вновь обратиться к феноменологической программе региональных онтологий сегодня.

Во-первых, не составляет труда заметить, что при всем своем новаторстве феноменологическая программа региональных онтологий наследует идущей от Платона и Аристотеля¹, возобновляющейся на новый лад у Р. Декарта и значительно трансформирующейся у И. Канта, а затем еще и в классическом послекантовском идеализме традиции. Разумеется, сама по себе овеянность традицией не может служить аргументом в пользу данной программы, по крайней мере, для современной философии науки, скорее, наоборот. И все же сам факт, что основные инварианты этой традиции, намеренно или нет, были воспроизведены в феноменологии, заставляет задуматься о причинах такой их жизненности.

Во-вторых, как и в предшествующих образцах указанной исторической линии, в феноменологическом понимании соотношения философии и позитивных наук отчеканено вполне определенное понимание, с одной стороны, различия характера *научно-философских* исследований и исследований позитивно-научных, а с другой — конкретного характера той роли, которую играет философия по отношению к позитивной науке. Возможно, это как раз и помогло бы сохранить (или восстановить) паритет между философией и наукой, благодаря которому каждая из них сохранит свою самобытность, а понятие философии науки как дисциплины обретет достаточную отчетливость.

Именно этим мотивирована и основная *цель* настоящего размышления: *реконструировать пока что в самых общих чертах идею региональной онтологии и ее значение для понимания соотношения философии и науки в феноменологии, а также более подробно экспонировать вопрос об актуальности этой идеи для современной философии науки.*

¹ Ср. вынесенное в качестве эпиграфа к данному тексту изречение Стагирита.

Реконструкцию понятия региональной онтологии уместно начать с разъяснения понятия региона. Надо сказать, что в употреблении данного термина феноменологи также не являются пионерами. По свидетельству Ж.-Ф. Брауэнштейна, понятие региона было введено в эпистемологию еще Ф. Бэконом, который впервые сравнил знание с картой, а на более фундаментальном уровне — вообще допустил возможность репрезентации знания и его структур посредством пространственных аналогий².

Стоит отметить, что в трудах самого Гуссерля — во всяком случае в специфическом значении — понятие «регион» появляется не сразу. К.-Х. Лембек датирует это появление зимним семестром 1906/07 годов, когда Гуссерль читал курс «Введение в логику и теорию познания»³. Именно тогда он начинает использовать термин «предметный регион».

Позднее он определяет данное понятие следующим образом: «Регион есть не что иное, как *совокупное, принадлежащее к одному конкрету, наивысшее родовое единство*, следовательно сущностно единое сочетание наивысших родов, принадлежащих низшим дифференциям внутри конкрета»⁴. Гуссерль также характеризует его в качестве наивысшего материального рода эмпирических предметов⁵.

Итак, регион — это в первую очередь род, *γένος*. Конституция региона и характер единства его как рода не являются простыми. Из слов Гуссерля видно, что речь идет не просто о каком-то индифферентном *γένος*, но об определенной координации для данного региона «наивысших родов», а также их сочетаний с «низшими дифференциями внутри конкрета», которые только и вносят в эти «наивысшие роды» определенность. При этом в качестве эйдоса регион подчиняет себе также и все индивиды, все эмпирические

² См. *Braunstein J.-F.* Die Geschichte des Regionsbegriffs in der Epistemologie // *Situieretes Wissen und regionale Epistemologie: Zur Aktualität Georges Canguilhem's und Donna J Haraways, Cultural Inquiry*, 7 / hg. v. Astrid Deuber-Mankowsky und Christoph F. E. Holzhey, Wien: Turia + Kant, 2013. S. 36.

³ См. *Lembeck K.-H.* Einleitung: Husserl Wissenschaftstheoretisches Programm. Text nach *Husserliana*, Band V // *Husserl E.* Die Phaenomenologie und die Fundamente der Wissenschaften / Hrsg. K.-H. Lembeck. Hamburg: Felix Meiner Verlag, 1986. S. XIII. В прим. 6 на этой же странице даются указания на соответствующие места в XXIV томе «Гуссерлианы».

⁴ *Гуссерль Э.* Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии. Книга первая: Введение в чистую феноменологию / Пер. А. В. Михайлова. М. Дом интеллектуальной книги, 1999. С. 48.

⁵ Там же. С. 37.

предметы, которые под него подпадают. Таким образом, регион имеет два «объема». *Во-первых*, у него имеется так называемый *эйдетический объем*, то есть идеальная совокупность конкретных единств дифференциаций внутри наивысшего рода. *Во-вторых*, регион включает в себя также и *индивидуальный объем*. Причем Гуссерль уточняет, речь идет здесь не только об актуальной совокупности всех реальных индивидов, но об *идеальной* совокупности возможных индивидов, относящихся к данной родовой сущности. В любом случае в рамках одного региона его *индивидуальный объем оказывается всегда подчинен его эйдетическому объему*.

В собственном смысле предметные регионы у Гуссерля всегда *«материальны»*. Под материальностью здесь понимается, впрочем, не вещество как ξ ω каждого подчиненного эйдосу региона индивида, а как набор существенных признаков, составляющих содержание эйдоса региона и позволяющих отличать индивидуальные сущности, подчиненные данному региону от индивидов другого региона. Поэтому предметные регионы всегда отличны друг от друга по содержанию, а потому всегда даны во множественном числе. *Нет и не может быть никакого единого региона всех материальных регионов*.

При этом регионы могут находиться в отношении фундирования, соответственно, фундированности, могут надстраиваться друг над другом — так, что фундированные регионы не смогут существовать без тех, которые лежат в их основании. Напротив, более фундаментальные регионы не будут нуждаться в регионах фундированных для своего существования.

Ближайший пример тому: онтологическое отношение неживой и живой природы. Последняя не могла бы существовать, если бы не существовала первая, но не наоборот.

Вместе с тем, по мысли Гуссерля, имеет место *универсальная* для любых предметов и всех регионов *форма региона* вообще. Такую форму он характеризует в качестве «квазирегиона»⁶. Подобный «квазирегион» — это «...*простая сущностная форма* — хоть и сущность, но совершенно «пустая» сущность, которая, *как форма пустая, подходит ко всем возможным сущностям...*»⁷. Она является тем, что вообще может быть характерно для любого нечего, независимо от того, какому материальному региону это нечего подчинено, а стало быть, то, что вообще может быть высказано о нем. Эта форма есть чистая форма предмета вообще.

⁶ Там же. С. 129.

⁷ Там же. С. 39.

Согласно Гуссерлю, и регионы в материально-содержательном смысле, и «квазирегион» как «пустая форма предметности вообще»⁸ суть *эйдетическая предметность*, которая в каждом случае конституируется категориями разного типа. Так, форма предметности вообще конституируется категориями, которые совпадают с логическими категориями. Они являются «логически основополагающими понятиями», которыми «в совокупной системе аксиом определяется логическая сущность предмета-вообще, или же те, какие выражают безусловно необходимые и конститутивные определения предмета как такового, некоего нечто...»⁹. Эти категории именуется Гуссерлем *аналитическими*. К ним относятся такие понятия, как «свойство», «качество», «множество», «целое» и «часть», «тождество», «равенство», «род» и «вид» (в последнем случае — в их формальной корреляции в отвлечении от возможного содержания), а кроме того, так называемые *категории значения* — понятия основных видов предложения, их членов и их форм etc.¹⁰

От таких формально-аналитических категорий следует отличать содержательные, или материальные категории, которые имеют — в противоположность аналитическим — *синтетический* характер. Ими конституируется содержательное разнообразие каждого отдельного предметного региона в узком смысле слова. В Идеях I сказано: «Всякая региональная сущность определяет “синтетические” сущностные истины, т. е. такие, какие основываются в ней как таковой-то родовой сущности, не будучи при этом простыми обособлениями формально-онтологических истин»¹¹. При этом они «выражают специфически принадлежащее региональной сущности либо же выражают с эйдетической всеобщностью то, что непременно подобает индивидуальному предмету данного региона “априорно” и “синтетически”»¹².

Из этих утверждений вытекает, во-первых, то, что синтетические категории, конституирующие отдельные регионы, невозможно вывести в их специфической содержательности из аналитических категорий «предмета вообще», хотя первые и являются *formaliter* подчинены последним, поскольку «все регионы со всеми их содержательно-сущностными обособлениями стоят» не в одном ряду

⁸ Там же. С. 46.

⁹ Там же. С. 40.

¹⁰ Гуссерль, впрочем, настаивает на том, что их нужно отличать от формально-предметных категорий в четком смысле. См. там же. С. 40-41.

¹¹ Там же. С. 48.

¹² Там же. С. 49.

с квазирегионом чистой формы предметности, «а скорее (хотя и только formaliter), под ним»¹³. А во-вторых, что объективная значимость синтетических категорий, несмотря на их неаналитический характер, столь же несомненна, что и значимость категорий формально-аналитических, и она не может быть оспорена указанием на частный и ограниченный характер опыта, а именно в силу априорности этих категорий. С точки зрения Гуссерля, применение таких категорий является *аподиктическим* и *безусловным*, а стало быть, необходимым. Он считает, что категории, поскольку регионы всегда имеют место во множественном числе, должны, скорее, образовывать определенные *группы*, каждая из которых конституировала бы соответствующий предметный регион, так, что «у нас было бы столько же *различных групп категорий, сколько регионов мы различали бы*»¹⁴.

Значимую модификацию гуссерлевская идея региона обретает в онтологии М. Хайдеггера. Он помещает экспозицию проблемы региона в общую связь с той проблемой, которая трактуется им как самая фундаментальная всей философии — бытия и его смысла. Очерчивая ее, Хайдеггер исходит из тезиса так называемой *онтологической дифференции*, то есть радикального разведения *сущего*, того, что так или иначе *есть*, и *бытия*, то есть того, «что определяет сущее как сущее»¹⁵. Бытие, согласно Хайдеггеру, не есть, но лишь *дано* (es gibt) в понимании бытия, исполняемым исключительным сущим — *Dasein*. И только его упреждающее (априорное) понимание выступает условием возможности (позволения) того, чтобы сущее явилось (на языке Хайдеггера — встретилось) *Dasein* в том, что и как оно есть.

Хайдеггеровская логика в этом контексте может быть реконструирована следующим образом. Вводя идею предметных регионов, Гуссерль, упустивший, как и вся предшествующая метафизическая традиция, вопрос о бытии и его смысле, не проблематизирует конкретные способы бытия этих регионов. Хотя он и говорит об онтологиях этих регионов, на деле их онтологический статус у него остается индифферентным. Его интересует исключительно эйдетическая конституция их, а не то, каким именно способом они есть. Поэтому основатель современной феноменологии видит в них на деле онтологически нейтральные предметные области, которые, конечно, дифференцируются, причем существенно, по

¹³ Там же. С. 39.

¹⁴ Там же. С. 49.

¹⁵ *Хайдеггер М.* Бытие и время / Пер. В. В. Бибихина. М.: Ad Marginem, 1997. С. 6.

своему априорно-синтетическому сущностному составу, но относительно которых остается совершенно незначимым, «существуют ли они или не существуют, и если существуют, то как именно»¹⁶ (Met. XIII 1 1076a 25–26). Для Хайдеггера же регионы — это не онтологически нейтральные сферы предметностей, но *регионы сущего*. Для него принципиальным является то, что *дифференциации здесь подлежат то, что именно есть*, и есть определенным образом.

Сущее же как сущее определяется его бытием. Это ставит проблематику различия регионов сущего у Хайдеггера в связь с другим важным тезисом его онтологии: тезисом *различия способов бытия*. Согласно этому мыслителю, вся предшествующая метафизическая традиция дифференцировала сущее только на основании различий сущности, того, *что* некое сущее есть. Способ бытия при этом для любого сущего мыслился одинаково — как *existentia* в традиционном смысле этого слова, то есть как бытие в действительности, наличие. В «Основных проблемах феноменологии» (1927) говорится, что «способ быть в каждом сущем один и тот же характер — как это полагала античная онтология и, в сущности, вынуждена утверждать и последующая философия вплоть до сего дня»¹⁷. Хайдеггер фактически приписывает себе заслугу открытия на этом фоне дифференциации способов бытия сущего. Следующим шагом будет предположить, что для него само сущее дифференцируется по регионам на основании дифференциации способов его бытия, того, что его как сущее определяет, то есть не только (и не столько) эйдетически, как у Гуссерля.

* * *

Теперь можно утверждать, что региональная онтология — это онтология региона, предметного — в случае Гуссерля и региона сущего — в случае Хайдеггера. Это исходное различие в понимании природы региональности предопределяет и расхождение в трактовке существа, целей и конкретного устройства региональных онтологий у этих мыслителей.

Понять специфику региональных онтологий у Гуссерля лучше всего можно, отталкиваясь от его принципиального разведения двух типов онтологий, соответствующего различению формально-аналитического и материально-синтетического априори, соот-

¹⁶ Аристотель. Указ. соч. С. 320.

¹⁷ Хайдеггер М. Основные проблемы феноменологии / Пер. А. Г. Чернякова. СПб: Издательство ВРФШ, 2001. С. 22.

ветственно, категорий. Он различает, в этой связи, (1) формальную онтологию и (2) материальные онтологии.

Формальная онтология — это «эйдетическая наука о предмете вообще»¹⁸. Предмет же вообще Гуссерль определяет следующим образом: «...это все и каждое, и для всего этого могут быть установлены бесконечно разнообразные истины, распределяющиеся по всему многообразию дисциплин матесиса»¹⁹. Философ отмечает, что в своей совокупности такие истины могут быть возведены к небольшому числу непосредственных истин, которые могут считаться основополагающими для предмета вообще. Они могут быть названы *аксиомами*. Входящие в эти аксиомы понятия и являются теми чисто логическими категориями, которые, будучи рассмотрены в онтологическом ключе, могут быть поняты как «*категории логического региона “предмет-вообще”*», или «*чисто логические основополагающие понятия*»²⁰. Ими «в совокупной системе аксиом определяется логическая сущность предмета-вообще»²¹; они «выражают безусловно необходимые и конститутивные определения предмета как такового, некоего нечто — постольку, поскольку вообще должно быть так, чтобы было некое нечто»²².

Нетрудно увидеть в этих «логических основополагающих понятиях» те априорные формально-аналитические категории, о которых шла речь выше. По сути, задача формальной онтологии и состоит в анализе этих категорий и их логических взаимосвязей. Поэтому данная онтология для Гуссерля и совпадает с чистой логикой «в ее полном протяжении вплоть до *mathesis universalis*»²³. В известном смысле в гуссерлевской феноменологии речь идет не о просто о некоей монолитной формальной онтологии, а о комплексе формально-онтологических дисциплин²⁴, который охватывает не только формальную логику в узком смысле слова, но и все дисциплины формальной *mathesis universalis* — арифметику, чистый анализ, учение о множествах etc.

Впрочем, хотя формальная онтология и совпадает с чистой логикой, соответственно, с *mathesis universalis*, имеет место один важный нюанс: путем переключения установки сознания в пола-

¹⁸ Гуссерль Э. Указ. соч. С. 40.

¹⁹ Там же.

²⁰ Там же.

²¹ Там же.

²² Там же.

²³ Там же.

²⁴ Там же. С. 36.

гающую чисто логические понятия и положения можно перевести в формально-онтологические характеристики предмета. Гуссерль иллюстрирует это так: «Любой формально-логический закон можно обратить, путем поворота, в закон формально онтологический. Тогда мы судим: вместо суждений — о положениях дел, вместо членов суждения (например, именных значений) — о предметах, вместо значений предиката — о признаках и т. д. И речь уже не идет об истине, о значимости предложений суждения, но о составе положений дел, о бытии предметов и т. д.»²⁵. При этом «формальная онтология выходит далеко за пределы сферы таких простых обращений формальных апофантических истин...»²⁶.

В противоположность формальной онтологии материальные онтологии имеют дело с синтетически-материальным априори отдельных предметных областей. Но такие области — это и есть регионы в феноменологическом смысле. Соответственно, «чистой сущности региона соответствует *эйдетическая наука региона*, или же — так тоже можно сказать — *онтология региона*»²⁷. Она занимается «региональной эйдетикой».

Таким образом, *материальные онтологии, или онтологии, исследующие материально-синтетическое априори той или предметной области, и оказываются региональными онтологиями*. При этом надо иметь в виду, что материальные дисциплины в гуссерлевском смысле вообще могут не исчерпываться региональными онтологиями²⁸.

Понятие региональной онтологии можно встретить также и в трудах Хайдеггера. И в его трактовке он исходит из понимания онтологии как учения о смысле бытия, опираясь на свой тезис онтологической дифференции. В соответствии с ним он различает онтические исследования, предметом которых выступает то или иное сущее, и онтологические исследования, предметом которых выступает бытие. В первом случае речь идет о позитивных науках, во втором — о философии. Соответственно, региональные онтологии должны быть исследованиями, направленными на бытие, но не бытие вообще, которое выступает предметом фундаментальной онтологии, а *бытие того или иного региона сущего*. Каждый такой регион обладает сообразно способу своего бытия определенной региональной бытийной конституцией (*regionale Seinsverfassung*). Региональная онтология мыслится в этой связи как исследование

²⁵ Там же. С. 317.

²⁶ Там же. С. 318.

²⁷ Там же. С. 37.

²⁸ Там же. С. 319.

такой конституции. Она есть такое познание, которое «упреждающе (im Vorhinein) делает сущностные (sachhaltige) и необходимые высказывания о регионе, не являясь опытным познанием»²⁹.

Дело в том, что, по мысли Хайдеггера, любой регион сущего оказывается доступным для Dasein в том, что и как он есть, только благодаря *упреждающему* пониманию Dasein особенности бытия этого региона. Он пишет: «Мы должны понимать действительность, реальность, жизненность, экзистенциальность, постоянство, чтобы позитивно соотноситься с определенным действительным, реальным, живым, экзистирующим, постоянным [сущим]»³⁰. Соответственно, в задачи регионально-онтологического исследования входит интерпретативная *артикуляция* такого упреждающего понимания бытия и приведение его к конкретному *понятию*. Она вместе с ним проясняет насколько «грубое» и «непонятнейшее» понимание бытия того или иного региона сущего может быть возведено к смысловому первоисточнику, то есть в случае Хайдеггера — экзистенциально-горизонтной темпоральности. Тем самым выясняется, в какой мере такое понимание является сообразным бытию этого региона и его онтическому составу, а в какой затемняет и искажает их.

Сказанное уже отчасти проливает свет на то, как может мыслиться у Гуссерля и Хайдеггера отношение между региональными онтологиями и науками в позитивном смысле, а также на возможную значимость идеи региональных онтологий для философии науки. Говоря коротко, для обоих мыслителей это отношение есть отношение *обоснования*, а именно *обоснования позитивных наук в региональных онтологиях*. Конкретный же смысл такого обоснования у каждого из них разнится.

С точки зрения Гуссерля, любая эмпирическая наука неизбежно укоренена в соответствующих эйдетических науках — как формальных, так и материальных — и подчинена им. В первом случае — поскольку никакой эмпирический предмет не может не быть сообразным конституции предметности как таковой, а во втором — поскольку он не может не быть сообразным своему региональному эйдосу. Всякая эмпирическая наука, считает основатель современной феноменологии, «*обладает существенными теорети-*

²⁹ Heidegger M. Gesamtausgabe. II. Abteilung: Bd. 25: Phänomenologische Interpretation von Kants "Kritik der reinen Vernunft. 3. Aufl. Frankfurt am Main: Vittorio Klostermann, 1995. S. 52.

³⁰ Хайдеггер М. Основные проблемы феноменологии. С. 12–13.

ческими фундаментами в эйдетике соответствующих онтологий»³¹. Тем самым любая эмпирическая наука должна основываться как в формальной онтологии вообще, так и в онтологии соответствующего региона. В последнем случае это обусловлено тем, что региональный эйдос «как бы репрезентирует *необходимую материальную форму* всех предметов региона»³². Региональная онтология только проясняет, что именно на деле принадлежит этому эйдосу. Совершая это, она *предоставляет основание соответствующей науке*, поскольку фактическое подчинено эйдетическому, но последнее не зависит от первого. В качестве примера такого обоснования Гуссерль приводит эйдетическую науку о физической природе вообще, которая и является региональной онтологией природы как предмета естествознания. Онтология природы «раскладывает» «рационально чисто» эйдос, сущность природы вообще, выявляя в них бесконечной многообразные сущностного положения дел. Так или иначе, этот мыслитель делает следующий вывод: «...*все эмпирические науки должны основываться на принадлежащих им региональных онтологиях*, а не просто в общей для всех наук чистой логике»³³.

Вместе с тем, по мысли Гуссерля, ни формальная, ни материальные онтологии сами не являются предельным основанием самих себя и эмпирических наук — они сами должны быть *обоснованы в трансцендентальной феноменологии*. В финале третьей книге «Идей» Гуссерль пишет: «Только феноменология способна осуществить глубочайшие разъяснения относительно надстраивающихся в систематических конститутивных слоях сущностей (Wesenheiten) и тем самым подготовить обоснование онтологий, которого нам так не хватает»³⁴.

Судя по всему, регионально-онтологическая работа в ее гуссерлевском варианте должна была разворачиваться как *феноменологическая теория конституирования смысла* тех или иных предметных регионов соответствующими им «апперцепциями», которые имеют в своих предметах «сущностные корреляты». Такая теория призвана показать, какие именно исполнения конституирующего своей предмет сознания позволяют идентифицировать его как то-то и то-то, такой-то и такой-то, например, установив, какие предикаты могут

³¹ Гуссерль Э. Указ. соч. С. 37.

³² Там же.

³³ Там же. С. 51.

³⁴ Husserl E. Gesammelte Werke. Bd. V. Ideen zu einer Phänomenologie und phänomenologischen Philosophie. Drittes Buch: Die Phänomenologie und die Fundamente der Wissenschaften. Den Haag: Martinus Nijhoff, 1952. S. 105.

быть приписаны предметам данного региона, а какие — нет. Так, если говорить о региональной онтологии природы как предмета естествознания, то дело тут состоит в том, чтобы установить, как работает сознание естествоиспытателя, который — пусть и неявно — «заранее *определяет*, что является естественнонаучным объектом, а что нет, а стало быть, что есть природа в естественнонаучном смысле, а что нет»³⁵. Например, «нужно выяснить, почему *все те предикаты*, которые мы приписываем вещам под именами удобства, красоты, полезности, практической уместности, остаются [при этом] совершенно вне рассмотрения»³⁶. И так относительно каждого предметного региона, коих, если судить по Идеям II, Гуссерль выделял три: (1) материальная природа, (2) живая (*animalische*) природа и (3) духовный мир. Считается, что это гуссерлевское учение развил позднее Н. Гартман в своей доктрине слоев (*Schichten*) реального мира, поместив между живой природой и духовным миром еще и сферу психического. Хайдеггеровская трактовка обоснования позитивных наук, с одной стороны, следует установкам Гуссерля, но, с другой стороны, модифицирует их. По сути, он тоже развивает своеобразную теорию конституирования в этой связи, но иначе, чем его предшественник.

Он считает, что любая предметная сфера позитивной науки *формируется* учеными в тематизирующем (модифицирующем сущее как оно есть, в определенный предмет, доступный для объективного познания) *наброске*, связанном с «грубым» и «непонятным», доонтологическим пониманием бытия этой области. Исполнение наброска воплощается и фиксируется в наборе базовых понятий, в которых представитель соответствующей позитивной науки *заведомо* характеризует область своего научного интереса. Собственно, Хайдеггер считает, что позитивные науки независимо от философских исследований в *известных пределах* уже осуществляют то, что он именует их *самообоснованием* (*Selbstberündung*). Оно и состоит в формировании таких первичных понятий.

Однако самообоснование позитивных наук не является, как считает философ, предельным и достаточным их обоснованием. В нефилософских науках базовые понятия вводятся «вчерне и некритически»³⁷, и при этом способ формирования этих понятий все еще остается во многом зависимым от донаучного опыта, что также

³⁵ *Husserl E. Gesammelte Werke. Bd. IV. Ideen zu einer reinen Phänomenologie und phänomenologischen Philosophie. Zweites Buch: Phänomenologische Untersuchungen zur Konstitution.* Den Haag: Martinus Nijhoff, 1952. S. 2.

³⁶ *Ibid.*

³⁷ *Хайдеггер М. Бытие и время.* С. 9.

не осознается представителями этих наук. Поэтому самообоснование науки из нее самой наталкивается не своего рода границу. Дело в том, что даже в случае такого самообоснования из самой науки невозможно узнать, каков его источник и чем именно оно оказывается ведомым. Хайдеггер считает, что «отграничение основных понятий наук идет лишь настолько далеко, насколько оно затребовано специфическими задачами наук...»³⁸. Так, например, занимающийся своей наукой на фундаментальном ее уровне физик вводит и определяет такие базовые понятия, как движение, пространство, время и пр., осуществляя тем самым ее первичное самообоснование. Но он при этом не выясняет, насколько они на самом деле сообразны тому, как есть то сущее, которое выступает в качестве предмета его научного интереса. На самом деле, прояснить их сущность невозможно в рамках физики как позитивной науки. Более того, чтобы состояться в качестве таковой, она должна отказаться от специального прояснения содержания и адекватности своих базовых понятий. А прояснить их сообразность бытию сущего можно только при помощи выходящего за пределы позитивного исследования философского рассмотрения специфики бытия этого сущего. Такое рассмотрение и выполняют региональные онтологии, задача которых «состоит в преобразовании доонтологического понятия бытия в выраженное онтологическое»³⁹. Это действие Хайдеггер называет *обоснованием самообоснования* (*Begründung der Selbstbegründung*) позитивных наук в соответствующих им региональных онтологиях. Только оно, а не изолированное самообоснование науки, может служить подлинным *закладыванием ее основ* (*Grundlegung*). «*Основание самообоснования наук о сущем осуществляется в региональных онтологиях. Только онтология, таким образом, осуществляет закладывание основ некоторой онтической науки. Закладывание основ некоторой науки о сущем означает: обоснование и формирование лежащей в ее основе онтологии*»⁴⁰. При этом все региональные онтологии сами должны быть обоснованы в отвечающей на вопрос о смысле бытия вообще *фундаментальной онтологии*, которая и составляет *центр философии*. Таким образом, у Хайдеггера в отличие от Гуссерля весь корпус дисциплин обосновывается в онтологии, а не отдельно взятой трансцендентальной феноменологии.

Так понятые региональные онтологии могут выполнять функцию того, что сам Хайдеггер именует *продуктивной логикой*, а имен-

³⁸ Heidegger M. Gesamtausgabe. II. Bd. 25. S. 33.

³⁹ Ibid. S. 36.

⁴⁰ Ibid. S. 39.

но логикой некоторой позитивной науки. Эту логику он определяет как «предварительное размыкание и понятийную проработку возможных предметных областей наук», которая «не следует, подобно традиционной теории науки, за определенным фактом какой-либо случайной, исторически предданной науки, чтобы исследовать ее структуру, но первой входит в возможное предметное поле возможной науки и, размыкая бытийную конституцию этого поля, тем самым впервые предоставляет науке базовую структуру ее возможного предмета»⁴¹. Хайдеггер отмечает, что продуктивная логика позитивных наук не исследует (1) ни сами такие науки, например, на предмет их устройства, закономерностей их существования или исторических причин их возникновения, (2) ни их предметы, поскольку они уже опредмечены для познания в соответствующей позитивной науке. Ее тема — это бытие того сущего, которое является открытым еще до опредмечивания его в предмет соответствующей позитивной науки. Для того чтобы проводить такое исследование, продуктивной логике приходится в известном смысле «перескакивать» через уже состоявшиеся науки к тому опыту, в котором впервые было дано ставшее предметом этих наук сущее, к условиям, сделавшим возможным его опредмечивание в них.

* * *

Теперь после осуществления предварительной экспозиции понятий региона и региональной онтологии и идентификации отношения философских региональных онтологий к позитивным наукам как отношения обоснования стоит вернуться к вопросу о том, могут ли эти идеи иметь какую-либо релевантность для современной философии науки. Очевидно, что историческое развитие позитивных наук и их самопонимания, а также современного мейнстрима философии науки едва ли будут сейчас принимать подобные проекты всерьез. С одной стороны, науки исторически уже настолько эмансипировались от философии, что из их перспективы допущение какого-то внешнего, а значит, заведомо некомпетентного их обоснования выглядит абсурдным. С другой стороны, то, что сегодня нередко называется философией науки скорее едва поспевает «за определенным фактом какой-либо случайной, исторически предданной науки, чтобы исследовать ее структуру» или, скажем, фактически-исторические (культурные, экономические, политические) обстоятельства

⁴¹ Хайдеггер М. Прологомены к истории понятия времени / Пер. Е. В. Борисова. Томск: Водолей, 1998. С. 8.

или общие закономерности ее становления и функционирования. И обращение к богатому фактическому материалу позволят верифицировать и эффектно иллюстрировать результаты такой деятельности. Но при этом теряется главное — философский характер таких исследований, направленность взгляда на начала, из которых научность науки вообще и соответствующих наук (групп наук) только и может быть ясно и последовательно осмыслена.

В этом плане феноменологическая программа регионально-онтологического обоснования позитивных наук является едва ли не единственным проектом, сохраняющим философический характер осуществления исследований в области философии науки. Как раз приведенные в преамбуле к настоящему фрагменту моменты и способствуют такому сохранению. Но что касается первого из них — продолжения идущей от Платона и Аристотеля традиции — теперь можно сказать конкретнее: дело вовсе не в том, что традиция, оставшись в прошлом, уже не способна служить авторитетом и аргументом в сегодняшних исследованиях по философии науки. Значимо другое: и традиция, и феноменологический проект регионально-онтологического обоснования наук обращены к одному и тому же положению дел — наука познает не ничто, ведь тогда она была бы не более чем софистикой, а то, что есть, и познаваемое ей всякий раз есть что-то определенное и каким-то определенным образом. И эти «что» и «каким образом», будучи принятыми сразу и без дальнейшего прояснения, впредь оказываются направляющими для всякого исследования в данной позитивно-научной области — до тех пор пока эти исследования не достигнут критического состояния и сами не потребуют пересмотра своего «самообоснования». Это приводит к раскрытию конкретного смысла второго из выделенных моментов — строго разграничения сферы и метода работы философов и позитивных-ученых. Философия в перспективе регионально-онтологических исследований, которые, кстати говоря, имеют самостоятельную значимость и не обязательно должны обосновывать нефилософские дисциплины, предстает не еще одной позитивной или, точнее, квази-позитивной наукой, например, исторической, а исследовательской деятельностью, у которой есть свой предмет и своя методика, несводимые к позитивно-научным. Они независимы от последних, поскольку направлены на их априорные условия, а не на апостериорные результаты. Суждения регионально-онтологических исследований, хотя они логически и имеют ту же форму, что и суждения соответствующих позитивных наук, имеют *трансцендентально иной статус*. Поэтому в задачи региональных онто-

логий вовсе не входит решение за науку ее наделенных «глубиной» и «тонкостью» проблем — ненаучными средствами. Именно в этом смысле идея регионально-онтологического обоснования наук способна позволить философам не «мельтешить» «на окраинах науки, то и дело порываясь сообщить... что-то»⁴² настоящим ученым. Региональные онтологии и позитивные науки, конечно, направлены на один и тот же объект (сущее — в терминологии Хайдеггера), но у них радикально разные предметы, предметные перспективы. Пример Хайдеггера может быть как раз наиболее иллюстративным: если позитивные науки заняты сущим и его позитивными характеристиками (свойствами, отношениями, законами), то региональные онтологии — сущностью и бытийной конституцией этого сущего.

Конечно, для позитивной науки сама мысль об обосновании ее в философии теперь может быть возмутительной — тем более что то, как это обоснование мыслилось в феноменологии, предполагает наличие научно, с точки зрения позитивизма, необоснованных допущений. В первую очередь это — допущение *материально-синтетического априори*, лежащего в основе идеи региональных, то есть всякий раз материальных онтологий⁴³. Но такие моменты требуют возобновления их конкретного рассмотрения и обсуждения. Важнее все же, пожалуй, другое — сам смысл обоснования, который можно было бы извлечь из феноменологической идеи региональных онтологий. Здесь философия не предписывает наукам, что им изучать, а что игнорировать, какие результаты получать, а какие нет, каким методами пользоваться, а какие отбросить, как это нередко бывало ранее в истории философии, например, в эпоху классического немецкого идеализма. Собственно, в хайдеггеровском варианте феноменология даже не претендовала на построение завершенной и неизменной системы регионов, подлежащих изучению позитивными науками, набросок которой можно еще встретить у Гуссерля и Н. Гартмана. Хайдеггер понимал, что «подлинное расчленение областей осуществляться исторически, а не по предварительному плану какой-то системы наук в меру соответствующей основополагающей постановки вопроса в позитивных науках»⁴⁴: философия может только показать, что то, что позитивные науки *de facto* раз-

⁴² Фейнман Р., Лейтон Р., Сэндс М. Фейнмановские лекции по физике. Т. 2: Пространство. Время. Движение. М.: Мир, 1965. С. 24.

⁴³ Ср. Шлик М. Существует ли материальное априори? / Пер. В. А. Куренного // Логос. Литературно-философский журнал, 2010, 6(79). С. 109-118.

⁴⁴ Хайдеггер М. Основные проблемы феноменологии. С. 16.

личают в качестве своих предметных регионов, действительно различимо из смыслового истока.

В региональных онтологиях философия словно бы подходит к позитивной науке с сократовским вопросом: а скажи-ка, любезнейшая, есть ли вообще то, что ты изучаешь, как и то, что ты знаешь об изучаемом? Или это ничто, не-сущее? А если все же есть, то что оно есть такое? И каким образом оно есть? Можно ли на самом деле научно познать его таким, каким оно есть?

И это уже не обращенный к позитивной науке императив философии, а приглашение к диалогу, которое эта наука, разумеется, вольна отвергнуть...

Литература

Аристотель. Метафизика / Пер. А. В. Кубицкого // *Аристотель*. Соч. В 4 т. Т. 1. М.: Мысль, 1976.

Гуссерль Э. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии. Книга первая: Введение в чистую феноменологию / Пер. А. В. Михайлова. М. Дом интеллектуальной книги, 1999.

Фейнман Р., Лейтон Р., Сэндс М. Фейнмановские лекции по физике. Т. 2: Пространство. Время. Движение. М.: Мир, 1965.

Хайдеггер М. Бытие и время / Пер. В. В. Бибихина. М.: Ad Marginem, 1997.

Хайдеггер М. Основные проблемы феноменологии / Пер. А. Г. Чернякова. СПб: Издательство ВРФШ, 2001.

Хайдеггер М. Прологомены к истории понятия времени / Пер. Е. В. Борисова. Томск: Водолей, 1998.

Шлик М. Существует ли материальное априори? / Пер. В. А. Куренного // Логос. Литературно-философский журнал, 2010. 6 (79). С. 109–118.

Braunstein J.-F. Die Geschichte des Regionsbegriffs in der Epistemologie // *Situiertes Wissen und regionale Epistemologie: Zur Aktualität Georges Canguilhem und Donna J. Haraways*, Cultural Inquiry, 7 / hg. v. Astrid Deuber-Mankowsky und Christoph F. E. Holzhey, Wien: Turia + Kant, 2013. S. 35–49.

Heidegger M. Gesamtausgabe. II. Abteilung: Bd. 25: Phänomenologische Interpretation von Kants "Kritik der reinen Vernunft. 3. Aufl. Frankfurt am Main: Vittorio Klostermann, 1995.

Husserl E. Gesammelte Werke. Bd. IV. Ideen zu einer reinen Phänomenologie und phänomenologischen Philosophie. Zweites Buch: Phänomenologische Untersuchungen zur Konstitution. Den Haag: Martinus Nijhoff, 1952.

Husserl E. Gesammelte Werke. Bd. V. Ideen zu einer Phänomenologie und phänomenologischen Philosophie. Drittes Buch: Die Phänomenologie und die Fundamente der Wissenschaften. Den Haag: Martinus Nijhoff, 1952.

Lembeck K.-H. Einleitung: Husserl Wissenschaftstheoretisches Programm. Text nach Husserliana, Band V // Husserl E. Die Phänomenologie und die Fundamente der Wissenschaften / Hrsg. K.-H. Lembeck. Hamburg: Felix Meiner Verlag, 1986. S. VII–XXXV.

Т. А. Терентьева

Особенности конституирования материальной вещи по Гуссерлю, или Почему мы считаем вещь реальной

Статья посвящена анализу особенностей конституирования материальной вещи по Гуссерлю. Для этого предлагается, прежде всего, соотнести рассуждения Гуссерля о материальной вещи и представления Канта о чувственном созерцании и рассудочных категориях. Этот шаг приводит к прояснению разного понимания обоими философами категории причинности. Следующий шаг, на котором останавливается автор, — это выявление априорных моментов в конституировании материальной вещи, как их понимает Гуссерль. В заключение представлены конкретные шаги в конституировании материальной вещи и указаны различия в конституировании материальной вещи и души.

Ключевые слова: материальная вещь, материальное априори, региональные онтологии, принцип причинности, идея вещи, *res extensa*, идеация, установка сознания.

Tatyana A. Terentyeva

FEATURES OF THE CONSTITUTION OF A MATERIAL THING ACCORDING TO HUSSERL, OR WHY WE CONSIDER A THING REAL

The article is devoted to the analysis of the features of the constitution of a material thing according to Husserl. To do this, it is proposed, first of all, to compare Husserl's reasoning about a material thing and Kant's ideas about sensory intuition and rational categories. This step leads to clarification of the different understanding of the category of causality by both philosophers. The next step on which the author stops is the identification of a priori moments in the constitution of a material thing, as Husserl understands them. In conclusion, concrete steps in the constitution of a material thing are presented and differences in the constitution of a material thing and a soul are indicated.

Keywords: material thing, material a priori, regional ontologies, the principle of causality, the idea of a thing, *res extensa*, ideation, installation of consciousness.

Региональные онтологии как науки о сущностях, которые предстают в опыте

Идея региональных онтологий появилась как результат борьбы Э. Гуссерля с натурализмом и психологизмом. Отрицая единственную интерпретацию способа бытия объектов — естественнонаучную, — Гуссерль приходит к мысли, что способ бытия объектов различен. И это может быть усмотрено сущностно, через идеацию, интуитивно. Как пишет Л. Ландгребе, комментируя Гуссерля¹,

¹ *Landgrebe L. The Phenomenology of Edmund Husserl. Six essays / Landgrebe L. Regions of Being and Regional Ontologies in Husserl's Phenomenology. Cornell University Press, 1981. S. 150–151.*

для каждого способа бытия предполагается своя интуиция. Бытие природных объектов постигается через чувственную интуицию, объекты мышления постигаются при помощи категориальной интуиции. Таким образом, Гуссерль расширяет метод интуиции или усмотрения сущности на все виды объектов: как чувственных, так и интеллективных. Это, в свою очередь, привело к критике априорного рассудочного познания, представленного И. Кантом.

Если мы говорим об объектах, получаемых нами через чувственную интуицию, неверно, как утверждает Гуссерль, говорить как о чисто рассудочном познании, так и о том, что все наше знание извлечено из опыта. Каждый вид опыта требует определенной перспективы, которая структурирует данный вид опыта и отличает его от других видов. Это предопределило появление большого многообразия наук, то есть мир опыта уже определен различными способами, и определен научно. Но сама перспектива не проявлена. Эта перспектива априори предшествует всякой эмпирической науке и очерчивает область, которую наука исследует. Совокупность объектов, исследуемых в рамках соответствующей априорной перспективы, Гуссерль называет регионом. Эти объекты образуют специфические онтические конституции, то есть их можно познавать онтологически. Тогда здесь речь идет о региональных онтологиях. По Гуссерлю, региональные онтологии — это априорные науки, исследующие сущность объектов соответствующих регионов. Всякой эмпирической науке предшествует некоторая региональная онтология, так как науки о сущностях предшествуют наукам о фактах. Но для Гуссерля сущностное познание предполагает необходимую связь с сознанием. Вне коррелятивной связи сознания и бытия говорить о региональных онтологиях, как утверждает Гуссерль, не представляется возможным. В зависимости от того, как сущности объектов приходят к данности, Гуссерль говорит об уровнях регионального конституирования. Можно условно выделить три уровня регионов: конституирование материальной природы, конституирование живой природы, конституирование человеческого мира². На каждом уровне также выделяются подуровни. Так, конституирование материальной природы предполагает два подуровня: конституирование материальной вещи и конституирование тела. Дальше речь

² *Husserl E.* Ideen zu einer reinen Phänomenologie und phänomenologischen Philosophie. Zweites Buch: Phänomenologische Untersuchungen zur Konstitution // Husserliana IV. Martinus Nijhoff, 1952.

пойдет об особенностях конституирования материальной вещи, а также о категории причинности как необходимой основе для восприятия реального.

Действительно ли мы пробудились от догматического сна?

Чтобы понять, что послужило появлению идеи региональных онтологий у Гуссерля, на мой взгляд, уместно соотнести рассуждения Гуссерля о конституировании материальной вещи и представления Канта о чувственном созерцании и рассудочных категориях. Напомним, что Кант проводил идею «четкого различения чувственности и рассудка»³, а значит, понятия рассудка имеют независимый от чувственности источник происхождения, или, другими словами, понятия рассудка априорны и все человеческое познание также априорно. И никаких проблем с познанием собственно не должно было возникать. Мы познаем вещи априорно. На этом тезисе выстраивалась вся априорная метафизика Канта. Но после того, как Д. Юм заявил о невозможности доказать априорный характер принципа причинности, вся априорная метафизика Канта оказалась под вопросом.

Поскольку основоположение «всякое явление имеет причину» доказать априорно не представлялось возможным, Юм делал вывод, что понятие причинности формируется из опыта при помощи ассоциации и привычки. Кант, признавая силу аргумента, не мог согласиться с данным утверждением (хотя и колебался), и, «пробудившись от догматического сна»⁴, как он сам заявил, он создает критическую философию, где ставит цель — доказать априорность всех категорий рассудка, а не только категории причинности. Не желая отказываться от основного методологического принципа своей метафизики — о двух несвязанных друг с другом стволах познания — чувственности и рассудка, — Кант вынужден был искать доказательство априорности рассудочных понятий. По Канту, в метафизике «первичные понятия вещей и отношений... даются изначально самим чистым рассудком»⁵. Но также после заявленного

³ Васильев В. В. Подвалы кантовской метафизики (дедукция категорий). М.: Наследие, 1998. С. 45.

⁴ Кант И. Прологомены ко всякой будущей метафизике, которая может появиться как наука / Собр. соч. В 8 т. Т. 4. М.: Чоро, 1994. С. 100.; см. также: Кант И. Критика чистого разума / Соч. на нем. и рус. языках. В 4 т. Т. 2. Ч. 1. М.: Наука, 2006. С. 957.

⁵ Васильев В. В. Указ. соч. С. 20.; см. также: Кант И. О форме и принципах чувственно воспринимаемого и интеллигибельного мира // Собр. соч. В 8 т. Т. 2. С. 309.

Юмом тезиса возникал и второй вопрос: как соотносятся между собой категории рассудка и предметы опыта, почему предметы опыта должны необходимо соответствовать категориям рассудка, которые не являются опытными понятиями? Вторым вопросом в дальнейшем окажется важным в исследованиях Гуссерля о конституировании реального в целом и в рассмотрении соотношения априорного и апостериорного познания.

В рамках своего критического исследования Кант задает вопрос о возможности априорных синтетических познаний. В «Критике чистого разума» ответом на этот вопрос служит вся трансцендентальная дедукция как таковая, в которой можно выделить объективную и субъективную дедукции. В поисках доказательства априорности рассудочных понятий, Кант условно решает две задачи, отличные по характеру, — «позитивную» и «негативную». И это относится к объективной дедукции. «Позитивная» задача заключается в подтверждении объективной значимости априорных категорий по отношению к эмпирическому опыту. «Негативная» задача состоит в том, что объектами возможного познания могут быть только явления как предметы возможного созерцания.

Чтобы не отказываться от идеи априорного познания через категории, Канту пришлось установить границы предметной области рассудочного познания. Чтобы доказать необходимое соотношение между основоположением о причинности и предметами опыта, следовало продемонстрировать, что понятия метафизики содержат условия возможности познания предметов. Но такими предметами могли быть только субъективные явления, а не вещи сами по себе. И это был результат, к которому привела объективная дедукция в рамках решения «негативной» задачи. Объективная дедукция подводила к определению границ познания, то есть категории не могут находиться в непосредственном отношении к вещам самим по себе (*an sich*), а значит, априорное познание через категории оказывается ограниченным феноменами.

Но это не спасло кантовский тезис о различии чувственности и рассудка, так как если чистые понятия рассудка никак не связаны с формами чувственности, пространством и временем, то и явления познать также не представляется возможным. Сам Кант об этом говорил: «...посредством одних лишь <категорий> — без чувственного созерцания — вовсе не может быть познания вещей»⁶.

⁶ Кант И. О применении телеологических принципов в философии // Собр. соч. В 8 т. Т. 8. С. 136.

С помощью объективной дедукции Кант стремился ответить на вопрос: «Что и на сколько может быть познано рассудком и разумом независимо от всякого опыта?»⁷ Но если понятия рассудка содержат в себе условия возможности познания предметов опыта, то они уже каким-то образом проникают в чувственность. С другой стороны, Кант исходит из признания априорного происхождения этих понятий, а значит, подчеркивает невозможность доказать связь между рассудочными понятиями и чувственными представлениями о реальных вещах. Что приводит к несовместимым тезисам.

Поэтому Канту необходимо подтвердить априорность понятий рассудка и доказать, что предмет можно мыслить только посредством «категорий». Для этих целей Кант вводит метафизическую дедукцию, которая постулирует априорное происхождение рассудочных категорий. Метафизическую дедукцию Кант рассматривает как альтернативу объективной дедукции. Основная задача этой дедукции — экспозиция категорий как... логических функций, которые отнесены к объектам вообще. Категории рассматриваются не просто как логические функции, но как посредством данных категорий мыслятся предметы, данные в созерцании, а значит, с содержательной стороны. Поэтому логические функции, по мнению Канта, можно было применить только по отношению к предметам созерцания, которые даны в пространстве и во времени, являющимся, по Канту, субъективными формами чувственности.

Кант считал, что доказательство априорного происхождения рассудочных понятий при помощи метафизической дедукции — весьма короткий и эффективный путь. Суть метафизической дедукции категорий заключается в доказательстве принципиального отождествления понятий метафизики и логических функций суждений. Поскольку логические функции суждений имеют априорный характер, то и метафизические рассудочные понятия, по мысли Канта, являются априорными. Далее на основе классификации форм суждений Кант систематизирует понятия метафизики: «Исследуя именно таким образом источники интеллектуального познания, без которых нельзя определить природу и границы метафизики, я разделил эту науку на существенно отличные друг от друга части и старался подвести трансцендентальную философию, а именно все понятия совершенно чистого разума, под определенное число категорий... так, как они сами собой распределяются

⁷ Васильев В. В. Цит. соч. С. 54.

по классам согласно немногим основным законам рассудка»⁸. По сути, логические функции рассудка у Канта «наделяются» метафизическим характером, а метафизические категории, такие как субстанция, причина, взаимодействие и т. д., начинают выполнять нормативную логическую функцию. Но отождествляя логические функции суждений с метафизическими категориями рассудка, Кант не доказывает, что рассудочные понятия априорны, но всего лишь постулирует, так как уже заранее предполагается, что они должны быть априорны. Поскольку логические функции априорны, то и категории также априорны.

Но как подтвердить фактическую применимость категорий на опыте? Для этого Кант берет, с одной стороны, постулируемые выводы объективной дедукции об общезначимости категорий и об ограничении объектов возможного познания явлениями как предметами возможного созерцания. С другой стороны, у Канта имеются постулируемые метафизические категории, которые приравниваются к логическим функциям и наделяются априорным характером. В результате, получается вывод: «...если у нас имеется логическая функция рассудка, то мы обладаем и реальными понятиями о вещах»⁹. Сомнительные посылки были отброшены, и мы пришли к постулируемому результату. И вновь возникает вопрос: избавились ли мы от догматизма, пробудились ли мы от догматического сна?

Что касается субъективной дедукции, то, по первоначальному замыслу Канта, она должна была быть ориентирована на исследование самого чистого рассудка и его познавательных способностей с точки зрения субъекта». Но это было в первом издании «Критики чистого разума». Во втором издании Кант сосредоточивает свое внимание на объективной дедукции, так как именно она отвечает на «основной вопрос» — каковы предметы и границы априорного познания, и значит, можно обойтись без субъективной дедукции. Однако в «Метафизических началах естествознания» Кант говорил, что решать «негативную задачу» также нет необходимости, и достаточно будет «экспозиции» категорий через логические функции, а именно посредством метафизической дедукции. Дедукция в этом случае нужна для решения «позитивной задачи»¹⁰.

⁸ Кант И. О применении телеологических принципов в философии. С. 489–490.

⁹ Васильев В. В. Цит. соч. С. 47.

¹⁰ Кант И. Метафизические начала естествознания // Собр. соч. В 8 т. Т. 4. С. 257.

Действительно ли вещь реальна?

Такая подробная экспозиция была приведена мной неслучайно. Если мы обратимся к понятию региональных онтологий Гуссерля, то увидим, что его размышления идут также в рамках критики познания, критики разума. И сходным с трансцендентальной дедукцией Канта является то, что они обладают априорным характером.

В Идеях III Гуссерль говорит об «априори в смысле региона» как «исходной точке онтологии»¹¹. На раннем этапе творчества в лекциях по логике от 1906/07 годов, он называет феноменологию наукой, которая исследует все типы априори, как категориальные, так и материальные¹².

Однако, по Гуссерлю, априорное познание — не просто до-опытное познание, но, прежде всего, сущностное познание. Вся эйдетическая феноменология направлена на исследование сущностного, как говорит Гуссерль в «Идее феноменологии». Но в этом тексте Гуссерль говорит о двух типах *Apriori*. Первое *Apriori* относится к категориям и сущностным законам: «Если мы здесь придерживаемся понятия *Apriori* в первом смысле, то феноменология имеет дело с *Apriori* в сфере первоначал (*Ursprünge*), [в сфере] абсолютных данностей»¹³, — второе *Apriori* относится к установлению «принципиальных форм и положений вещей», что можно соотнести с материальным *Apriori*.

Однако Гуссерль выступает против дедуктивного подхода в познании, так, при проведении дедукции уже должны предполагаться некие данности в качестве предпосылок. Эти данности предполагаются очевидными и никоим образом не ставятся под сомнение. Поскольку для Гуссерля важен беспредпосылочный характер феноменологии, то здесь он использует другой метод — метод «усмотрения сущности», метод «идеации»¹⁴, который позволяет через созерцание с очевидностью усматривать вещь как она есть.

Кроме того, для Гуссерля приоритетным оказывается познание с помощью восприятия, то есть чувственное познание. В то же время, по Канту, как мы знаем, чувственный уровень выполняет всего

¹¹ *Husserl E.* Die Phänomenologie und die Fundamente der Wissenschaften // *Husserliana V.* Hamburg: Meiner, 1986. S. 38. Далее: *Ideen III.*

¹² *Husserl E.* Einleitung in die Logik und Erkenntnistheorie. Vorlesungen 1906/07 // *Husserliana XXIV.* Martinus Nijhoff, 1984. S. 240.

¹³ *Гуссерль Э.* Идея феноменологии. Пять лекций. СПб.: Гуманитарная академия, 2008. С. 137–138.

¹⁴ *Гуссерль Э.* Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии. Книга первая. Общее введение в чистую феноменологию. М.: Академический проект, 2009. С. 37, 78. Далее: *Идеи I.*; см. также *Ideen III.* S. 26.

лишь служебную функцию, доставляя чувственный материал рассудку. По Канту, к априорным формам чувственности относятся пространство и время, но они являются всего лишь субъективными условиями чувственности, с помощью которых мы можем созерцать явления вещей, но не можем познать вещи сами по себе. Кант пишет: «Поскольку же частные условия чувственности мы можем сделать не условием возможности самих вещей, а лишь условием возможности их явлений, постольку мы имеем полное право сказать: пространство охватывает все вещи, которые являются нам внешне; но мы не можем утверждать, что оно охватывает все вещи сами по себе, независимо от того, созерцаются ли они или нет, а также независимо от того, каким субъектом они созерцаются»¹⁵.

Напомним, что тезис об ограничении познания одними феноменами появился после того, как Юм заявил об опытном характере категории причинности. Чтобы сохранить идею об априорном рассудочном характере познания, Кант вынужден был установить границы познания. Поэтому, по Канту, нам даны только одни явления. Вещи сами по себе нам не доступны. О них можно только предполагать, используя рассудочные методы познания.

Что по этому поводу говорит Гуссерль? Обратимся к § 7 Идеи III. Седьмой параграф начинается с утверждения Гуссерлем метода интуиции как приоритетного, метода созерцания в противовес трансцендентальной дедукции, которая опирается на постулируемые рассудочные категории¹⁶. Гуссерль выступает против кантовской системы мышления и проблематизирует тему.

Если мы говорим о понятиях, созданных эмпирическими науками, и относящихся к предметам материального мира, то такие понятия взяты из опыта путем обобщения и классификаций, и они активно используются эмпирическими науками. Но дальше Гуссерль предостерегает: «получено из опыта» выглядит многозначным. Это означает, что если опыт не подтверждает соответствие понятия

¹⁵ Кант И. Критика чистого разума. С. 101.

¹⁶ «Прежде всего, для философа и феноменолога чрезвычайно важно иметь возможность интуитивно и совершенно ясно представлять себе, что выделяет названные мной предметные региональные понятия, каков есть метод, в соответствии с которым они могут быть выведены априори. Однако этот вывод предполагается не в смысле “трансцендентальной дедукции” из какого-либо постулата, из какой-либо системы мышления, не данной при помощи интуиции (как в системе форм суждений кантовской дедукции, названных им категориями), а следуя аподиктически очевидному “трансцендентальному методу”, согласно которому мы можем не дедуцировать, но обнаруживать их самих, созерцая, и схватывая их шаг за шагом» (Ideen III. § 7. S. 27. — *Пер. автора*).

с вещью, то мы каждый раз должны изменять это понятие. Но этого не происходит, так как для познания не требуется бесконечное множество понятий, поскольку реальная действительность — это региональное упорядоченное целое, а значит, достаточно единой категории, которая имеет сущностный характер, исходя из общего ноэматического смысла данного региона, и поэтому является априорной.

Но обо всем по порядку. Если мы будем опираться только на априорные понятия, как предлагал Кант, то мы получим всего лишь фантомы. Но реальное бытие устанавливается не через воображение, а через актуальный опыт, под которым Гуссерль понимает материальное восприятие, в котором вещь конституируется не как математическая формула или логический X , а предстает как она сама есть. Выходит, что, с одной стороны, «все термины взяты из опыта», то есть являются апостериорными, с другой стороны, если нет единой сущностной категории, то опытные понятия становятся неопределенными и контекстуальными. Возникает некоторая двусмысленность. Поэтому Гуссерль предлагает отвлечься от контекстуальной фактичности и суждений, возникающих из конкретного опыта, и посмотреть на сущностную сторону, на чистый смысл.

Переходя к чистому смыслу, осуществляя эйдетическую редукцию, мы созерцаем уже не реальные предметы, а ноэматические сущности. И здесь тоже выделяются свои роды и виды. Высшие родовые сущности «абсолютно замкнуты в себе, абсолютно строго ограничены». Здесь мы можем говорить о таких сущностных понятиях, как «вещь», «животное», «человек». Эти понятия являются региональными априорными категориями, предполагающими определенные региональные онтологии — «...основные понятия, в соответствии с которыми формируются основные виды реальностей. И наконец, еще более высокая общность сущностей, которая зафиксирована нами через сущностную дефиницию (то есть очерпнута чисто из интуиции), представляет понятие самой реальности...»¹⁷. Но Гуссерль предостерегает от путаницы сущностных понятий, полученных из созерцания чистого смысла, и понятий, полученных из опыта. Сущностные априорные понятия даются нам чисто интуитивно, из чистого эйдетического созерцания. Опытные понятия основаны на рассудочном познании.

Рассматривая априорное познание, Гуссерль говорит о множестве сущностных законов. Есть законы формально-логические, их

¹⁷ Там же. § 7. С. 31. *Перевод автора.*

он называет априорными аналитическими законами. А есть законы относительно сущности материального. Их он называет «синтетическими законами априори», используя кантовский термин. Одна часть синтетических априорных законов отнесена Гуссерлем к сущности сознания, к сущности переживаний вообще. Другая часть — к сущности вещи вообще. В самой вещи он выделяет форму и материю. Все, что априори конституирует: материальное бытие как таковое — пространственность, временность, субстанция, изменение и неизменность, — Гуссерль относит к формальной сущности вещи. Качественные определенности вещи, такие как цвет, звук и т. д., Гуссерль относит к материальным сущностям, которые проявляются в ходе опыта, и поэтому их можно назвать апостериорными. Но, так или иначе, они имеют априорный характер. Одни основаны априори на общих чертах чувственных субстанций, другие — на реальных категориях, формах, без которых никакой вещественности не могло бы быть¹⁸. Таким образом, можно выделить формальные сущности отдельных регионов (вещь, душа, тело) и материальные сущности как материальные особенности региональных понятий (цвет, звук)¹⁹.

Рассмотрим ноэматически, находясь в эйдетической установке, «материальную вещь». Нас здесь интересует только смысл понятия. Смысл оказывается неопределенным или частично определенным, так как он определяется характером материального восприятия. В § 1 Идей III материальное восприятие Гуссерль определяет как «особый случай восприятия экстенсивного», восприятия вещей, восприятия тела. Это основной тип восприятия для получения материального опыта. Если материальный опыт переводится на теоретический уровень, то возникает материальное естествознание.

Материальная вещь в восприятии всегда дается нам односторонне, через оттенки (*Abschattungen*) и нюансирования. Мы непосредственно воспринимаем только одну переднюю сторону вещи. Задняя сторона всего лишь предполагается. Значит, всякий акт восприятия, направленный на материальную вещь, имеет заведомо аппрезентирующий характер, то есть он несет в себе предполагаемое содержание, которое должно подтвердиться в определенной серии опыта. Если вещь не подтверждается в некотором опытным ряду, тогда ряды выстраиваются по-новому и выдвигается новое предположение. Поэтому понятие «вещь» оказывается всегда толь-

¹⁸ *Husserl E.* Einleitung in die Logik und Erkenntnistheorie. S. 332–333.

¹⁹ *Ideen III.* § 19. S. 99–100.

ко предполагаемым, частично подтверждаемым в опыте предметным смыслом²⁰.

Этот смысл устанавливается в явленном, вернее, в определенном смысле дано явленное, предполагающее нечто большее, избыточное по сравнению с действительно проявленным, хоть и неопределенно²¹. И здесь Гуссерль говорит об идее вещи, которая «выстраивается» в бесконечных, но согласуемых между собой, сериях опыта. Согласованность опыта указывает на определенные рамки, которые создают априорную форму для возможного получения опыта материальной вещи. Поэтому вещь не просто воображается. Если бы она никак не подтверждалась на опыте, то превратилась бы в «простой фантом». Именно согласованное единство опыта оказывается той априорной формой, которая позволяет сознанию формировать объекты с предикатом реальности, а не видимости.

Но кроме общего согласованного опытного единства, которое характерно для восприятия всякого предмета реальности, идея вещи отличается особой категориальной формой, априорно предопределяющей, как будет протекать опыт. Эта категориальная форма есть *res extensa*. Как бы ни протекал опыт, если он связан условием предполагать воспринимаемый предмет как экстенсивно реальный, сознание всегда будет конституировать материальную вещь.

Дополнительно к согласованному единству опыта и наличию категориальной формы *res extensa*, о реальной вещи мы можем говорить только в соотнесении ее с реальными обстоятельствами, в причинно-следственной связи. И опять здесь всплывает «злополучный» принцип причинности. Именно он сподвиг меня начать данную статью о трансцендентальной дедукции Канта. Чтобы вещь

²⁰ «Смысл лишь частично определен, он же с необходимостью неопределен, в той мере, в какой он — именно смысл, он есть реальное, которое как таковое в бесконечных и разнообразных сериях опыта выявляло бы все новые и новые стороны и свойства, не предопределенные в жестком содержании жестким смыслом исходного опыта, но только как неопределенные и сохраняющие открытыми определимые возможности». *Ideen III. § 7. S. 31. Перевод автора.*

²¹ «Таким образом, устанавливается определенный предметный смысл, который можно описать. Появляется дерево, ель и т. д. Явленное, именно в данном смысле, действительно проявляется лишь с определенных сторон и все же предполагается как нечто большее по сравнению с “действительно” проявляющимся, но неопределенным. Эта неопределенность указывает нам на текущее восприятие и дальнейшие возможные восприятия; на основе этой неопределенности, присущей смыслу восприятия, мы можем ведь задать вопрос, и этот вопрос постоянно ведет нас в опыте: как этот предмет выглядит с другой стороны, как он определяется через все новые и новые восприятия, как в соответствии с ними он описывается, и как он должен быть определен с точки зрения мышления. Каждый новый опыт при этом задает новые вопросы». *Ideen III. § 7. S. 33. Перевод автора.*

обрела реальное содержание, мы должны узнать, как она ведет себя при разных обстоятельствах: при изменении температуры, при давлении, при ударе, изгибании, бросании и т. д.²² Реальные качества вещи оказываются не внутренне присущими ей качествами, но обнаруживаемыми во взаимодействии с другими вещами. В отличие от традиционной метафизики, где материальная вещь рассматривалась субстанционально, как замкнутое самодостаточное единство, Гуссерль считает опытный, причинно-следственный подход определяющим в восприятии реального.

По Гуссерлю, исследование причины играет важную роль во всех науках о реальности. Здесь он выступает против понятия материальной субстанции как замкнутой в себе и не открывающейся познающему субъекту, которую можно было познать только с помощью рационального мышления.

Гуссерль отмечает, что такая мыслительная традиция сложилась еще до Канта. Начиная с Декарта, «математизирующий рационализм»²³ смешивал логико-математические причинные связи и причинно-следственные связи математического естествознания. Этот подход мы встречаем и в философии Канта, который пытался обосновать возможность чистого, априорного познания с помощью одного только рассудка.

Только Г. В. Лейбниц, а вслед за ним и Дж. Локк, заговорили о двух видах истин — истины чистого разума и истины фактов. Это доказывает, как пишет Гуссерль в лекциях к курсу «Первая философия» от 1923/24 годов, что математико-логические науки и математическое естествознание следует разделить по предметам и методам. Математико-логические науки занимаются чистыми истинами разума. Математическое естествознание, хоть и тесно связано с математической рациональностью, все же является эмпирической наукой, а значит, для нее ключевыми будут истины факта. Что касается Юма, то Гуссерль считает, что каузальная естественнонаучная необходимость и чисто рациональная были разделены Юмом несколько иным образом. И это привело к проблемам в понимании рациональности. Это является исходным пунктом для проблемы рациональности.

По Юму, человек познает с помощью разума и воображения. Они четко очерчивают свои сферы владения, «выступают как акто-

²² *Husserl E. Ideen zu einer reinen Phänomenologie und phänomenologischen Philosophie. Zweites Buch: Phänomenologische Untersuchungen zur Konstitution // Husserliana IV. Martinus Nijhoff, 1952. § 15. S. 45. Далее: Ideen II.*

²³ *Husserl E. Erste Philosophie (1923/24). Erster Teil. Kritische Ideengeschichte // Husserliana VII. Martinus Nijhoff, 1956. S. 177. Далее: Erste Philosophie I.*

ры и уничтожают друг друга как непримиримые враги»²⁴. К сфере владения разумом, по Юму, относятся только идеи, и ничего из реального мира. Воображение создает только фикции и «притворную рациональность», которая сводится к имманентным психологическим законам — ассоциации и привычке. За неимением возможности получить опыт, соответствующий реальности, воображение создает ассоциативные связи между вещами, которые, повторяясь, становятся привычными²⁵. Поскольку воображение может создавать только фиктивные вещи, то и причинно-следственные связи также оказываются фиктивными, а значит, Юм приходит к известному скептическому выводу, реальность сама по себе непознаваема, что и подхватывает Кант. Но Гуссерль выступает против скептицизма. Он называет его тупиковым путем: «Согласно Юму, то, что не обнаруживается в нашем сознании, и что существует само по себе, в лучшем случае является пустой возможностью мышления. Единственный способ перейти от данного к не-данному — это путь ассоциации и привычки, но сам по себе он ни к чему не приводит»²⁶.

В отличие от Декарта, Юма и Канта, Гуссерль говорит об объективной реальности, которая, во-первых, познается при помощи телесных ощущений и, во-вторых, интересубъективна.

Но здесь возникает сложность, которая заключается в том, что выявить саму причинность из опыта не так уж просто. Поскольку исследуемая вещь находится в среде, то есть дана в соответствии с обстоятельствами, действительное причинное обстоятельство остается неопределенным, и выявить его можно только при помощи теоретического анализа. Но как мы уже выяснили, реальный объект дан только односторонне, ибо такова сущность материального восприятия. Поэтому, чтобы определить реальное причинное обстоятельство, необходимо как можно больше согласованных ря-

²⁴ Там же. S. 179.

²⁵ «Общий принцип воображения заключается в свойственной человеческой душе инерции, согласно которой она при помощи предыдущего опыта приходит в привычное колебание, но не может удержаться, и вынуждена вырваться за пределы этого опыта. Там, где ей представлялось что-то вроде регулярности сосуществования и последовательности в действительном опыте, она должна была немедленно перейти к расширению этой регулярности за пределы предыдущего опыта, к проецированию ее в будущее, к абсолютизации ее как объективно существующей по преимуществу. Так, на основе примерного сосуществования данных она изобретает непреходящие вещи как независимые от сознания, так, она изобретает причинно-следственные связи с предполагаемыми необходимостями и т. д.». *Erste Philosophie I. S. 179. Перевод автора.*

²⁶ Там же. S. 179—180.

дов восприятий, а значит, научное исследование требует постоянного подтверждения реальных причинно-следственных связей.

Мы также можем говорить не только о вообще материальной вещи, но, к примеру, о дереве или минерале и т. д. Здесь мы уже имеем некоторые концептуальные понятия, которые предполагают общие понятия вещи как проявляющейся в опыте. Всякое концептуальное понятие диктует свой способ мышления, при котором понятие идентифицирует себя как понятие, основанное на опыте. Всякий такой концепт предписывает определенное правило ходу опыта. Но, как бы то ни было, опыт и его априорные условия предшествуют концептуальному мышлению. И это является важным отличительным моментом в феноменологии Гуссерля.

Исходя из всего вышесказанного, у нас прорисовываются два вида понятий, относящихся к понятиям о реальном, — это априорные и апостериорные понятия. Апостериорные понятия — понятия, полученные из опыта, имеющие разный уровень обобщения, понятия. Априорные понятия относятся к необходимой форме исследуемого явления, которое не изменяется и связывает все фактическое случайное содержание. Форма вещи — это те рамки, в которых только и может протекать опыт. Для материальной вещи такой формой является *res extensa*, и это есть идея вещи, как говорит Гуссерль.

Отличие априорных понятий от апостериорных Гуссерль называет «трансцендентальным» отличием, так как посредством этого вещь «конституирует» себя как единство многообразий. Каждый вид исследуемых явлений имеет свое базовое основание, которому соответствует свое априорное региональное понятие, ограничивающее чувственную форму и устанавливающее порядок протекания опыта. Региональное априори является исходным пунктом онтологии. Так, исследуя идею вещи, мы можем говорить о региональной онтологии как науке о сущности вещи вообще. Каждому типу эмпирических наук противостоит некоторая онтология. Эмпирическим наукам о реальной действительности соответствует онтология физической природы, наукам о живых организмах и психических проявлениях соответствует онтология животной и психической природы.

Но к чему еще стремился Гуссерль, так это исследовать развитие адекватной научной формы для «онтологической сферы конкретной (*spezifischen*) материальности, как раз лежащей в основе любого “чистого” регионального естествознания»²⁷. Думается, именно

²⁷ Там же. § 7. S. 39.

здесь региональная проблематика реальностей пересекается с метафизическими предельными вопросами.

Мысль о различии априорных и апостериорных понятий Vittorio de Palma интерпретирует следующим образом. Априорные и апостериорные понятия рассматриваются в рамках понятия синтетического априори, то есть речь идет о двух видах материального *Apriori*. Такие понятия, как цвет, звук, хоть и являются априорными, но апостериорны по отношению к понятию вещь, которая выражает необходимую форму возможного опыта. Но поскольку мы говорим о материальном вообще, то понятие вещь — не просто формальное понятие, но материальное. Далее, поскольку априорные понятия звук и цвет представляют материальные особенности вещи, то они представляют случайные особенности вещи, так как все сущее случайно. В результате у нас имеются два вида материального *Apriori*: формально-материальное *Apriori* и апостериорно-материальное контингентное *Apriori*. Отсюда Vittorio de Palma проводит различие между априорным у Канта и Гуссерля. Если у Канта речь идет о субъективных формах чувственности и том, что мы вкладываем в вещи, то по Гуссерлю речь идет о предметных формах, о том, что заключается в структуре самих вещей²⁸. Поскольку восприятие вещественного основано не на психологических законах, как предполагали Brentano и Штумпф, то материальные *Apriori* имеют онтологическую основу.

Пять шагов в конституировании материальной вещи

О пошаговом конституировании материальной вещи Гуссерль пишет в Идеях II. Основной посыл, с которого Гуссерль начинает Идеи II, — это наличие разных установок, которые занимает или может занимать познающий или просто бытийствующий субъект. Помимо натуралистической установки, которая стала доминирующей с утверждением естествознания и которая даже получила название естественной, имеются и другие установки, как то оценивающая установка (в самом широком смысле оценивающая как «прекрасное» и «доброе»), и практическая установка. Поэтому вторым моментом, на который Гуссерль обращает внимание, — это не Что конституируется, а Кто конституирует и в какой установке он на-

²⁸ Palma V. de. Die Fakta leiten alle Eidetik. Zu Husserls Begriff des materialen Apriori. Husserl Studies. 2014, 30. S. 195–223.; см. также Husserl E. Ding und Raum. Vorlesungen 1907 // Husserliana XVI. Martinus Nijhoff, 1973. S. 141.

ходится. И тогда мы можем говорить о познающем (или теоретическом) субъекте, об оценивающем субъекте или о практическом субъекте. Однако неверно говорить, что мы либо только познаем, либо только оцениваем, либо только занимаемся практикой. Все это происходит одновременно, но какой-то параметр становится доминирующим.

Что касается теоретического субъекта, который находится в естественнонаучной установке, то он дистанцируется от ценностных и практических характеристик предметов. В «чистой» теоретической установке мы познаем простые материальные вещи. Но «в обычной жизни мы вовсе не связаны с природными объектами. То, что мы называем вещами (*Dinge*), является картинами, статуями, садами, домами, столами, одеждой, инструментами и т. д. Все это является ценностными объектами различного вида, объектами потребления, практическими объектами. И они не являются естественнонаучными объектами»²⁹.

Этот ход в рассуждениях Гуссерля продиктован, как утверждает Ландгребе³⁰, борьбой с натурализмом. И с этим нельзя не согласиться. Ландгребе указывает, что Гуссерль отказывается от следования одной только интерпретации мира, ориентированной на модель естествознания, что существуют объекты разных регионов и для каждого региона должна быть своя интуиция. Под интуицией Ландгребе понимает осознание пути, каким объекты приходят к самоданности, а значит, первое, что необходимо исследовать, — это режимы сознания или установки, в корреляции с которыми конституируются различные регионы.

Исходя из данного посыла, выстраивается вся структура книги. Сперва Гуссерль подробно останавливается на конституировании материальной вещи. Затем рассматривает конституирование душевного, телесного. И далее подходит к конституированию духовного мира. Итак, он говорит, что поскольку для естествоиспытателя предметом исследования является природа в качестве простых вещей, то основным признаком здесь является наличие длительности, «с дальнейшей детерминацией в вопросе Когда» (временное определение), и положение в пространстве с вопросом Где (пространственное определение). Все это входит в определение протяженности вещи или *res extensa*. Однако это пока еще ничего не го-

²⁹ Там же. § 11. S. 27.; см. также Идеи I. § 37. С. 115.

³⁰ *Landgrebe L. The Phenomenology of Edmund Husserl. Six essays // Landgrebe L. Regions of Being and Regional Ontologies in Husserl's Phenomenology. Cornell University Press, 1981. S. 149–175.*

ворит о самой реальности вещи и об объективности вещи. Чтобы прояснить этот затруднительный момент, Гуссерль задает свой основной методологический вопрос: как мы познаем вещь, или иначе, как воспринимаем вещь?

Смысл восприятия по Гуссерлю состоит в том, что воспринимаемый объект никогда не дан нам полностью, одновременно со всех сторон, но дан лишь односторонне, лишь в отдельных аспектах, что не мешает, однако, неявленное нам до-конструировать, до-предполагать. И это происходит не случайным образом, а мотивированным. Здесь можно говорить о различных направлениях определения вещи, которые Гуссерль называет чувственными схемами, как, например, визуальная схема или осязательная схема. И это второй шаг в определении вещи.

Но в простой чувственной схеме реальность вещи все еще не определена. Реальность вещи определяется третьим шагом. По Гуссерлю, вещь есть то, что она есть, только в отношении к обстоятельствам. Реальные качества вещи есть каузальные качества: «О вещи знают, это значит: знают из опыта, как она ведет себя при давлении и ударе, в изгибании и дроблении, в нагревании и охлаждении, т. е. как она ведет себя в связности своей каузальности»³¹. И этим как раз занимается физика. Здесь мы следуем за тезисом: При равных обстоятельствах равные последовательности. И этот тезис Гуссерль называет формально-определяющим принципом в апперцепции Реального.

В результате данной опытной процедуры вещь определяется как имеющая реальные качества. Но чувственная схема и обстоятельства не схватываются, а также не схватывается сам познающий. То есть субъект в натуралистической установке сам себя забывает, что не позволяет увидеть процесс познания в полном объеме.

Также здесь важным является принцип: «никакого изменения без причины». Но вещь опять же схватывается как изменяющаяся самостоятельно, а не в отношении к реальным обстоятельствам. Полагание, что вещь может изменяться самостоятельно, Гуссерль считает наивным полаганием, так как вещь никогда не дана полностью, так как высказывания о вещи не следуют тому, что действительно дано, так как то, что предполагается в вещи и требуется от нее в процессе познания не всегда подтверждается, поскольку высказывания о вещи содержат не только то, что уже подтверждено, но и то, что лишь предполагается.

³¹ Там же. § 15. S. 45.

Четвертый шаг в конституировании вещи, по Гуссерлю, — это определение объективности вещи. Даже если мы познаем вещь «солипсистски», уже можно выделить слои, когда вещь понимается «объективно». Во-первых, вещь представлена субъекту в «нормальных» условиях опыта: при нормальном освещении (при светлом дневном освещении), при нормальном осязании (через непосредственное прикосновение), при нормально функционирующих органах зрения, осязания и т. д. Все это относят к нормальному опыту, при котором мир конституируется «как он есть». «Аномальные» условия опыта, напротив, понимаются как «простая видимость» (*bloß Schein*). Во-вторых, можно отказаться от всей релятивности, от всей чувственности и фиксировать вещь логико-математически. Тогда вещь становится физической вещью, определяемой геометрически, но не определяемой чувственно.

Но этого недостаточно. Дальше «нормальный опыт» нуждается в подтверждении другими субъектами. И здесь необходимым становится договориться о вещи. Договориться, прежде всего, о том, что является «нормальным» в опытном познании вещи. Здесь всякий познающий субъект проходит определенную проверку в понимании критериев нормальности. Если понимание нормальности опыта у конкретного субъекта отличается от общего понимания другими, то он сам превращается в патологический объект, и достичь договоренности в данном случае не представляется возможным. «Как только я сообщаю товарищам о своих более ранних переживаниях, а они постоянным столкновением этих переживаний со своими в силу единогласного обмена опытом интерсубъективно конституируют подтвержденный мир и непрерывно становятся внутри него, то я для них превращаюсь в интересный *патологический* объект, и моя так прекрасно подтвержденная действительность называется ими галлюцинацией душевнобольного, бывшего до этой временной точки»³².

Поэтому «объективной» вещью считается вещь, которая принимается всеми субъектами, то есть интерсубъективно. И эти субъекты договорились, какой опыт считать нормальным, а какой аномальным. Природа есть интерсубъективная действительность, действительность, которая должна быть для всех, кто может договариваться о вещах. Далее, определившись с обществом нормальных субъектов, можно конституировать чистую физическую

³² Там же. § 18. S. 80.

вещь как логико-математическую формулу³³. Следовательно, объективная реальность есть то, что с необходимостью должно соотноситься с научными законами. Однако не следует забывать, что так понимают вещь субъекты, настроенные естественнонаучно, и тем самым они создают физическую картину мира.

Объективная реальность не является действительностью, в которой мы живем, которую непосредственно воспринимаем. Рудольф Боэм замечает, что закон об объективной реальности может оставаться неизменным, но действительность постоянно изменяется. Возникает зазор между тем, что воспринимается, переживается и тем, что считается объективно истинным. Утверждение «Солнце движется по небосводу» активно используется в обычной речи, отражая непосредственное наше видение. Но одновременно с этим вряд ли кто-то всерьез будет утверждать, что это действительно так, что это не обман зрения. Если мы принимаем естественнонаучную установку, воспринимаемая действительность становится обманчивой, кажимой. И так повсюду³⁴.

Аналогии и различия в конституировании материальной вещи и души

Следующим регионом исследования для Гуссерля является исследование душевного, связанного с ним телесного и, как результат, человеческого. Несмотря на то что здесь мы также имеем дело с некоторой реальностью, отождествлять душевное, телесное и человеческое с материальной вещью никак нельзя, так как имеется целый ряд принципиальных отличий, хотя есть и некоторые аналогии. Рассуждая о душе, Гуссерль в первую очередь говорит о бесконечном потоке переживаний, содержанием которого являются ощущения, восприятия, воспоминания, эмоции, аффекты и т. д. Все переживания объединены в одно целое и связаны с телесным. Кроме того, хотя душевное и связано с телесным, но душевное имеет преимущество и является сущностно определяющим для понятия Я и для понятия «человек». Также тело является не только вещью, но одновременно и органом для духа.

Далее рассуждая о реальности души, Гуссерль говорит о душевном Я как субстрате личных качеств по аналогии с материальной

³³ См. также *Hardy L.* Nature's suit: Husserl's phenomenological philosophy of the physical sciences. Athens, Ohio University Press. 2013. S. 133–146.

³⁴ *Boehm R.* Scheinbare Wirklichkeit. Zur Idee einer phänomenologischen Philosophie // Husserl Studies. 2016. 32. S. 101–130.

вещью как субстратом вещественных качеств. Так же как протяженность и чувственные схемы не являются реальными качествами материальной вещи, так и переживания душевного субъекта не являются его качествами, но являются его способами поведений. Еще одна аналогия, которая позволяет говорить о душе как о реальном субъекте, — это то, что при определенных реальных обстоятельствах душа ведет себя упорядоченным образом. И это позволяет выявлять определенные каузальные связи и их систематизировать. А значит, психология по Гуссерлю является эмпирической наукой. Однако на этом аналогии заканчиваются, и начинаются различия.

1) Материальная вещь конституируется через единство схем или, что характерно для всех трансцендентных вещей, через единство разнообразий оттенков. Душевные состояния, напротив, не являются трансцендентными единствами, но являются имманентно воспринимаемыми переживаниями. 2) Если мы говорим о наглядной материальной вещи в ее оптимальной данности, то сводим это к нормальной субъективности. На высшем уровне конституирования мы сводим вещь к составу математических качеств. Душа, напротив, никак не математизируется и не схематизируется. 3) Также не следует говорить о каузальности души. Если поток душевной жизни и имеет некоторые закономерности, как, например, функциональные взаимозависимости с телом, то назвать их каузальными по аналогии с материальной вещью никак нельзя. 4) Материальная вещь имеет пространственную форму и может быть неизменной относительно своих качеств и относительно своих состояний. Душевная жизнь по своей сути является потоком, а значит, является постоянно изменяющейся и не имеет пространственной формы. 5) Что касается зависимости от обстоятельств, то ближайшей зависимостью душевного сознания является ее зависимость от тела, от телесных ощущений. Но следующей формой зависимости является зависимость души от самой себя (что отсутствует у материальной вещи). «Более ранние переживания бесследно не исчезают, каждое переживание имеет последствия». 6) Материальная вещь устроена так, что она возвращается в одно и то же тождественное для себя состояние. Материальные реальности не определяются через свое прошлое, поэтому они являются неисторическими реальностями. Душевные реальности, напротив, не могут возвращаться в то же самое состояние, поэтому душевные реальности имеют историю.

Далее следует напомнить, что имеется не только натуралистическая установка, но также есть и персоналистская, и что для понимания человека, как он есть в человеческой жизни, натуралистическая установка никак не подходит. Про человека как реальную личность можно говорить, что он находится в зависимости от вещей, но не от природных вещей, а от ценностных вещей, вещей, используемых им в практических делах. Также он зависит от людей, как от конкретных личностей, так и от социальных институтов. Но зависимости не являются каузальными природными зависимостями, а являются мотивированными зависимостями. Поэтому с полным правом здесь следует говорить не о природной каузальности, но о мотивированной каузальности. И человек здесь является не природным существом, которое имеет тело, а духовным субъектом — субъектом интенциональности. А тело является органом, с помощью которого субъект проявляет свою волю. Субъект может становиться оценивающим и волящим субъектом. И все это происходит в реальных взаимодействиях с окружающим миром, но не чисто природным миром.

Литература

- Васильев В. В.* Подвалы кантовской метафизики (дедукция категорий). М.: Наследие, 1998.
- Кант И.* О форме и принципах чувственно воспринимаемого и интеллигбельного мира // Собр. Соч. В 8 т. Т. 2. М.: Чоро, 1994. С. 277–320.
- Кант И.* Критика чистого разума // Соч. на нем. и рус. языках. В 4 т. Т. 2. Ч. 1. М.: Наука, 2006.
- Кант И.* Прологомены ко всякой будущей метафизике, которая может появиться как наука // Собр. соч. В 8 т. Т. 4. М.: Чоро, 1994. С. 5–152.
- Кант И.* Метафизические начала естествознания // Собр. соч. В 8 т. Т. 4. С. 247–372.
- Кант И.* О применении телеологических принципов в философии // Собр. соч. В 8 т. Т. 8. С. 106–137.
- Гуссерль Э.* Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии. Книга первая. Общее введение в чистую феноменологию. М.: Академический проект, 2009.
- Гуссерль Э.* Идея феноменологии. Пять лекций. СПб.: Гуманитарная академия, 2008.
- Boehm R.* Scheinbare Wirklichkeit. Zur Idee einer phänomenologischen Philosophie // Husserl Studies. 2016. 32. S. 101–130.
- Hardy L.* Nature's suit: Husserl's phenomenological philosophy of the physical sciences. Athens: Ohio University Press, 2013.

Husserl E. Ideen zu einer reinen Phänomenologie und phänomenologischen Philosophie. Erstes Buch: Allgemeine Einführung in die reine Phänomenologie // *Husserliana* III/1. Martinus Nijhoff, 1976.

Husserl E. Ideen zu einer reinen Phänomenologie und phänomenologischen Philosophie. Zweites Buch: Phänomenologische Untersuchungen zur Konstitution // *Husserliana* IV. Martinus Nijhoff, 1952.

Husserl E. Die Phänomenologie und die Fundamente der Wissenschaften / *Husserliana* V. Hamburg: Meiner, 1986.

Husserl E. Erste Philosophie (1923/24). Erster Teil. Kritische Ideengeschichte // *Husserliana* VII. Martinus Nijhoff, 1956.

Husserl E. Ding und Raum. Vorlesungen 1907 // *Husserliana* XVI. Martinus Nijhoff, 1973.

Husserl E. Einleitung in die Logik und Erkenntnistheorie. Vorlesungen 1906/07 // *Husserliana* XXIV. Martinus Nijhoff, 1984.

Landgrebe L. The Phenomenology of Edmund Husserl. Six essays // Landgrebe L. Regions of Being and Regional Ontologies in Husserl's Phenomenology. Cornell University Press, 1981. S. 149–175.

Palma V. de. Die Fakta leiten alle Eidetik. Zu Husserls Begriff des materialen Apriori. *Husserl Studies*. 2014, 30. S. 195–223.

Раздел II.
«Региональные
ОНТОЛОГИИ»
и современная наука

А. А. Крушанов

Динамика современного познания, картина мира и дисциплинарные онтологии

Есть основания полагать, что общенаучная картина мира теперь не соответствует развивающемуся познанию и должна серьезно измениться. Это связано со стихийным открытием нового класса свойств и закономерностей, которые теперь фиксируются как «универсальные» свойства и закономерности. Их необычность в том, что они присущи и неорганическим, и органическим, и социальным системам. Это означает, что все эти системы существенно сходны. Но такую однородность существующая общенаучная картина мира никак не учитывает. Потому новые, универсальные, феномены являются вызовами для существующей общенаучной картины мира, и ей необходимо измениться, чтобы включить в свое содержание и новую приоткрываемую однородность реальности. Это, конечно, вызовет уточнение и дисциплинарных онтологий, их возможную унификацию и иногда довольно серьезное преобразование.

Ключевые слова: общенаучная картина мира, дисциплинарные онтологии, исследования универсального типа, универсальные свойства и закономерности, кибернетика, системные исследования, синергетика.

Alexander A. Krushanov

CONTEMPORARY SCIENTIFIC KOGNITION DYNEMICS, PICTURE OF THE WORLD AND DICIPLINARY ONTOLOGIES

There are reasons to think that general picture of the world is not correspond to the developing scientific cognition and has to be changed seriously. Spontaneous discovers of the new class of properties and laws are general reason for such change. They are fixed now as universal properties and laws. They are usual for nonorganic, organic and social systems. And this is their specific feature. And it means that all these systems are essentially similar. But such homogeneity todays picture of the world doesn't take in to account. That is why these new phenomena are challenge for the existed picture of the world and it has to be changed to take in to account this new homogeneity of reality. It's clear that such change will make important possible unification an even serious transformation of the disciplinary ontologies.

Keywords: general picture of the world, disciplinary ontologies, researches of the universal type, universal properties and laws, Cybernetics, System researches, Synergetics.

Свои принципиальные черты современная общенаучная картина мира обрела еще в XIX в. благодаря усилиям прежде всего О. Конта и Г. Спенсера. Конт, создавая классификацию наук, заодно полагал, что «зависимость между различными науками определяется зависимостью, существующей между соответствующими явлениями внешнего мира»¹, таким образом,

¹ *Кедров Б. М.* Классификация наук. Т. I: Энгельс и его предшественники. М.: Изд. ВПШ и АОН при ЦК КПСС, 1961. С. 103.

фактически разбив всю реальность на последовательность все более сложных областей. Позже в рамках эмерджентного эволюционизма эти области получили название «структурных уровней реальности», что и прижилось.

Спенсер в свою очередь связал все эти области реальности единым эволюционным процессом, порождающим в процессе своего осуществления все более сложные объекты, явления и этапно — структурные уровни реальности.

Дополнительную существенную особенность общенаучной картине мира добавил опять же Конт, резко разграничивший как выделяемые области реальности, так и изучающие их науки. С той поры прошло много лет, но этот факт не забывают даже современные ученые, замечая: «Французский философ-позитивист Огюст Конт в своих трудах проводил мысль о существовании жестких барьеров между науками»². Резкому разграничению структурных уровней реальности позже посодействовали и эмерджентные эволюционисты, фактически фрагментировавшие реальность признанием того, что между структурными уровнями есть качественные различия, никак не связанные со свойствами предыдущих уровней. Что и означает, что между структурными уровнями признаются разрывы неясной природы.

Современная картина мира учитывает, разумеется, не только это, но именно эта принципиальная структура уже длительное время определяет общую организацию познавательной деятельности. Правда, именно поэтому в середине XX в. научное познание столкнулось с серьезными трудностями. Развитие научного поиска к этому времени вдруг обнаружило, что между структурными уровнями реальности существует неожиданное и значимое сходство. Начиная с рождения кибернетики, стали обнаруживаться важные свойства и закономерности, на равных свойственные целой последовательности структурных уровней реальности. Такого рода свойства и закономерности теперь принято выделять как *универсальные*. При этом сложившаяся общенаучная картина мира такую возможность никак не предусматривала, так что первопроходцам в разворачивании исследований нового класса пришлось столкнуться с серьезными трудностями, нарушая «принятые правила».

Сами обсуждаемые перемены, как уже отмечено, обозначились вместе с рождением кибернетики, так что все началось еще в 1948 г. с выходом в свет книги Н. Винера «Кибернетика». К этому време-

² Дажо Р. Основы экологии. М.: Прогресс, 1975. С. 17.

ни сложились комплексные виды деятельности, в рамках которых и стало осознаваться, что наряду с «субстратными» закономерностями и свойствами, которые традиционно изучались автономными и жестко разграниченными классическими науками, существуют совершенно иные, универсальные свойства и закономерности, равным образом присущие объектам различной субстратной природы.

На практике переход к работе такого рода выглядел как вызов доминирующей традиции жесткой и узкой специализации. О том, какого рода прорыв при этом приходилось совершать, свидетельствуют, например, слова «отца кибернетики» Н. Винера, относящиеся к 1948 г.: «...в настоящее время лишь немногие ученые могут назвать себя математиками, или физиками, или биологами, не прибавляя к этому дальнейшего ограничения. Ученый становится теперь топологом, или акустиком, или специалистом по жесткокрылым. Он набит жаргоном своей специальной дисциплины и знает всю литературу по ней и все ее подразделы. Но всякий вопрос, сколько-нибудь выходящий за эти узкие пределы, такой ученый чаще всего будет рассматривать как нечто, относящееся к коллеге, который работает через три комнаты дальше по коридору. Более того, всякий интерес со своей стороны к подобному вопросу он будет считать совершенно непозволительным нарушением чужой тайны»³.

На судьбе исследований обсуждаемого типа сказывалось и сказывается до сих пор очень явное давление «монодисциплинарной» традиции, в силу которой «нормальны» исследования лишь в рамках классических наук. В то же время универсальные свойства и закономерности с этой позиции выглядят неестественно и легкомысленно, а потому не рассматриваются и не учитываются зашоренным таким образом научным сообществом в качестве действительно важных.

Так, один из «отцов-основателей» системного движения Людвиг фон Берталанфи отмечал: «С момента своего возникновения теория систем сразу же натолкнулась на критику, которая видела в ней фантастическую и весьма самонадеянную концепцию. Некоторые утверждали, что общая теория систем тривиальна, поскольку так называемые изоморфизмы суть лишь трюизмы, говорящие, что математику можно применять к любым вещам, и поэтому теория

³ *Винер Н.* Кибернетика, или Управление и связь в животном и машине. 2-е изд. М.: Советское радио, 1968. С. 44.

систем имеет значение не большее, чем «открытие», что $2 + 2 = 4$ одинаково справедливо и для яблок, и для долларов, и для галактик. Другие считали ее ошибочной из-за поверхностных аналогий вроде известного сравнения общества с «организмом», которое скрывает действительные различия и в силу этого приводит к неверным и даже морально нежелательным выводам. Или же, наконец, ее признавали философски и методологически необоснованной из-за пресловутой «несводимости» более высоких уровней к более низким...»⁴

И все же энтузиасты и основатели нового исследовательского направления ринулись в бой. Как вспоминал позже Винер свои встречи с соратником А. Розенблютом: «Мы не сомневались, что каждый творчески работающий ученый волен ломать любые перегородки, если это нужно для успеха его работы, и нам обоим было совершенно ясно, что наука должна создаваться объединенными усилиями многих людей»⁵.

И тем не менее прошли годы успешного и разнообразного стихийного развития подобного рода исследований («исследований универсального типа»), но и в начале XXI в. все еще приходится переживать по поводу того, что, скажем, «развитие синергетики и ее будущие успехи зависят от того, насколько успешно ей удастся прокладывать свой путь между Сциллой и Харибдой. Сцилла в этой аналогии связана с дисциплинарной, узкопрофессиональной ориентацией и российской, и мировой науки... Специалистам, знающим все об очень немногом, трудно примириться с появлением журналов, конференций и книг, где с единых позиций, конкретно и конструктивно рассматриваются многие задачи, относящиеся по сути к разным наукам. Во многих научных организациях просто нет структур, способных поддерживать междисциплинарный поиск»⁶.

Тем более интересно, что исследования, ориентированные на открытие и изучение универсальных свойств и закономерностей, со временем все равно набрали силу и масштабировались. Сегодня картина выглядит следующим образом.

Впервые выход на открытие универсальных свойств и закономерностей, как уже отмечено, был осуществлен в кибернетике. Так, уже в полном названии основополагающей книги Винера

⁴ *Берталанфи Л. фон.* Общая теория систем — обзор проблем и результатов // Системные исследования. Ежегодник. М.: Наука, 1969. С. 37.

⁵ *Винер Н. Я* — математик. М.: Наука, гл. ред. физ.-мат. литературы, 1964. С. 166.

⁶ *Малинецкий Г. Г.* Синергетика. Кризис или развитие? // *Майнцер К.* Сложносистемное мышление. М.: Кн. дом «Либроком», 2009. С. 12.

(«Кибернетика, или Управление и связь в животном и машине») подчеркнуто, что эта наука изучает закономерности управления на равных свойственные и живым, и техническим системам. Это было в 1948 г. Несколько позже Винер подготовил новую книгу «Кибернетика и общество»⁷, таким образом распространив закономерности управления и на социальные системы. Определенные трудности возникли при распространении кибернетической парадигмы на неорганическую природу. Но даже пробная попытка⁸ такого рода показала, что это дело совсем не безнадежное. Правда, в своей работе автор исследования Л. А. Петрушенко не был вполне свободен, введя даже для управления в неживой природе особое название, и предупреждая: «...прослеживая в неорганической природе исторические корни управления, следует остерегаться впасть в своеобразную разновидность преформизма, ибо изменяются не только естественноисторические формы квазиуправления, но при переходе неорганической природы в органическую неизбежно должно было качественно измениться и квазиуправление»⁹. Очевидно, что исследователь явным образом опирался на вполне определенную парадигмальную установку, которая уже не соответствовала специфике выявляемых новых феноменов.

Сами же исследования универсального типа рождались фактически последовательно, сопровождаемые в силу необычности ажиотажным общественным и профессиональным интересом. Велики были и ожидания, с ними связанные.

В продолжение масштабной работы, развернутой кибернетикой, в 1960–1970-х гг. полыхнул бум, связанный с появлением системных исследований.

«**Системные исследования**»¹⁰ родились из закономерного перехода науки к изучению объектов («систем»), между компонентами которых имеются взаимосвязи. И это придает такому объекту новое качество, не присутствующее у его компонентов. Прежде такого рода объекты не изучались.

Пояснить возникновение нового качества в такого рода случаях можно с помощью простого примера. Водород и кислород являются горючими веществами. Однако их объединение в молекулу воды создает вещество, которое огонь не только не поддерживает, но га-

⁷ Винер Н. Кибернетика и общество. М.: Изд-во ин. литературы, 1958.

⁸ Петрушенко Л. А. Самоорганизация материи в свете кибернетики. М.: Наука, 1971.

⁹ Петрушенко Л. А. Указ соч. С. 163.

¹⁰ См.: Исследования по общей теории систем. М.: Прогресс, 1969; Бергаланфи Л. фон. Указ. соч.

сит. В свою очередь живой организм — это не просто куча аминокислот и нуклеотидов, из которых состоят белки и ДНК организма, но очень упорядоченная система этих молекул, создающая существа живой природы. Такой научный поиск можно рассматривать как направление исследований, задачей которых выступает открытие и изучение универсальных закономерностей организации, функционирования и развития систем.

Ажиотажную волну системных исследований в 1980-е гг. сменил взлет интереса к «**синергетике**»¹¹. Причем важно отметить, что становление и экспансия этой науки проходили уже без особых трудностей парадигмального характера. Даже в нашей стране.

Главным для синергетики стало открытие того, что в неравновесных системах, в которые активно поступают вещество, энергия и информация, самопроизвольно возникает порядок, некоторые вполне определенные феномены. Так, если все сильнее нагревать тонкий слой масла, то при некоторой мощности поступающего тепла в масле возникают шестигранные бурлящие ячейки. И это очень необычно, так как «шестигранности» не было ни в источнике, ни в самом нагреваемом масле. Изучение феномена показало, что подобного рода процессы самопроизвольного возникновения порядка весьма распространены и важны. А саму синергетику теперь можно определить, как науку об универсальных закономерностях самоорганизации.

Продолжая наметившуюся тенденцию, со временем самоопределился «**универсальный эволюционизм**»¹². Это исследовательское направление выросло из стремления рассматривать социальные процессы в широком, космическом, эволюционном контексте. В ходе этой работы выяснилось, что в таком масштабном процессе работают универсальные эволюционные закономерности. Так что теперь можно считать, что универсальный эволюционизм — это направление исследований, призванное открывать и изучать универсальные закономерности эволюции.

В данное время список данных, признанных, универсальных, дисциплин этим и исчерпывается. Однако реальная картина такого рода исследований сложнее и масштабнее. Параллельно проведе-

¹¹ См.: Пригожин И. От существующего к возникающему. М.: Наука, гл. ред. физ.-мат. литературы, 1985; Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса. М.: Прогресс, 1986.

¹² См.: О современном статусе идеи глобального эволюционизма. М.: ИФ РАН, 1986; Моисеев Н. Н. Алгоритмы развития. М.: Наука, 1987; Назаретян А. П. Цивилизационные кризисы в контексте универсальной истории. М.: Мир, 2004.

ны или ведутся исследования и других универсальных свойств и закономерностей. Но эти два потока пока никак не связаны и не обогащают друг друга.

К «теневым», пока широко не признанным, исследованиям универсального типа сегодня можно отнести изучение универсальности **колебательных процессов**¹³, универсальности **симметрии**¹⁴, универсальность **экстремальных соотношений**¹⁵ и др.

Все это явным образом свидетельствует о том, что в общенаучной картине мира должна быть явным образом учтена открываемая и фиксируемая исследованиями универсального типа масштабная однородность Мироздания. Кто знает, возможно, продолжение этих исследований со временем приведет к выводу, что Мироздание вообще однородно, но мы пока эту особенность просто еще не изучали систематически или пока не способны осознать и выявить.

Об однородности Мироздания приходится задумываться еще и потому, что в последнее время появляется все больше публикаций о том, что традиционно разводимые по уровню сложности объекты даже одного структурного уровня трудно, а может, и неверно, рассматривать иерархично. Так, отмечается, что «ископаемые находки, обнаруженные учеными в самых разных местах Европы, все явственнее свидетельствуют о необходимости пересмотра сложившихся представлений о неандертальцах — этих традиционно недооцениваемых членах человеческой семьи. ...Мы уверены, что будущие открытия, связанные с жизнью этих древних людей, еще сильнее сократят список анатомических и поведенческих признаков, которые якобы разделяют непреодолимой пропастью неандертальцев и представителей нашего собственного рода. Но у нас с ними гораздо больше общего, чем даже “снилось нашим мудрецам”»¹⁶.

На подобное же изменение взглядов обращает внимание при­матолог Франс де Вааль: «Стремление пощадить человеческую гордыню сдерживает прогресс объективной науки. Мы привыкли думать, что есть единая иерархия живых существ, простирающаяся от самого верха (конечно же, человека) до самого низа (насекомых, моллюсков или я не знаю, кого еще). Но в природе нет иерархии!»

¹³ *Кадоццев Б. Б., Рыдник В. И.* Волны вокруг нас. М.: Знание, 1981; *Герасимова И. А.* На пути к созданию общей теории ритма // Полигнозис. 2011. № 2.

¹⁴ Симметрия, инвариантность, структура (философские очерки). М.: Высшая школа, 1967; Принцип симметрии. М.: Наука, 1978.

¹⁵ *Разумовский О. С.* От конкурирования к альтернативам. Экстремальные принципы и проблема единства научного знания. Н.: Наука, 1983; *Ахлибинский Б. В., Асеев В. А., Шорозов И. М.* Принцип детерминизма в системных отношениях. Л.: ЛГУ, 1984.

¹⁶ *Радович Д., Фрейзер Д.* Почти такие, как люди // В мире науки. 2022. № 4. С. 57.

Природа состоит из множества ветвей, которые тянутся в разные стороны. Иерархия живых существ — лишь иллюзия»¹⁷.

Аналогичным образом теперь поражает и мир растений. Как теперь становится ясно: «Растения могут видеть, слышать, обонять, словом, у них те же чувства, что и у животных»¹⁸.

Соответственно, развитие научного познания в последние десятилетия все более убеждает, что сложившаяся общенаучная картина мира заметно отстала от новых реалий науки и ей предстоит весьма радикальное изменение, связанное с учетом открываемой в последние годы масштабной однородности реальности. Эта перспектива означает также, что нынешние дисциплинарные онтологии также могут измениться весьма радикальным образом и возможно в заметной степени унифицируются. Правда, в рассмотренном, универсалистском контексте становится заметно и то, что для выстраивания некоторых дисциплинарных онтологий может понадобиться их весьма значительное преобразование. Скажем, было выяснено, что в процессе космической эволюции работают два самостоятельных процесса:

- *интеграция*, то есть объединение объектов структурного уровня с образованием объектов эволюционно следующего структурного уровня. Так, интеграционное объединение атомов ведет к образованию молекул. Сами атомы образованы интеграцией элементарных частиц;
- *кооперирование* создающихся новых объектов с образованием их локальных множеств. Так, организмы как принято считать, с одной стороны, порождаются эволюцией, а с другой — образуют локальные множества типа популяции или биоценоза. Это же характерно и для других структурных уровней. Однако с уровнем химических систем есть определенная проблема. Множество химических элементов порождено интеграционным процессом. В то же время их локальными сообществами весьма отчетливо являются минералы и породы, как раз и состоящие из множества химических элементов. В процессе исторически первоначального стихийного деления реальности на отдельные области изучения такое деление происходило в значительной степени случайным образом. Что и проявляется в разведении предметов химии и геологии, хотя, по логике, все это должна была бы изучать одна сводная наука. Кто знает, возможно, со временем это станет важным и будет в той или иной форме сделано.

¹⁷ Вааль Ф. де. Иерархия живых существ — иллюзия // Psychologies. 2017. № 4. С. 72.

¹⁸ Хамовиц Д. Чувственно-зелено // New Scientist. 2012. № 4. С. 41.

Таким образом, получается, что современное научное познание и его основания подошли к порою серьезных перемен. И они, как получается, таковы, что современным дисциплинарным онтологиям также, видимо, придется измениться весьма серьезным образом.

Литература

- Ахлибинский Б. В., Асеев В. А., Шорохов И. М.* Принцип детерминизма в системных отношениях. Л.: ЛГУ, 1984.
- Фон Берталанфи Л.* Общая теория систем — обзор проблем и результатов // Системные исследования. Ежегодник 1969. М.: Наука, 1969. С. 30–54.
- Винер Н.* Кибернетика и общество. М.: Изд-во иностранной литературы, 1968.
- Винер Н.* Кибернетика, или Управление и связь в животном и машине. 2-е изд. М.: Советское радио, 1968.
- Винер Н. Я* — математик. М.: Наука, гл. ред. физ.-мат. литературы, 1964.
- Герасимова И. А.* На пути к созданию общей теории ритма // Полигнозис. 2011. № 2. С. 13–27.
- Дажо Р.* Основы экологии. М.: Прогресс, 1975.
- Исследования по общей теории систем. М.: Прогресс, 1969.
- Кадомыцев Б. Б., Рыдник В. И.* Волны вокруг нас. М.: Знание, 1981.
- Кедров Б. М.* Классификация наук. Т. I: Энгельс и его предшественники. М.: ВПГ и АОН при ЦК КПССС, 1961.
- Малинецкий Г. Г.* Синергетика. Кризис или развитие? // *Майнцер К.* Сложносистемное мышление. М.: Либроком, 2009. С. 6–19.
- Моисеев Н. Н.* Алгоритмы развития. М.: Наука, 1987.
- Назаретян А. П.* Цивилизационные кризисы в контексте универсальной истории. М.: Мир, 2004.
- О современном статусе идеи глобального эволюционизма. М.: ИФ РАН, 1986.
- Петрушенко Л. А.* Самоорганизация материи в свете кибернетики. М.: Наука, 1971.
- Пригожин И.* От существующего к возникающему. М.: Наука, гл. ред. физ.-мат. литературы, 1985.
- Пригожин И., Стенгерс И.* Порядок из хаоса. М.: Прогресс, 1986.
- Радович Д., Фрейзер Д.* Почти такие, как люди // В мире науки. 2022. № 4. С. 52–57.
- Разумовский О. С.* От конкурирования к альтернативам. Экстремальные принципы и проблема единства научного знания. Н.: Наука, 1983.
- Принцип симметрии. М.: Наука, 1978.
- Симметрия, инвариантность, структура (философские очерки). М.: Высшая школа, 1967.
- Вааль Ф. де.* Иерархия живых существ — иллюзия // *Psychologies.* 2017. № 4. С. 70–73.
- Хамовиц Д.* Чувственно — зелено // *New Scientist.* 2012. № 4. С. 40–43.

Фундаментально-онтологический подход к оценке предметных (региональных) онтологий в научном познании

В статье описываются логико-методические предпосылки научного познания, используя которые можно установить, определить *предмет* изучения в той или иной науке. Одной из таких предпосылок, наиболее очевидной, является индуктивный метод эмпирических обобщений. Но применение его может быть эффективным только в том случае, если он подчиняется логическому способу мышления. Классической логики, гарантирующей защиту только от возникновения логических противоречий в рассуждениях по поводу... здесь недостаточно. *Недостаточно* — для проникновения в суть изучаемых вещей. Поэтому предлагается диалектическая логика, созданная на основании фундаментальной онтологии Мартина Хайдеггера, в которой используется операция диалектического отрицания, называемая *привацией*. В этой логике (автор называет ее комплементарно-диалектической) дается синтез экстенционального и интенционального аспектов логического мышления. В ней заключена концепция региональных, или предметных, онтологий, охватываемых фундаментальной онтологией, предметом которой является наделенное временем Бытие вместе с *Ничто*. Ничто есть показатель привации Бытия.

Ключевые слова: фундаментальная онтология, бытие, время, предметность, диалектическая логика.

Leonid G. Antipenko

FUNDAMENTAL-ONTOLOGICAL APPROACH TO THE EVALUATION OF SUBJECT (REGIONAL) ONTOLOGIES IN SCIENTIFIC KNOWLEDGE

The article describes the logical and methodological prerequisites of scientific knowledge, using which you can establish, determine the subject of study in a particular science. One of these premises, the most obvious one, is the inductive method of empirical generalizations. But its application can only be effective if it obeys a logical way of thinking. Classical logic, which only guarantees against the occurrence of logical contradictions in reasoning about... is not enough here. *Not enough* — to penetrate into the essence of the things being studied. Therefore, a dialectical logic is proposed, created on the basis of the fundamental ontology of Martin Heidegger, in which the operation of dialectical negation, called privation, is used. This logic (the author calls it complementary-dialectical) provides a synthesis of the extensional and intensional aspects of logical thinking. It contains the concept of regional, or subject, ontologies, covered by a fundamental ontology, the subject of which is the time-endowed Being together with *Nothing*. Nothing is an indication of the privation of Being.

Keywords: fundamental ontology, being, time, objectivity, dialectical logic.

Как мы могли бы охарактеризовать (определить) предмет той или иной отрасли научного знания, если бы руководствовались только правилами суждений классической логики? «*Determinatio est negation — определение есть отрицание*», — гласит известное правило. В дело вступает процедура классификации всевозможных вещей или явлений действительности, которая позволяет выбрать из них ту или иную совокупность подобных между собой объектов, представляющих интерес для исследователя. *Подобных* — значит, обладающих определенным свойством, которое позволяет отделить те вещи, которые этим свойством обладают, от тех, которые его лишены. В терминах классической логики такая совокупность называется множеством, или классом, когда между входящими в нее элементами устанавливается отношение эквивалентности, то есть отношение симметричное, транзитивное и рефлексивное. Понятие множества сочетает в себе, таким образом, качественную сторону — свойство, по которому свертываются в него рассматриваемые вещи, и количественную — объем (экстенционал) данного понятия.

Есть резон полагать, что созданная на этих основаниях логика выражает *экстенциональный* аспект логической мысли, из-за чего она и называется экстенциональной логикой (А. Тарский). Однако она недостаточно продуктивна из-за того, что отвлекается от *интенционального* аспекта логической мысли. В свое время этот недостаток отмечал П. А. Флоренский (1882–1937). Плохо, по его мнению, то, что всякий индивид, рассматриваемый в экстенциональном аспекте, лишается присущей ему экзистенциальности, выражаемой словами *есть, существует*, ибо он подменяется единичным классом (единичным подклассом рассматриваемого класса). Процедуру перехода от класса к единичному классу Флоренский назвал *состоянием стяжения* (*status contractionis*), при котором всякий индивид, будь то даже человеческая личность, предстает в форме нумерического единства. «Это представление нумерического единства как «стяжения» общей сущности в единичную вещь, — пишет он, — выпукло проявляет всю суть вещной философии, для которой нумерическое тождество есть равенство единичных классов, а индивид отождествляется со своим единичным классом. Стоит только — по этому воззрению — достаточно сузить (“стянуть”) объем класса, чтобы получить единичный класс, т. е. индивид, каковой и есть ничто иное, как *status contractionis* общего понятия»¹.

¹ Флоренский П. А. Столп и утверждение Истины (II). М.: Правда, 1990. С. 518.

В вещной философии, базирующейся на основаниях экстенциональной логики, индивидуальная человеческая личность предстает как человек-предикат, независимо от того, как много свойств включается в этот предикат, будь их даже бесконечное количество. Флоренский искал способ выйти из замкнутого круга экстенциональной логики. Хотя он не использовал термин *интенционал*, но его поиски, оставшиеся незавершенными, шли в направлении к установлению интенционального аспекта логического мышления, о чем можно судить по тексту принадлежащей ему статьи².

То, что не удалось сделать Флоренскому, сделал Мартин Хайдеггер (1889—1976). Хайдеггер заявил, апеллируя *ad hominem*, что всякое высказывание «объект *x* есть, существует» имеет смысл лишь в том случае, если он конечен — конечен во временном измерении. В таком случае индивид, отождествляемый с единичным классом, выпадает из закрепощения, налагаемого экстенциональной логикой. Время, по Хайдеггеру, есть истина бытия всякого сущего³. И хотя только человек есть то сущее, которое существует способом экзистенции, но это не значит, «что только человек оказывается действительно сущим, а все прочее недействительно...»⁴. Все прочие виды сущего, как и человек, конечны во времени. Это следует из следующего высказывания автора: «Если время каким-то еще потаенным образом принадлежит к истине бытия, то всякое понимание бытия, бросающего себя [из потаенности] в открытость истины бытия, должно заглядывать во время как возможный горизонт понимания бытия»⁵.

Горизонт понимания бытия есть горизонт всякого конкретного бытия, его конечность. Но эта конечность вовсе не означает, что за горизонтом ничего нет. Вопрос о том, что в принципе мы можем найти за горизонтом, решается посредством операции диалектического отрицания, именуемой *привацией*. Хайдеггер дает определение: «Если мы нечто отрицаем так, что не просто исключаем, а, скорее, фиксируем в смысле недостачи, то такое отрицание называют *привацией* (*Privation*)»⁶. Знакомство с привацией открывает возможность применить ее к экстенциональной логике с тем, чтобы дополнить ее интенциональным аспектом логического мышле-

² Священник Павел Флоренский. Смысл идеализма. Сергиев Посад, 1914

³ Хайдеггер М. Цолликоновские семинары. Вильнюс: Европейский гуманитарный ун-т, 2012. С. 32.

⁴ Там же.

⁵ Там же. С. 33.

⁶ Там же. С.86

ния. В булевой алгебре классической логики находится показатель недостатка экстенциональной логики. Он представлен пустым классом, который является аналогом хайдеггеровского *Ничто* в сочетании *Бытия с Ничто*. В математической теории множеств аналогом *Ничто* выступает пустое множество, о чем подробнее говорится в работе Л. Г. Антипенко «Проблема неполноты математической теории онтологические предпосылки ее решения»⁷. Здесь же нам важно указать, что в пределе привагия предстает в качестве формально-логического отрицания, в результате чего возникают антиномии (контрадикторные противоположности) по типу известной антиномии Рассела, выражаемой в виде суждения: множество всех нормальных множеств нормально и ненормально.

Логические антиномии, совпадающие по форме с логическими противоречиями, отличаются от последних тем, что они выводятся с соблюдением всех законов и правил классической логики. Они находят место в паранепротивочивой, трехвалентной, логике Н. А. Васильева, в которой закон исключенного третьего заменяется законом исключенного четвертого, что приводит к выбору одного из трех положений — (p) , $(\text{не-}p)$, $(p \text{ и не-}p)$ — с учетом принципа абсолютного различия между истиной и ложью⁸.

Теперь мы имеем возможность эксплицировать концепцию экстенционального и интенционального аспектов логического мышления. В справочниках по логике отмечается, что интенционал и экстенционал суть две парные категории семантики, обозначающие смысл и значение языкового выражения. *Интенционал* есть термин, обозначающий содержание слова-понятия, то есть совокупность мыслимых признаков объекта, охватываемых данным понятием. *Экстенционал* есть термин, обозначающий объем слова-понятия, то есть совокупность объектов, охватываемых данным понятием. Термин *интенционал* происходит от лат. *intentio* (стремление, намерение, усилие); термин экстенционал — от *extensio* (протяжение, расширение). В математике принято считать, что, какие бы выкладки ни производились с привлечением понятия о свойстве, все они могут быть выполнены с не меньшим успехом посредством обращения к понятию класса всех объектов, обладающих этим свойством. Поэтому интенциональный аспект в математической логике ускользал от внимания большинства специалистов в этой области. С нашей же точки зрения, *intentio*, как стремление, усилие, нахо-

⁷ Антипенко Л. Г. Проблема неполноты математической теории онтологические предпосылки ее решения. М.: ЛЕНАНД, 2022.

⁸ Васильев Н. А. Воображаемая логика. Избранные труды. М.: Наука, 1989.

дит выражение в привации. Когда устанавливается определенный порядок в рационально мыслимых положениях, отображающих действительность, то в них обнаруживается недостача содержания вместе со стремлением ее устранить. Хайдеггер, обсуждая феномен привации и демонстрируя его на конкретных примерах, отмечал, что феномен этот является онтологическим, то есть касающимся *возможности бытия*, «а не просто логического аспекта отрицательного высказывания»⁹. В физико-математической терминологии связь экстенционала с интенционалом можно выразить как связь *состояния* (покой) с *математическим ожиданием* (динамика).

Посредством синтеза экстенционального и интенционального аспектов логического мышления создается онтологическая, или комплементарно-диалектическая, логика. Ее отправным началом (ориентацией) служит время. Хайдеггер приложил немало усилий к тому, чтобы разъяснить читателю, как надо понимать результат привации времени. В частности, он затрагивает вопрос о том, как судят о времени, обращаясь к часам. При установлении времени посредством часов, как и вообще при всяких временных данных, пишет Хайдеггер, мы хотя и обращаемся ко времени, однако самого времени при этом не усматриваем. Если мы хотим знать, что есть само время, то отношение ко времени, заложенное в различных временных данных, не может нам помочь. Нам следует, скорее, спросить, откуда берутся относящиеся к нему словосочетания типа «сейчас», «только что» и «вскоре». «Этот вопрос, как и потенциальный ответ на него, возможен лишь потому, что время у нас уже есть, точнее сказать, потому, что для нас время уже правит (*waltet*), исходя из настоящего, прошлого и будущего. Ибо я всегда могу взять нечто лишь в случае, если оно мне даваемо (*geb-bar*). И это даваемое — уже всегда *творящее*»¹⁰. А во всех количественных определениях времени, осуществляемых при считывании показаний часов, нам всегда дано лишь «сколько» времени.

Более того, когда мы говорим, пишет он далее, «у меня есть время» или «у меня нет времени», всегда подразумевается, что имеется в виду «время для чего-то». Даже если это «для чего» еще не определено, эта отсылка к времени служит указанием на какое-то действие или событие, размещенное во времени. «А потому эту характеристику времени — то, что оно всегда есть время для чего-то, — мы называем *указательностью* (*Deutsamkeit*). Указатель-

⁹ Хайдеггер М. Указ. соч.

¹⁰ Там же. С. 80.

ность как характеристика времени свойственна самому времени»¹¹. В высказываниях античных греков эта указательность, отмечает автор, всегда молчаливо подразумевалась, «что, однако, во всех более поздних теориях времени осталось скрытым за аристотелевским учением о времени как о последовательности “сейчас”»¹².

В итоге своих временных размышлений Хайдеггер и дает понять, как выглядит данная привация. Высказывание «у меня нет времени» есть отрицание, и все же, по его словам, не есть отрицание в обычном смысле¹³. Под этим высказыванием скрывается указание на мысль о наличии двух тенденций в течении времени — течения прямого и течения обратного, что видно из следующих разъяснений. Все три измерения времени — прошлое, настоящее, будущее — равнозначальны, ибо ни одного из них нет без других, все три для нас *равнозначально* открыты, однако они открыты не *равномерно*. «То одно измерение становится для нас определяющим, то другое — мы вовлекаемся в какое-то из них и даже, возможно, оказываемся у него в плену. Но при этом два других измерения ни в коем случае не исчезают, а только модифицируются. Другие измерения подвергаются не просто отрицанию, а привации»¹⁴. Прошлое в какой-то мере существует именно потому, что время наделено способностью течь не только в прямом, но и в обратном направлении.

Итак, мы оперируем понятием предметных онтологий с целью показать, как фундаментальная онтология позволяет онтологически опредметить какой-то круг подлежащих изучению явлений действительности, превратить их в предмет исследований той или иной науки. *Онтологически опредметить* — значит установить логический контроль над психологической стороной восприятия явлений, в которые могут поневоле включаться иллюзии и галлюцинации субъекта. Решение этой задачи относится к логическим средствам. Постановку задачи в явном виде впервые сформулировал в 1909 г. Э. Г. Гуссерль (1859—1938)¹⁵.

Выступая против психологической интерпретации логики, считая ее нормативной, упорядоченной формой научных рассуждений, Гуссерль утверждал, что психологические логики не замечают

¹¹ Там же. С. 81—82.

¹² Там же. С. 82.

¹³ Там же. С. 86.

¹⁴ Там же. С. 89.

¹⁵ Гуссерль Э. Логические исследования. Часть 1: Прологомены к чистой логике. СПб., 1909.

глубоко существенных, на-веки неизгладимых, различий между идеальным и реальным (эмпирическим. — Л. А.) законом, между нормирующим и причинным регулированием, между логической и реальной необходимостью. «Никакая мыслимая градация, — писал он, — не может составить переход между идеальным и реальным»¹⁶. Разъясняя, что значит отсутствие такого перехода, он обращает внимание на следующее обстоятельство. Есть объективная связь, идеально проникающая все научное мышление и придающая ему, а тем самым и науке как таковой, «единство». Единство это может быть понято двояко: как *связь вещей*, к которым намеренно (intentional) относятся переживания мышления (действительные или возможные), и, с другой стороны, как *связь истин*, в которой вещное единство приобретает объективную обязательность в качестве того, что оно есть. Хотя обе связи даются (существуют) совместно, но это не значит, что они совпадают. Неразлучность связи вещей и связи истин «не есть [их] тождественность»¹⁷. Истины, относящиеся к истинам, не совпадают с истинами, относящимися к вещам, установленным в истинах¹⁸. Логику связи истин Гуссерль относит, пользуясь терминологией Гегеля, к «бытию в себе»¹⁹.

Комментируя логическую установку Гуссерля, С. Франк писал, что Гуссерль стоит на точке зрения, которую можно было бы назвать идеалистическим объективизмом. Он проводит резкую и ясную границу между объективным идеально-логическим *содержанием* мышления и субъективным реально-психологическим *процессом* мышления. На почве этого разграничения он решительно отвергает все попытки перенести на содержание мышления или познания субъективистические или психологические категории, применимые к процессу мышления и заимствованные из рассмотрения последнего. «Эта позиция находится в двойственном отношении к идеям Канта и к современным философским учениям, отразившим влияние Канта»²⁰.

Впоследствии Гуссерль разработал концепцию *интенциональности*, которая, коротко говоря, означает невозможность наличия сознания в состоянии покоя, когда оно не направлено на какой-то определенный предмет извне. Подробное изложение и критику

¹⁶ Там же. С. 58

¹⁷ Там же. С. 200.

¹⁸ Там же. С. 201.

¹⁹ Там же. С. 200.

²⁰ Там же. С. VIII–IX.

данной концепции можно найти в книге²¹. Для нас же важно обратить внимание на то обстоятельство, что Гуссерль, обращаясь к классической логике со своей интенцией, пытался дополнить экстенциональный аспект логического мышления интенциональным аспектом, но безуспешно. Оставалось, в частности, непонятным, чем отличается интенция, направленная, скажем, на материальный объект, изучаемый физикой, и на идеальный объект, изучаемый математикой. *Intentio* как стремление, усилие не получило у него динамического выражения. Эту динамику в логику привнесла хайдеггеровская фундаментальная онтология, сконцентрированная на времени. Хайдеггер отмечал, что указательность как характеристика, свойственная времени, «не имеет ничего общего с “интенциональностью” в смысле акта Я-субъекта, то есть человеческого отношения к чему-то, человеческой направленности на... — акта, который впервые прибавляет ко времени что-то, благодаря чему оно относится к чему-то другому. Указательность принадлежит самому времени, а не некоторому субъективному “я направлен на...”»²².

При всех пробелах представленной здесь нами аргументации, относящейся к предметным онтологиям, хотелось бы надеяться, что читатель в общем поймет, как и почему фундаментальная онтология Хайдеггера служит основанием для формирования (*комплементарно*) диалектической логики (синтез экстенционального и интенционального аспектов логического мышления). И почему формируемая таким образом логика позволяет определиться с предметом всякой частной науки, возведенной на теоретический уровень. В этом ракурсе предметом самой фундаментальной онтологии становится наделенное временем *Бытие*. С Бытия и сущего (*Sein und Seiende*) берет свое начало идея приваации. Хайдеггер сообщает, что для того, чтобы прийти к идее приваации, греческим философам понадобилось двести лет. «Только Платон в диалоге “Софист” впервые обнаружил и рассмотрел отрицание как приваацию. Это происходит в связи с усмотрением того, что не всякое не-сущее просто не есть, что, напротив, есть такое не-сущее, которое как раз определенным образом *есть*»²³. Это не-сущее представлено в фундаментальной онтологии словом — *Ничто*. Ничто — интенция к Богу.

²¹ *Harney M. J.* Intentionality, Sence and the Mind. The Hague. Boston, 1984.

²² *Хайдеггер М.* Указ. соч. С. 82.

²³ Там же. С. 87.

Литература

Антипенко Л. Г. Проблема неполноты математической теории и онтологические предпосылки ее решения. М.: ЛЕНАНД, 2022.

Васильев Н. А. Воображаемая логика. Избранные труды. М.: Наука, 1989.

Гуссерль Э. Логические исследования. Ч. 1: Прологомены к чистой логике. СПб., 1909.

Священник Павел Флоренский. Смысл идеализма. Сергиев Посад, 1914.

Флоренский П. А. Столп и утверждение Истины (II). М.: Правда, 1990.

Хайдеггер М. Цолликоновские семинары. Вильнюс: Европейский гуманитарный ун-т, 2012.

Harney M. Intentionality, Sence and the Mind. The Hague. Boston, 1984.

От «региональной онтологии» и дисциплинарной структуры науки к междисциплинарной коммуникации и «человеческой размерности» научного познания

В статье предпринята попытка ответить на вопрос, почему Э. Гуссерль к концу 1920-х гг. отказался от концепции региональных онтологий, которую он разрабатывал на протяжении длительного времени. Это могло быть связано с бурным ростом междисциплинарных исследований, охвативших естествознание, общественные науки и науки о человеке в 1910–1920-е гг. В связи с этим описывается история возникновения междисциплинарных исследований начиная с последней трети XVIII в., которая в конце концов привела: 1) к нарастанию роли проблемного подхода к научной деятельности и перемещению на второй план предметного подхода; 2) к возрождению синтетического метода исследований, который стал конкурировать с аналитическим и даже начал в 1920-е гг. отвоевывать у него лидирующие позиции в науке; 3) к стиранию границ между региональными онтологиями, что способствовало в дальнейшем созданию концепции человеческой размерности М. К. Петрова, основанной на проблемном подходе. В статье большое внимание уделено отечественным идеям в области междисциплинарных исследований в науке первой половины XX в.

Ключевые слова: Гуссерль, региональные онтологии, научная дисциплина, дисциплинарная структура науки, междисциплинарные исследования, проблемный подход, анализ и синтез, человеческая размерность.

Sergey M. Malkov

FROM “THE REGIONAL ONTOLOGY” AND THE DISCIPLINARY STRUCTURE OF SCIENCE TO INTERDISCIPLINARY COMMUNICATION AND THE “HUMAN DIMENSION” OF SCIENTIFIC COGNITION

The article attempts to answer the question why E. Husserl abandoned the concept of regional ontologies by the end of the 1920s, which he had been developing for a long time. This could be due to the rapid growth of interdisciplinary research that covered natural sciences, social sciences and human sciences in the 1910s and 1920s. In this regard, the history of the emergence of interdisciplinary research since the last third of the 19th century is described, which eventually led to: 1) to the increasing role of the problem approach to scientific activity and the transition to the background of the subject approach; 2) to the revival of the synthetic research method, which began to compete with the analytical one and even began to win leading positions in science from it in the 1920s; 3) to the blurring of boundaries between regional ontologies, which contributed further creation of the concept of human dimension M. K. Petrov, based on a problem-based approach. The article pays great attention to domestic ideas in the field of interdisciplinary research in science of the first half of the twentieth century.

Keywords: Husserl, regional ontologies, scientific discipline, disciplinary structure of science, interdisciplinary research, problem approach, analysis and synthesis, human dimension.

Одним из примечательных методологических результатов феноменологических исследований Эдмунда Гуссерля явилась концепция *региональных онтологий*. Она касалась проблем выявления и последующего разграничения по *типам предметностей* различных областей мира в целом — неких «бытийных регионов», к каждому из которых проявляет познавательный интерес соответствующая специальная наука. Региональным онтологиям, согласно Гуссерлю, противостоит *общая (или универсальная) онтология*, включающая в себя весь предметный мир как единую систему, бытие в целом.

Деление наук по предмету исследования на специальные и общие не нова. Она имеет длительную историю и своими истоками восходит к античности, а именно — к Аристотелю. Последний полагал, что специальные науки «имеют дело с тем или другим <специальным> бытием, и, отведя себе какую-нибудь <отдельную> область, они занимаются этой областью, а не сущим просто и как таким». Рассмотрение же «сущего как такого», по Стагиристу, — удел «первой философии», которая «является всеобщей в том смысле, что она первая»¹.

Разработка концепции региональных онтологий была начата Гуссерлем в середине 1900-х гг., однако к концу 1920-х полностью прекратилась. В связи с этим возникает вопрос: почему философ остановил дальнейшее развитие этой концепции? Для ответа на него, на наш взгляд, недостаточно обращаться лишь к анализу текстов философа, констатируя переключение его интереса на проблематику жизненного мира, которую он особенно интенсивно разрабатывал позднее — в 1930-е гг. Необходимо также сконцентрировать внимание на внешнем фоне как контексте, в котором философ формулировал свои идеи и который безусловно влиял на их судьбы. При этом под внешним фоном мы имеем в виду здесь процесс развития науки вообще и методологии научного познания в частности.

Дело в том, что в 1910–1920-е гг. в науке довольно четко обозначилась достаточно важная методологическая перемена, оказавшая на значительную часть исследований огромное влияние и связанная в первую очередь с выдвиганием на передний план *междисциплинарных исследований* и постепенным переключением внимания ученых с *предметного* подхода на *проблемный*.

¹ Аристотель. Метафизика / Пер. и примеч. А. В. Кубицкого. М.: Соцэкгиз, 1934. С. 107, 108.

Заметим, что термин «междисциплинарные исследования» в английском научном языке стал более-менее активно употребляться только после Второй мировой войны, а в отечественную методологию проник лишь в 1960-е гг. благодаря переводам западных работ по общей теории систем. Чуть позднее — в 1979 г. — в США была основана *Ассоциация междисциплинарных исследований* (The Association for Interdisciplinary Studies).

Сегодня проблемный подход базируется на уяснении того факта, что ученые занимаются не столько удовлетворением своего любопытства за государственный счет, сколько решением социально значимых проблем, причем как простых, так и сложных, как локальных (региональных), так и глобальных (общечеловеческих)². Окончательно он утвердился лишь во второй половине XX в. благодаря трудам представителей постпозитивистской методологии, а также исследованиям ряда отечественных методологов научного познания. Однако указанная методологическая перемена возникла не вдруг. Перед тем как обнажиться к началу 1930-х гг., она исподволь подготавливалась довольно долго. Так, истоки возникновения и становления феномена междисциплинарности восходят к событиям конца XVIII — начала XIX в. — периоду, который можно по праву назвать *дисциплинарной революцией*, связанной с возникновением целого ряда новых наук. Однако, прежде чем начать разговор об этом периоде, сделаем небольшой исторический экскурс и выясним, что такое дисциплина и дисциплинарная структура науки.

* * *

От слова «дисциплина» веет ароматом принудительной социальной муштры, поскольку оно подразумевает необходимость подчиняться неким установленным правилам. Находясь в общественном месте, люди должны соблюдать дисциплину, то есть вести себя так, как этого требуют моральные предписания и нормы закона. Не секрет, что дисциплина используется в *учебных заведениях* в воспитательных целях, в том числе и для дисциплинирования ума. И здесь мы подходим к практике использования этого термина в средневековых европейских университетах. Остановимся на этом подробнее.

В схоластической традиции некое *учение* (doctrina) выступает для доктора-учителя (doctor) в качестве *догмы* (dogma), то есть положе-

² Так, из отечественных философов анализу глобальных проблем современности как антропологической проблематике значительное место в своих исследованиях уделял академик И. Т. Фролов (1929–1999).

ния, которое принимается за истину с полным доверием и не нуждается более ни в каких доказательствах. Само слово «догма» греческого происхождения, однако в I в. до н. э. оно перешло в латынь (в частности, им пользовался Цицерон, который скорее всего и осуществил заимствование). При этом для *учеников* та же самая доктрина выступает в качестве догмы-in-potentia, то есть такого положения, которое еще надо осмыслить, принять в себя, погасить все возникающие вопросы и сомнения в его истинности. Лишь тогда совершится цель учебного процесса, и доктрина в окрепших умах учеников превратится в догму. Однако для успешности такого восхождения необходима особая дисциплина ума. Собственно говоря, сам дисциплинарный процесс (от лат. *disciplina* — ‘учеба’, ‘обучение’, ‘образование’) — это и есть приведение в порядок своих мыслей, превращение за время учебы доктрины в догму. Поскольку дисциплин в образовательной системе много и все они носят организованный, системный характер, формируется со временем *дисциплинарная структура науки*, которая затем передается *mutatis mutandis* — с соответствующими изменениями — из поколения в поколение. Так, в схоластических университетах в образовательную практику непременно включался «тривиум — квадривиум» — набор дисциплин, который учащийся должен был усвоить в первую очередь. Причем этот набор носил довольно сложный иерархически организованный характер, и его целью было подвести учащегося к переходу на более высокий уровень, где ему предстояло освоение *теологии*.

Трещины в традиционной дисциплинарной структуре науки начали ощутимо проявляться в XVII–XVIII вв. и всюду обнажились на рубеже XVIII–XIX вв., что способствовало возникновению дисциплинарной революции. Последняя в основном была связана с четырьмя событиями, оказавшими существенное влияние на дальнейшее развитие методологии науки. Во-первых, это отказ европейских университетов от методик классического христианского образования в связи с секуляризацией научного познания, превратившей в конце концов Бога в ненужную гипотезу, и возникновением в Европе первых инженерных учебных заведений в связи с развитием промышленной революции. Во-вторых, это крах натурфилософии с последующим высвобождением из-под ее опеки специальных наук и превращением их в самостоятельно развивающиеся научные дисциплины. Речь идет о крушении гегелевской концепции *абсолютного идеализма* и возникновении на ее обломках нового течения, получившего название позитивизм.

На данный процесс безусловно наложил свой благотворный отпечаток дух Великой французской революции, ознаменовавшей падение *абсолютизма* в государственном управлении. В-третьих — это возникновение новых, независимых от натурфилософии наук, таких как: *химия*, благодаря «Великой химической революции», осуществленной А. Лавуазье; *биология*, одним из отцов-основателей которой стал Ж.-Б. Ламарк; *социология* (О. Конт). Несколько позднее как о самостоятельной *экспериментальной* науке заявила о себе и *психология*. Наконец, в-четвертых, это возникновение феномена междисциплинарных исследований. Эти исследования на протяжении всего XIX в. медленно, но последовательно развивались и к концу 1920-х гг. стали неотъемлемой частью передовых научных изысканий. Здесь мы остановимся лишь на этом четвертом феномене и посмотрим, как происходило его становление и развитие в истории науки. Проследим его на примере *общественных наук, естествознания и науки о человеке*, причем истоки последней науки, как мы увидим, опять-таки отсылают нас к последней трети XVIII в. Заметим, что на сегодняшний день история становления междисциплинарных исследовательских программ, к сожалению, малоизучена.

* * *

Вначале оговоримся: мы будем рассматривать возникновение междисциплинарных исследований исключительно в коммуникативной среде *частных* наук, оставив в стороне логико-математические науки. Дело в том, что математизация астрономии, физики и ряда других дисциплин — явление, имеющее за плечами гораздо более длительную историю, корнями уходящую в античность.

В связи с этим, на наш взгляд, заслуживает особого внимания мнение И. И. Мюрберг о том, что исторически первым направлением, с которым связано зарождение междисциплинарных исследований, можно считать *политическую экономию*, возникшую на стыке двух наук — политики и экономики. По словам исследовательницы, «ее появление в мире европейской науки можно считать начальной точкой истории междисциплинарных практик»³. Этот термин возник еще в XVII в. и связан с публикацией сочинения французского экономиста А. Монкретьена «Трактат о политической экономии» (1615). Однако как особое направление познава-

³ Мюрберг И. И. О роли принципа междисциплинарности в контексте морально-идеологического самосознания современного общества // Человек и его время: Проблемы междисциплинарности социальных и гуманитарных наук. М.: Изд-во «Культурная революция», 2021. С. 245.

тельной деятельности политическая экономия появилась позднее. Основная идея, которой руководствовалась эта новая область исследований, заключалась в том, чтобы распространить практику управления отдельными домашними хозяйствами на сферу государственного регулирования. Политэкономия базировалась на утилитаристской идеологии, в частности на идее, что такое управление должно руководствоваться желанием достичь наибольшей общественной пользы и социального благополучия. Для осуществления этой цели необходимо заблаговременно выявлять и купировать различного рода негативные тенденции и поощрять тенденции позитивные. Здесь мы фактически встречаемся с первым междисциплинарным проектом в области социальной инженерии — идеей вмешательства государственных институтов в естественноисторический ход событий с целью повлиять на будущее человечества, то есть направить развитие общества в сторону достижения максимального благополучия.

Несмотря на то что сам термин зародился во Франции, политическая экономия в указанном выше понимании возникла в Англии на рубеже XVIII–XIX вв., где ее представителем стал Томас Мальтус, впервые в истории удостоившийся звания профессора политической экономии в 1805 г. за свой труд «Теория народонаселения с точки зрения ее влияния на благосостояние населения». В нем со всей остротой был поставлен вопрос о необходимости ограничения неконтролируемой рождаемости в обществе.

Как отмечает И. И. Мюрберг, «объектом позднейшей критики мальтузианства (известнейшим для нас представителем критического неприятия мальтузианства в целом был В. И. Ленин) стал лишь один из представленных — наиболее одиозных — вариантов решения проблемы, предусматривавший ограничение зарплат для необразованных категорий наемных работников». Однако английский ученый предложил и другой путь выхода из сложившейся ситуации. Согласно ему, «проблема неконтролируемой рождаемости обусловлена нечеловеческими условиями существования, которые лишают представителей низших сословий цивилизационного импульса ограничения плотских желаний и культивирования возвышенных»⁴. Другими словами, для ограничения рождаемости в обществе необходимо создавать *человеческие условия существования* для представителей этих сословий. И озаботиться решением данной проблемы должно *государство*.

⁴ Там же. С. 249.

Первый вариант решения, представленный Мальтусом, не мог не вызвать волну критики, в которой были затронуты фундаментальные этические вопросы. Среди писателей XIX в. наиболее ярко их выразил Достоевский, заявив о невозможности построить общество всеобщего благоденствия и процветания ценой слезинки невинного ребенка. Несомненно, под этот аргумент подпадает идея урезания зарплаты как способа регулирования численности народонаселения. Поэтому Ленин в своей критике был совсем не одинок и уж точно не был первопроходцем. Второй же вариант решения, предложенный Мальтусом, апеллирует не только к утилитаристским, но и к *гуманистическим* принципам. Вопрос лишь в том, насколько буржуазное государство того времени в состоянии было решить указанную проблему подобным способом. В сложившихся обстоятельствах данный вариант скорее напоминал благое пожелание, нежели реалистичную программу. Поэтому нам представляется, что оба подхода, если рассматривать их с точки зрения практической применимости, вызывают массу возражений. Не исключено, что именно из-за этого в Англии к концу XIX в. политическая экономия как особое междисциплинарное направление исследований практически прекратила существование. Она распалась, и ей на смену пришла экономическая наука (Economics).

* * *

Междисциплинарные исследования в области естественных наук возникли несколько позднее, нежели в «науках о духе», поскольку изначально были связаны с использованием экспериментального метода. Такие исследования оказались гораздо более сложными и трудоемкими, по сравнению со спекулятивными дебатами в английской политэкономии. На наш взгляд, междисциплинарность впервые пришла в науки о природе в 1860-е гг. и была связана с открытием *метода спектрального анализа*, благодаря пионерским работам Густава Кирхгофа и Роберта Бунзена и первым попыткам применить его к изучению химического состава небесных тел. Поначалу учеными было установлено химическое родство земли и неба. Оказалось, что звезды состоят из тех же химических элементов, что и наша планета. Однако в 1868 г. произошло совсем удивительное событие — француз Ж. Жансен и англичанин Дж. Н. Локьер, используя метод спектрального анализа, обнаружили на Солнце новый химический элемент, к тому времени еще не выявленный на нашей планете. Он был назван в честь бога Солнца — гелий.

Тогда возникла парадоксальная ситуация, связанная с невозможностью наглядно представить научной общественности новый химический элемент, описать его физические и химические свойства, а также продемонстрировать способ получения, как это делалось раньше. Например, за сорок лет до того, в 1825 г. был абсолютно неожиданно открыт новый химический элемент. Он был выделен в чистом виде, и сделал это человек, который на тот момент даже не являлся ученым, а всего лишь лаборантом. Однако в пользу признания открытия сработало то, что представители научной общественности смогли во время презентации это новое вещество увидеть в пробирке и даже понюхать (как выяснилось, оно обладало довольно неприятным запахом, почему и получило название «бром»). В результате, открытие было признано состоявшимся.

Однако как можно наглядно представить экспертному сообществу новый химический элемент, если он обнаружен на Солнце? И что именно в таком случае следует представлять? Результаты спектрального анализа? Но ведь ясно, что они не могут заменить сам гелий. Парадоксальная ситуация разрешилась лишь в 1895 г., когда английскому химику У. Рамзаю удалось обнаружить гелий на нашей планете, где он присутствует в незначительных количествах и образуется в результате распада урана.

Кроме того, в 1860-е гг. методом спектрального анализа было обнаружено, что газы содержатся не только в составе звезд, но и в межзвездном пространстве. В результате всего этого в науке на стыке астрономии и химии возникло новое междисциплинарное направление исследований, получившее название *астрохимия*⁵, которое со временем вошло в состав *космохимии*.

Однако это было только начало, и дальнейшее развитие междисциплинарных исследований в естествознании стало неудержимо захватывать все новые и новые дисциплины. К первой трети XX в. оно превратилось в весомое направление, которое уже невозможно было не замечать. У нас в стране в данном исследовательском поле наиболее активно работал выдающийся натуралист В. И. Вернадский, который создал новое фундаментальное междисциплинарное направление, получившее название *геохимия*. Позднее, в октябре 1928 г. он основал биогеохимическую лабораторию (биогел), которая начала выпускать на регулярной основе научные сборники под общим серийным названием «Труды биогеохимической лаборатории».

⁵ О возникновении и развитии астрохимии см., например: *Вибе Д. З.* Химия в космосе // *Химия и жизнь*. 2014. № 2. С. 2–6; *Вибе Д. З., Столяров А. В.* Успехи и перспективы лабораторной астрохимии // *Земля и вселенная*. 2021. № 2. С. 19–29.

Перейдем теперь к истории возникновения междисциплинарных исследований в *антропологии* — науке о человеке, которая первоначально зарождалась по большей части как синтетический проект. По задумке, она должна была ориентироваться в огромном исследовательском поле и осуществлять синтез результатов не одних только научных достижений. Не секрет, что помимо науки познанием человека занимаются также литература и искусство, и их ценный опыт непременно должен быть интегрирован в общий антропологический массив знаний.

По-видимому, отцом-основателем этого нового направления следует считать К.-А. Гельвеция, который и ввел в обращение термин «наука о человеке» в своем сочинении «О человеке» (1773). Философ утверждал, что «наука о человеке, взятая во всей своей широте, необъятна; изучение ее — дело долгое и трудное. Человек есть модель, выставленная для обозрения ее различными художниками: каждый рассматривает некоторые стороны ее, никто еще не охватил ее в целом»⁶. Именно такую задачу целостного охвата сложнейшего объекта исследований мыслитель и ставил перед наукой о человеке. Полагая, что эта наука, понимаемая в указанном широком смысле, является «необъятной» и одному человеку не под силу ее полностью реализовать, он в основном сосредоточился на рассмотрении проблем усовершенствования воспитания и общественных законов (поскольку, согласно Гельвецию, наука о человеке является частью науки о государственном управлении).

В XIX в. эта наука из-за своей необъятности, едва зародившись, начала распадаться на множество самостоятельных направлений. Здесь следует упомянуть исследования на основе биологических эволюционных теорий, касающиеся происхождения человека, социальную антропологию (этнографию), экспериментальную психологию и ряд других. Кроме того, в XIX столетии, в первую очередь во Франции, была подхвачена и получила стимул к развитию идея изучения человека средствами художественного творчества, особенно художественной литературы. В частности, многие писатели, исследуя общество и поведение в нем человека, опирались на метафору «зеркального отражения» для описания происходящих событий, которая впервые сформулирована Стендалем в романе «Красное и черное» и была направлена в первую очередь против романтизма. «Роман, — писал Стендаль, — это зеркало, с кото-

⁶ Гельвеций К.-А. О человеке // Гельвеций К.-А. Соч. В 2 т. М.: Мысль, 1974. Т. 2. С. 15.

рым идешь по большой дороге. То он отражает лазурь небосвода, то грязные лужи и ухабы. Идет человек, взвалив на себя это зеркало, а вы этого человека обвиняете в безнравственности!»⁷ Наиболее последовательно принцип зеркального отражения реализовывался в таком литературном направлении, как натурализм (Э. Золя, Ги де Мопассан и др.). Отголоски данной метафоры, разумеется, проникали и в нашу страну, причем не только в область художественного творчества, где ярким примером служили романы П. Д. Боборыкина. Так, В. И. Ленин использовал ее в политических и философских целях. В частности, он называл Л. Н. Толстого «зеркалом русской революции» (1908), был близок к использованию идеи зеркального отражения для описания процесса научного познания в «Материализме и эмпириокритицизме» (1909). Можно сказать, что Ленин в какой-то степени пытался использовать тот самый синтетический подход, который когда-то провозгласил Гельвеций применительно к человеку, в своих политических и философских целях. Точнее, в стремлении познавать и преобразовывать окружающий мир и людей. Недаром роман Н. Г. Чернышевского «Что делать?» еще в юности стал его настольной книгой.

В 1920-е гг. мировой центр наук о человеке переместился в СССР, где начала подготовку к практической реализации идея формирования *нового человека*. Под ним имелся в виду человек новой *коммунистической* формации. Глубинные истоки идеи нового человека, зачатые совсем в другое время и на иной почве, восходят к Новому Завету и носят сугубо религиозный характер. Именно там появляется первый призыв к человеку совершить внутреннюю трансформацию, «отложить прежний образ жизни ветхого человека, истлевающего в обольстительных похотях, <...> и облечься в нового человека, созданного по Богу в праведности и святости» (Еф. 4:22–24). Неудивительно, что эту идею поддерживали и развивали некоторые русские религиозные философы в первой половине XX в. Например, И. А. Ильин в предисловии к своему труду «Взгляд в даль: книга размышлений и упований», озаглавленном «О новом человеке», писал, что такой человек явится для всех людей своеобразным проводником на пути к выходу из духовного кризиса, поразившего нашу эпоху, поскольку способен «нащупать верные пути обновления». «Обретя <...> Бога, [новый человек] примирится со своей совестью и начнет творить новую культуру —

⁷ Стендаль. Красное и черное // Стендаль. Собр. соч. В 12 т. М.: Правда, 1978. Т. 1. С. 414.

новую веру, новую науку, новое искусство, новое право и новую социальность»⁸. Работа Ильина была написана в 1945 г., однако схожие мысли высказывались философом и раньше.

Однако идея нового человека, как мы уже сказали, находит поддержку и развитие в первую очередь внутри страны. После революции происходит пробуждение огромного интереса к изучению человека. Эти исследования обуславливались практическими соображениями и должны были осуществляться строго на научных основах. Причем, в отличие от Ильина, в СССР первоначально речь шла в основном о его физиологическом преобразении. Так, в стране Советов в 1920-е гг. начинает активно развиваться *евгеническое движение*. Примечательно здесь суждение Н. К. Кольцова, касающееся целей и задач евгенической практики по выведению новой, улучшенной породы людей мирового коммунистического завтра. Вначале он так формулирует проблему, стоящую перед молодым советским обществом: «Каков тот тип нового человека, того Homo sapientior или Homo sapientissimus, которого человечество совместными сознательными усилиями должно создать?» И сам дает на него ответ: «Этот новый человек — сверхчеловек, “Homo creator” должен стать царем природы и подчинить ее себе силою своего разума и своей воли»⁹.

Параллельно с евгеническим движением в стране создаются новые институты по изучению человека — Институт мозга (В. М. Бехтерев, 1918), Институт переливания крови (А. А. Богданов, 1926). Чуть позднее стали выходить в свет труды Л. С. Выготского, заложившего основы нового, деятельностного подхода в психологии и педологии.

Что касается Богданова, то его эксперименты на людях носили исключительно практический характер и включали в себя попытки омоложения человеческого организма благодаря переливанию крови молодых людей (студентов) старикам. Собственно, под эти идеи Богданов получил добро на создание своего института от Сталина, который на волне интереса к такому проекту даже предложил

⁸ Ильин И. А. Взгляд в даль: книга размышлений и упований // Ильин И. А. Собр. соч. В 10 т. М.: Русская книга, 1998. Т. 8. С. 344.

⁹ Кольцов Н. К. Улучшение человеческой породы // Русская евгеника. Сборник оригинальных работ русских ученых / Под общ. ред. В. Б. Авдеева. М.: Белые альфы, 2012. С. 149–150, 152. Подробнее о планах создания нового человека см.: Малков С. М. Идеиные основания проектов по созданию нового человека в СССР (1920–1930-е годы) // Революция, эволюция и диалог культур. Доклады к 100-летию русской революции на Всемирном дне философии с Институте философии РАН 14 и 16 ноября 2017 г. / Отв. ред. А. В. Черняев. М.: Гнозис, 2018. С. 536–548.

бывшему эмпириомонисту опять вступить в партию. Но Богданов отказался, а через два года погиб во время проведения одного из своих экспериментов¹⁰. Мыслитель также развивал идеи по формированию нового человека, проникнутого духом коллективизма, которые нашли отражение в проектах Пролеткульта.

Все возникавшие исследовательские институты, безусловно, друг с другом тесно соприкасались и коррелировали, поскольку имели общую цель — создание нового человека. Именно поэтому этот проект можно по праву назвать *междисциплинарным*. Наконец, приведем пример еще одной задумки. В начале 1930-х гг. А. М. Горький активно поддерживал идею о необходимости создания в стране Всесоюзного института экспериментальной медицины (ВИЭМ), одной из задач которого был бы поиск путей обретения человеком физического бессмертия. В 1934 г. в письме к своему биографу И. А. Груздеву он делился этой сокровенной мечтой: «Было бы разумнее и экономичней создать людей вечными, как, надо полагать, вечна вселенная, тоже не нуждающаяся в частичном “разрушении и возрождении”. О бессмертии или долголетнем бытии необходимо позаботиться воле и разуму людей. Совершенно уверен, что они этого достигнут»¹¹. В заключение также отметим, что именно Горький высказал мысль, которая в те времена изобилия проектов по изучению и изменению человека, своими намерениями порой поражающих воображение, в каком-то смысле витала в воздухе. Она была проникнута стремлением к синтезу: «Сколько наук о человеке, а создать бы Институт Человека и эти науки объединить!»¹² Однако это была лишь гениальная задумка, которую до войны так и не удалось осуществить.

* * *

К концу 1920-х гг. наметившийся рост и повышение значимости междисциплинарных исследований привели к следующим методологическим изменениям. *Во-первых*, это постепенное переключение внимания с предметного подхода на проблемный и увеличение его влияния в научном познании. Как констатировал в 1930-е гг. В. И. Вернадский, чутко уловивший наметившуюся тенденцию,

¹⁰ Подробнее см.: Александр Александрович Богданов / Под ред. М. В. Локтионова. М.: Политическая энциклопедия, 2021.

¹¹ Переписка А. М. Горького с И. А. Груздевым // Архив А. М. Горького. Т. XI. М.: ИМЛИ, 1966.

¹² Подробнее об этом см.: *Киселева М. С.* Институт человека как интеллектуальная идея и ее социальный контекст // Человек. 2017. № 2. С. 78–94.

«мы научно работаем по *проблемам*, не считаясь с научными рамками»¹³. Происходившая ранее дивергенция региональных онтологий, ограниченных рамками соответствующих частных наук, начала все более замещаться дивергенцией проблем. Вдобавок к этому, поскольку насущные проблемы рождаются не в вакууме, а в том или ином социальном организме, или, если воспользоваться терминологией Гуссерля, в «жизненном мире», предметная онтология стала замещаться онтологией социальной. Это привело к существенному методологическому сдвигу, в частности, к осознанию того, что каждое общество стремится решать в первую очередь те проблемы, которые оно порождает. Такой вывод, на первый взгляд, вполне способен усилить позиции научного релятивизма, выступив еще одним аргументом в поддержку позиции Освальда Шпенглера, утверждавшего, что каждая цивилизация порождает свою особую науку. Однако здесь все не так просто. Дело в том, что проблемы, будоражащие общество, находятся в иерархической взаимосвязи. Наряду с региональными есть глобальные проблемы, которыми озабочено все человечество и решать которые необходимо общими усилиями. Кроме того, региональные науки не отделены друг от друга непроходимыми барьерами. Они устанавливают между собой коммуникативные связи, обеспечивающие обмен научными результатами. Все это говорит о том, что наука, несмотря на наличие социальной локализации, в значительной степени носит межнациональный характер.

Во-вторых, это возрождение синтетического метода исследований, который стал конкурировать с аналитическим и даже начал в 1920-е гг. отвоевывать у него лидирующее положение в науке. Синтез активно проявлял себя в эпоху Ренессанса, однако одним из результатов научной революции Нового времени явилось вытеснение его на периферию и установление практически повсеместного господства анализа. Ситуация постепенно начала меняться лишь в XIX в. Это в первую очередь было связано с возникновением биологии — науки о живом, где к синтезу обращались представители ламаркизма для обоснования своих эволюционных теорий. К нему также апеллировал в своих трудах И. Гёте. В начале XX в. к синтезу обращался Анри Бергсон, эволюционные взгляды которого сегодня квалифицируются историками биологии как разновидность психоламаркизма.

¹³ Вернадский В. И. Мысли и замечания о Гёте как натуралисте // Вернадский В. И. Труды по всеобщей истории науки. М.: Наука, 1988. С. 264.

Проблемный подход к пониманию научной деятельности также не может обойтись без синтеза. В первую очередь это касается так называемых сложных проблем, для успешного решения которых требуются интеллектуальные усилия ученых различных направлений — физиков, химиков, биологов и т. д. Однако, для того чтобы междисциплинарная лаборатория не работала вхолостую, но в процессе своей деятельности предлагала решения волнующих проблем, выдавала конечный «штучный» результат, ее коллективу необходимо, поднявшись над барьерами, совершить довольно сложную процедуру — междисциплинарный синтез (или конвергенцию). Не исключено, что именно это имел в виду А. М. Горький, призывая к созданию в СССР Института человека для объединения усилий представителей всех антропологических направлений. Статус таких исследований существенно изменится: они станут не только междисциплинарными, но и комплексными.

В-третьих, это наметившееся стирание границ между региональными онтологиями. Дело в том, что при переходе от предметного подхода к проблемному эти границы начинают как бы блекнуть, но не исчезать до конца, поскольку они во многом оказываются обусловленными не только онтологией, но и культурной и образовательной практикой. А характер этой практики определяется необходимостью подготовки специалистов в области той или иной дисциплины для решения определенных задач. Будущих физиков в университетах учат решать одни задачи, биологов — другие, психологов — третьи. Проблему необходимости такой дифференциации поставил и проанализировал в 1970-е гг. известный отечественный философ Михаил Константинович Петров, введя для этого особое понятие «человеческая размерность». Он обратил внимание на то, что «процесс передачи накопленного знания новым поколениям сталкивается с очевидными ментальными и физическими ограничениями человека — студента или аспиранта. В отличие от неопределенных жалоб на “информационный потоп”, на него жаловались уже в XVII в., здесь вместимость студента жестко определена сроком обучения, учебным планом, расписанием. Соответственно, курсы лекций, списки рекомендованной и обязательной литературы, учебники вынуждены считаться с этими ограничениями, не требовать от студента больше, чем он может». Из-за этой ограниченности познавательных возможностей преподаватели при составлении программ вынуждены ориентироваться на некую среднестатистическую вместимость студента. В противном случае они просто не смогут выполнить свою миссию подготовить его как

специалиста. Но если проблема несоответствия передаваемого массива знаний человеческим возможностям его усвоения не решается на уровне отдельного индивида, то может быть ее можно решить на уровне человеческого вида? Для ответа на этот вопрос Петров обращается к понятию человеческой размерности общества. Вот что он пишет по этому поводу: «Как решается проблема несоответствия между объемом необходимой для выживания деятельности и возможностями особи? В общем-то все виды, включая и человека, решают ее одним способом: разделяют деятельность на посылные для особей фрагменты, а затем соединяют их, интегрируют в целостность. Этот единый, “системный”, так сказать, подход к решению проблемы несоответствия позволяет в близком с точки зрения биологии смысле говорить о человеческой размерности общества, пчелиной размерности роя, муравьиной — муравейника, термитной — термитника; во всех этих случаях мы обнаруживаем фрагментацию деятельности и, соответственно, специализацию особей по видам деятельности, а также интеграцию этих фрагментов в целостную систему видовой деятельности, которая выступает как компенсатор биологической несостоятельности особей, как их орудие воздействия на среду для извлечения из нее средств к жизни»¹⁴. Таким образом, с возникновением междисциплинарных исследований понятие границы между научными дисциплинами претерпевает существенную трансформацию, а сама проблема дисциплинарной раздробленности оказывается «снимаемой» на более высоком уровне человеческого вида (или общества), которое выступает как «коллективный субъект».

Выводы. Известно, что методологические предпочтения Гуссерля не раз претерпевали изменения. Одними понятиями он прекращал пользоваться, другие — наоборот, вводил. Проблема поиска причин его отказа к концу 1920-х гг. от дальнейшего использования понятия «региональные онтологии», безусловно, представляет определенный исследовательский интерес. Однако в любом случае такие исследования должны вестись комплексно. И здесь, на наш взгляд, может оказать определенную услугу обращение к истории науки, которая свидетельствует, что именно в 1920-е гг. набирают силу междисциплинарные исследования, которые в процессе научного познания приобретают все большую значимость и даже выдвигаются на первый план. Это в дальнейшем приводит к достаточ-

¹⁴ Петров М. К. Человекоразмерность и мир предметной деятельности // Человек. 2003. № 1. С. 5–18.

но существенным методологическим трансформациям, которые во времена Гуссерля только начинали обретать более-менее четкие очертания, но окончательно проявляются лишь во второй половине XX в. Тем не менее на фоне происходящих событий немецкий философ не мог не чувствовать нарастание потока проблем, возникающих при применении концепции региональных онтологий к современным научным реалиям, в результате чего ее эвристические «задатки» становились все более проблематичными.

Литература

Александр Александрович Богданов / Под ред. М. В. Локтионова. М.: Политическая энциклопедия, 2021.

Аристотель. Метафизика / Пер. и примеч. А. В. Кубицкого. М.: Соцэкгиз, 1934.

Вернадский В. И. Мысли и замечания о Гёте как натуралисте // *Вернадский В. И.* Труды по всеобщей истории науки. М.: Наука, 1988. С. 224–265.

Вибе Д. З. Химия в космосе // *Химия и жизнь*. 2014. № 2. С. 2–6.

Вибе Д. З., Столяров А. В. Успехи и перспективы лабораторной астрохимии // *Земля и вселенная*. 2021. № 2. С. 19–29.

Гельвеций К.-А. О человеке // *Гельвеций К.-А.* Соч. В 2 т. Т. 2. М.: Мысль, 1974. С. 5–567.

Ильин И. А. Взгляд в даль: книга размышлений и упований // *Ильин И. А.* Собр. соч. В 10 т. М.: Русская книга, 1998. Т. 8. С. 342–564.

Киселева М. С. Институт человека как интеллектуальная идея и ее социальный контекст // *Человек*. 2017. № 2. С. 78–94.

Кольцов Н. К. Улучшение человеческой породы // *Русская евгеника*. Сборник оригинальных работ русских ученых / Под общ. ред. В. Б. Авдеева. М.: Белые альвы, 2012. С. 135–165.

Малков С. М. Идеиные основания проектов по созданию нового человека в СССР (1920–1930-е годы) // *Революция, эволюция и диалог культур*. Доклады к 100-летию русской революции на Всемирном дне философии с Институте философии РАН 14 и 16 ноября 2017 г. / Отв. ред. А. В. Черняев. М.: Гнозис, 2018. С. 536–548.

Мюрберг И. И. О роли принципа междисциплинарности в контексте морально-идеологического самосознания современного общества // *Человек и его время: Проблемы междисциплинарности социальных и гуманитарных наук*. М.: Изд-во «Культурная революция», 2021. С. 239–260.

Переписка А. М. Горького с И. А. Груздевым // *Архив А. М. Горького*. Т. XI. М.: ИМЛИ, 1966.

Петров М. К. Человекоразмерность и мир предметной деятельности // *Человек*. 2003. № 1. С. 5–18.

Стендаль. Красное и черное // *Стендаль*. Собр. соч. В 12 т. Т. 1. М.: Правда, 1978. С. 25–420.

Ю. В. Черновицкая

Глобальные исследовательские структуры как предмет «региональной онтологии»

Автор предпринимает попытку рассмотреть глобальные исследовательские структуры через понятие региона как области существующего и исследуемого с присущей ему региональной онтологией. Сфера глобальных исследовательских структур рассматривается с точки зрения уникальности сущности коллективного субъекта и объекта познания, понятия автора и авторского права, трансформации ответственности, отношений науки и власти, языкового взаимодействия. Мегaproекты требуют изменения нормативно-законодательной базы, пересмотра понятия ответственности, межструктурного языка общения. Обращается внимание на финансовое, политическое, организационное влияние власти на науку, интеллектуализацию техносферы, поиск эффективных механизмов равноправного общения, включение этической составляющей для преодоления кризиса доверия к современным технонаучным системам.

Ключевые слова: глобальные исследовательские структуры, мегасайенс-проекты, регион, региональная онтология, ответственность, языковое взаимодействие, коллективный субъект познания.

Yulia V. Chernovitskaya

GLOBAL RESEARCH STRUCTURES AS AN AGENT OF “REGIONAL ONTOLOGY”

The author makes an attempt to consider global research structures through the concept of a region, as an area of existing and researched with its inherent regional ontology. The sphere of global research structures is considered from the point of view of the uniqueness of the essence of the collective subject and object of knowledge, the concept of the author and copyright, the transformation of responsibility, relations between science and power, and linguistic interaction. Megaprojects require changes in the regulatory framework, a revision of the concept of responsibility, and interstructural language of communication. Attention is drawn to the financial, political, and organizational influence of government on science, the intellectualization of the technosphere, the search for effective mechanisms for equal communication, and the inclusion of an ethical component to overcome the crisis of trust in modern technoscientific systems.

Key words: global research structures, megascience projects, region, regional ontology, responsibility, language interaction, collective agent of cognition.

Научка на современном этапе представляет собой все увеличивающийся массив знания и, как следствие, предполагает узкую специализацию и разделение труда, уменьшение временного разрыва между нахождением новых знаний и их технической реализацией, междисциплинарные, полидисципли-

нарные исследовательские проекты, мегасайенс-проекты, представляющие научное сообщество как коллективный субъект познания. Актуален вопрос: является ли сфера глобальных исследовательских структур особым регионом существующего с присущей ему региональной онтологией? Под «региональной онтологией», например, Э. Гуссерль подразумевал варианты представления о познаваемом «сущем», а М. Хайдеггер — исследование смысла бытия того или иного региона сущего. «Формальная онтология часто противопоставляется онтологии региона (региональной онтологии), где регион — это наивысший материальный род, которому подчинена конкретная эмпирическая предметность со всеми составляющими ее материальными сущностями»¹.

Обозначение какой-либо предметной области особым регионом характеризуется наличием существенных отличий. Причем предполагается наличие особого исследовательского аппарата, а также области исследования, которая является уникальной, не сводимой ни к более общей, ни к равной по степени области существующего. Рассматривая понятие «регион» как некую область существующего и исследуемого, а региональную онтологию как дисциплину, изучающую характеристики данного региона, рассмотрим сферу глобальных исследовательских структур, а также присущий ей коллективный субъект и объект познания с точки зрения уникальности их сущности, предметных областей исследования, онтологического статуса, способа познания, взаимодействия с другими предметными регионами, представления результатов деятельности и способов отчетности, (в том числе и этико-правовыми составляющими). Важна научная, техническая, инженерная уникальность, отсутствие аналогов в мире, воплощение наиболее передовых научных достижений и разработок, ожидаемые научные результаты которых не могут быть получены иным образом, на ином оборудовании.

Так, уникальна сущность коллективного субъекта познания, который представляет собой социальный феномен, сообщество специалистов, групп, корпораций в какой-либо области знания или нескольких областях, в том числе с переменным составом, разным количеством участников, своим научным опытом, методами и способами познания, возможно, без четкой геолокации. Коллективный субъект познания уникален такими своими характеристиками, как отсутствие четких границ, мобильность, изменчивость.

¹ Штанько В. И., Добровольская Е. В. *Философские основания формальной онтологии (феноменологический и аналитический аспекты)* // Бионика интеллекта. 2008. № 1 (68). С. 171.

Он обладает целостностью, участники коллективного познания осуществляют не просто взаимную деятельность, но взаимодействие, здесь присутствуют механизмы социального контроля за поведением и деятельностью индивидуальных членов коллективного субъекта.

Автор коллективного субъекта также обладает особыми характеристиками. Претерпевает изменения институт авторского права, меняется понятие лидера или организатора исследования, предполагается децентрализованное авторство, появляется гиперавторство, когда число соавторов может исчисляться тысячами. Новые условия производства знания ограничивают внутригрупповую ответственность на результаты исследований, уменьшается мера влияния индивидуального участника на внутренние и внешние процессы самоорганизации коллективного субъекта.

Становятся актуальными проблемы определения степени авторского вклада (установить автора нововведений иногда представляется вообще невозможным), поощрения и ответственности за результаты внутригрупповой деятельности. Усложняется система оценки публикационной активности автора, карьерный рост ученого.

Следующим уникальным явлением глобальных исследовательских структур, позволяющим рассуждать о них как об особом регионе сущего, является трансформация целостного видения объекта познания — данные изменения становятся фундаментальной проблемой науки. Проблемой становится и «утеря целостного видения познаваемой реальности, объекта познания»², а конечные результаты исследования, тексты становятся «сотканными из цитат, отсылающих к тысячам культурных источников»³. Б. И. Пружинин предлагает обратиться к традиции, к исторической преемственности науки. Действительно, есть основания полагать, что «традиции научного познания, методологически осмысленные как выражение исторической преемственности науки, служат основой целостного видения объекта в больших научных коллективах»⁴. А. А. Крушанов замечает, что «деятельность коллективного познающего субъекта

² Пружинин Б. И. «Коллективный субъект» в научной традиции (философско-методологические заметки) // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2019. № 1. С. 108.

³ Можейко М. А., Анкин Д. В. Автор / Гуманитарный портал: Концепты [Электронный ресурс] // Центр гуманитарных технологий. 2002–2022 (последняя редакция: 18.11.2022). URL: <https://gtmarket.ru/concepts/7177> (дата обращения: 23.08.2023).

⁴ Пружинин Б. И. Указ. соч. С. 109.

представляет собой деятельность парадигмализированного индивидуального познающего субъекта, хоть и растянутого на группу исследователей»⁵. Однако уникальность коллективного знания видится в самостоятельной познавательной ценности (несмотря на то что любое коллективное знание сводится к индивидуальным знаниям, групповое знание — это не сумма индивидуальных знаний).

Множество вопросов вызывает понятие коллективной ответственности, а также проблема распределения ответственности за результаты деятельности глобальных исследовательских структур. Могут ли члены коллабораций, знающие детали именно своей работы, своей области знания, быть ответственны полностью за конечный результат? Могут ли быть ответственны только члены коллабораций, управляющие, контролирующие деятельность, хотя они не владеют деталями проектов? Современная ситуация такова, что субъекты деятельности не обладают, и не обязаны обладать, всей полнотой, всем диапазоном доступной информации. Обращается внимание на то, что даже само «социальное знание неравномерно распределено между индивидуальными субъектами»⁶.

Феномен ответственности претерпевает изменения не только относительно коллективного субъекта познания в глобальных исследовательских структурах. В условиях информационного общества намечается смена представления об ответственности, наблюдается ее кризис, следствием которого является утрата самого чувства ответственности, обсуждаются идеи возложения ответственности на информационные системы, которые сегодня принимают решения все в более растущем объеме. «Анонимность же коллективных действий создает иллюзию безответственности»⁷. Результат коллективных действий неочевиден, способность предвидеть последствия своих действий уменьшается, к тому же «коллективная деятельность ускользает от морально-нравственного регулирования...»⁸.

⁵ Крушанов А. А. Об эпистемологической самобытности коллективных познавательных процессов // Эпистемология и философия науки / Epistemology & Philosophy of Science. 2014. Т. XXXIX. № 1. С. 80.

⁶ Касавин И. Т. Коллективный субъект как предмет эпистемологического анализа // Эпистемология и философия науки / Epistemology & Philosophy of Science. 2015. Т. XLVI. № 4. С. 11.

⁷ Технонаука и социальная оценка техники (философско-методологический анализ): кол. монография / Под ред. И. В. Черниковой. Изд-во Томского ун-та, 2015. С. 103.

⁸ Прокофьев А. А. Коллективная и совместная ответственность в экологической этике // Этика и экология. Сер. Научные доклады. Новгород, 2010. Вып. 9. С. 26–44.

Однако понятие ответственности носит индивидуальный, личностный характер, в коллаборациях должно культивироваться чувство личной ответственности, взаимответственности участников, учитываться ценностные основания принятия решений коллективами и ценностные характеристики последствий реализации их проектов во избежание явления феномена «коллективной безответственности».

Продолжая рассматривать глобальные исследовательские структуры как особый регион, следует обратить внимание на необходимость законодательного регулирования данной области. Мегасайенс-проекты являются крупнейшими, надгосударственными, создаваемыми в рамках широкого международного сотрудничества научными комплексами, которые полностью соответствуют стремлению современных государств к надгосударственным образованиям. «На всех этапах мегасайенс-проектов различными субъектами с различным правовым статусом осуществляется, — говорится, например, в работах А. А. Ситника и Р. В. Ткаченко⁹, — помимо исследовательской, организационная, финансовая, контрольная, трудовая и иные формы деятельности. Все указанные группы общественных отношений требуют четкого нормативного оформления».

Требуют отдельного исследования и документального закрепления определения таких категорий, как глобальные исследовательские структуры, научные проекты класса мегасайенс, уникальные научные установки класса мегасайенс и др., международные коллаборации, участники проектов. Отдельному рассмотрению подлежит субъект исследования, автор. Остро стоит проблема авторского права, количественной оценки индивидуального вклада каждого автора, вопрос признания научного знания результатом отдельного сознания или признание распределенного характера знания. Не существует единой системы нормативно-правовых актов, регламентирующих деятельность коллективных субъектов.

«Модернизация научно-образовательной и научно-технической деятельности выступает приоритетным направлением развития современного государства. Однако, как подтвердил предложенный анализ нормативно-правовых актов, правовое регулирование статуса коллективных субъектов научной деятельности на сегодняшний день не сбалансировано, не согласовано и не синхронизировано»¹⁰.

⁹ Ситник А. А., Ткаченко Р. В. Правовое регулирование финансирования мегасайенс-проектов // Актуальные проблемы российского права. 2020. № 5. С. 53.

¹⁰ Клеандров М. И. О совершенствовании правовой базы Российской академии наук // Государство и право. 2020. № 3. С. 24.

Так, например, в Российской Федерации Федеральным законом № 127-ФЗ закреплена три основных коллективных субъекта научной деятельности: научная организация, государственная академия наук и Высшая аттестационная комиссия.

Кроме того, мегасайенс-проектам следует иметь свою систему отчетности, иные, понятные для налогоплательщика, нормы, отличающиеся от общепринятых в науке. Колоссальные по масштабам проекты, финансирующиеся из бюджетов государств, исследования фундаментальные, направленные на перспективу без видимых мгновенных прикладных результатов, должны иметь прозрачную понятную налогоплательщику оценку своей деятельности, чтобы исключить/ослабить существующий кризис доверия к науке.

Как уже отмечалось, «большая наука» — сверхмасштабное, дорогостоящее, сложноорганизованное предприятие, функционирование которого сильно зависит от взаимоотношений науки и власти. Идеальной моделью для государства является административная наука. Существующее управленческое административное звено регламентирует государственный, корпоративный или иной заказ, ставит сроки, контролирует способы исполнения. Существует строгая система планирования и отчетности, сопоставления эффективности затрат и конечного продукта. Противоположная позиция — наука автономная, свободная, незарегламентированная, самоуправляемая научными коллективами, свободное творчество ученых. Однако, отмечается исследователями, «в таких парцеллярных структурах возможна “грязная” утилизация научного материала, вроде производства нового вида наркотиков, манипуляций сознанием, словом всего того, что находится за пределами научной этики и гуманизма»¹¹.

Присутствует конфликт науки и организационных структур, но их взаимовлияние неизбежно. Представители науки постоянно борются за свою научную автономию, отстаивают интересы науки в государственных структурах для обеспечения финансирования, международного сотрудничества и поддержания конкурентоспособности. Власть же влияет на науку финансово (бюджетное финансирование и гранты, материально-техническое обеспечение, лаборатории). Например, Польша на законодательном уровне стремилась не только юридически зафиксировать стоимость объектов мегасайенс в де-

¹¹ Лебедева С. О., Ушакова Д. С. Философская проблема «наука и власть» // Материалы VIII Международной студенческой научной конференции «Студенческий научный форум — 2016». URL: <https://scienceforum.ru/2016/article/2016020668> (дата обращения: 31.05.2023).

нежном выражении, но и соотносила денежный эквивалент с родом деятельности инфраструктуры. Например, «150 тыс. польских злотых для аппаратуры в группе гуманитарных и общественных наук, а также в группе наук об искусстве и художественном творчестве; 500 тыс. польских злотых для аппаратуры в группе точных и инженерных наук, а также в группе наук о жизни»¹².

Власть влияет на науку политически, создавая международный имидж и имидж науки, ученого внутри страны (финансирование краткосрочных прикладных исследований или долгосрочных проектов фундаментальной науки; усиление военно-промышленного комплекса или направление ресурсов на производство потребительских товаров; организация международного сотрудничества и формирование положительного образа ученых). В настоящее время все больше ученых придерживаются точки зрения, что наука тесно связана с политикой, зависимой наукой проще манипулировать, познавательная и производственная деятельность человека имеет также и отрицательные последствия, любое открытие может быть использовано как во благо, так и во зло. Влияние науки на власть увеличивается в период войн, ученые, участвующие в разработках оборонной либо военной промышленности наделяются привилегиями и льготами, допускаются к руководству, создаются условия для научной деятельности, появляется финансирование. В отношениях науки и власти в периоды кризисов и войн остро стоит вопрос моральной нейтральности науки. Интерес ученого, научная истина становятся созвучны проектам, реализации которых ожидает власть от науки. Еще в Веймарской Республике ученые убеждали политиков в необходимости использовать научные достижения для военных целей. Предлагались идеи развития химического оружия, в особенности отравляющих газов (угрожающий прецедент использования науки в военных целях во время Первой мировой войны), производство синтетического азота для изготовления снарядов, использование веществ, разработанных в прикладной энтомологии для борьбы с вредителями хозяйственно полезных растений и переносчиками возбудителей болезней, для тотального уничтожения вражеских армий. Неудивительно, что после Второй мировой войны союзники причислили ученых, работающих на военные нужды, к военным преступникам, однако (исходя из постулата моральной нейтральности науки) они себя таковыми не считали.

¹² Четвериков А. О. Организационно-правовые формы большой науки (мегасайенс) в условиях международной интеграции: сравнительное исследование // Юридическая наука. 2018. № 1. С. 17.

Власть влияет на науку организационно — планирование и контроль за научной деятельностью, реформирование научных структур и обеспечение интеграции науки в образование и производственную сферу.

Однако, несмотря на трудную сопоставимость ценностей организационно-административной культуры и культуры профессионального сообщества, большой науке (как и государству) на современном этапе развития необходим компромисс, точки соприкосновения и сосуществования, «необходима “надстройка” в виде особого рода региональной онтологии — гипотетической конструкции, отчасти специально-научной, но, по преимуществу, языково-метафорической, призванной обеспечить взаимопонимание участников единой программы»¹³.

Ряд авторов акцентировал внимание на следующем феномене: так как коллаборации, занимающиеся экспериментально-поисковыми исследовательскими программами, изначально «разделены» на три части: специалистов-теоретиков, экспериментаторов и инструменталистов, и уже перед их объединением каждое направление имеет свою научную традицию, научный язык и специфику труда, свое региональное представление о существующем, — коллаборация является объединением разных «культур». Однако такое деление зависит от многих факторов. «Например, в истории физики легко найти периоды, когда отделить изготовителей инструментов от экспериментаторов практически невозможно. Моменты разрыва тоже не всегда разнесены по времени. Существуют также периоды, когда несколько конкурирующих экспериментальных субкультур сосуществуют в одной и той же области, например субкультуры пользователей пузырьковых и искровых камер»¹⁴.

Также отмечается, что представители разных «направлений», чтобы быть понятыми, сознательно упрощают описания, результаты, объяснения новизны своих разработок, когда представляют их другим субкультурам. О подобном говорил еще Р. Карнап, введя в употребление термин «языковой каркас». «Если кто-либо хочет говорить на своем языке о новом виде объектов, он должен ввести

¹³ Пружинин Б. И., Шедрина Т. Г. Феноменологические ориентации современной философии науки: о значении «региональных онтологий» // Международный междисциплинарный colloquium «Региональные онтологии в современной науке: понимание между опытом и знанием» 16 июня 2023 г. https://iphras.ru/uplfile/root/news/archive_events/2023/16_06_2023_Pruzhinin.pdf.

¹⁴ Галисон П. Зона обмена: координация убеждений и действий // Вопросы истории естествознания и техники. 2004. № 1. <http://vivovoco.ibmh.msk.su/VV/JOURNAL/VIET/GALISON.HTM>.

систему новых способов речи, подчиненную новым правилам; мы назовем эту процедуру построением языкового каркаса для рассматриваемых новых объектов»¹⁵.

П. Галисон проводит аналогию с антропологической лингвистикой. «Я остановился здесь на динамике языков контакта, их стабилизации, структуре и расширении, поскольку при этом возникают те же вопросы, что и в ситуации столкновения теоретиков с экспериментаторами»¹⁶, — пишет он. П. Галисон описывает «пиджинизацию» как процесс упрощения и ограничения языка, функционирующего на границе между некими группами, одна из которых хочет сохранить культурное своеобразие своего языка, оградить его от вмешательства извне, не допустить его распространения в полной мере, однако необходимо создать язык межгруппового общения, контакта для осуществления неких совместных действий с соседними группами. Также при взаимодействии теоретиков и экспериментаторов либо профессионального сообщества и обывателей язык, на котором излагается информация, различен, акцентирован, адаптирован именно под это сообщество. «Примитивизация математической структуры, избегание исключительных случаев, минимизация внутренних связей между теоретическими структурами, отказ от изощренных объяснительных схем — все это способы, какими теоретики готовят свой предмет для обмена со своими коллегами-экспериментаторами»¹⁷. Поэтому необходим некий координирующий центр, некая надстройка с присущей ей региональной онтологией, делающая доступной знаковую информацию для каждой из групп, составляющих основу коллективного субъекта познания.

Можно предположить, что деятельности глобальных исследовательских структур способствует развитие информационного общества. Цифровая культура предлагает нам огромный массив данных, благодаря современным технологиям мы имеем доступ к результатам деятельности глобальной коммуникационно-информационной сети, сталкиваясь при этом с различными эпистемологическими проблемами, изменением парадигмы научного поиска, проблемами отбора, идентификации, верификации информации, сменой типа деятельности человека. Производство, хранение, переработка, использование информации в полной мере реализуется

¹⁵ Carnap R. Empiricism, Semantics and Ontology // Revue Internationale de Philosophie 1950. Vol. 4. P. 20.

¹⁶ Галисон П. Указ. соч.

¹⁷ Там же.

коллективным субъектом познания. Исследователями отмечается, что «особенности коллективного субъекта формируются в контексте таких взаимосвязанных и взаимодополняющих тенденций информационного общества, как интеллектуализация техносферы и технологизация познания и деятельности человека»¹⁸.

Коллективный субъект способен передать ряд своих функций информационно-управленческим системам, происходит автоматизация интеллектуальной деятельности человека, технологии позволяют алгоритмам проникать и во внутреннюю среду человека, формируется смешанный «человеко-машинный познавательный инструментарий и комплексный тип рациональности»¹⁹. Отмечается, что «лица, принимающие управленческие решения подошли к пределу своих когнитивных возможностей, в связи с постоянно возрастающей сложностью объектов управления»²⁰, поэтому намечаются тенденции трансформации коллективного субъекта в «гибридный коллективный субъект»²¹. Исследователи пишут о возникновении коллективного интеллекта как широкой сети, прежде всего, экспертных агентов, циркулирующих между ними знаний и компетенций, соответствующих технологий краудсорсинга и ноосорсинга²².

Наблюдается технизация естественных наук, потеря наглядности, целостности результатов своего труда приводит к отчуждению и препятствует осуществлению широкого компетентного контроля. Говорится о негуманности современной науки, этические нормы которой все чаще затрагивают человеческие ценности, необходимости включения в нее этической составляющей, установлению морального контроля над научным поиском.

Ряд исследователей считает, что феномен ответственности может приобрести глобальный характер: «Нависает разрастающаяся область коллективного действия, где деятели, поступки и их воздействие уже не те, что в сфере близкодействия, и область эта, из-за колоссальности своей мощи, навязывает этике новое, прежде немыслимое измерение ответственности»²³. Однако масштабы деятельности, требующие глобальной ответственности, переклика-

¹⁸ Никитина Е. А. Коллективный субъект в сложных человекомерных системах: интеллект или сумма технологий? // *Философия науки и техники*. 2021. № 1. С. 122.

¹⁹ Никитина Е. А. Указ. соч. С. 125.

²⁰ Лепский В. Е. Эволюция представлений об управлении (методологический и философский анализ). М.: Когито-Центр, 2015. С. 5–6.

²¹ Никитина Е. А. Указ соч. С. 128.

²² Славин Б. Б. Технологии коллективного интеллекта // *Проблемы управления*. 2016. № 5. С. 2–9.

²³ Йонас Г. Принцип ответственности. М.: Айрис-пресс, 2004. С. 50–51.

ются с феноменом «коллективной безответственности», где невозможно определить отвечающего за коллективное действие.

Итак, мегасайенс-проекты вызвали глобальную трансформацию культуры научного взаимодействия. Глобальные исследовательские структуры, выступая особым регионом, показали необходимость новой региональной онтологии, объединения ученых, работающих над общими целями, важность поиска эффективных механизмов равноправного общения, регулирования отношений в социально-правовой сфере. Философская онтология как интеллектуальный ресурс, объединяя в себе разнонаправленные познавательные процессы, новые аспекты которой используются в современной науке в актуальных новейших исследовательских комплексах, глобальных исследовательских структурах, способствует преодолению кризиса доверия к современным мировоззренческим системам, и к науке в частности.

Литература

Галисон П. Зона обмена: координация убеждений и действий // Вопросы истории естествознания и техники. 2004. № 1. <http://vivovoco.ibmh.msk.su/VV/JOURNAL/VIET/GALISON.HTM>.

Йонас Г. Принцип ответственности. М.: Айрис-пресс, 2004.

Касавин И. Т. Коллективный субъект как предмет эпистемологического анализа // Эпистемология и философия науки / Epistemology & Philosophy of Science. 2015. Т. XLVI. № 4. С. 5–18.

Клеандров М. И. О совершенствовании правовой базы Российской академии наук // Государство и право. 2020. № 3. С. 24–36.

Крушанов А. А. Об эпистемологической самобытности коллективных познавательных процессов // Эпистемология и философия науки / Epistemology & Philosophy of Science. 2014. Т. XXXIX. № 1. С. 79–95.

Лебедева С. О., Ушакова Д. С. Философская проблема «наука и власть» // Материалы VIII Международной студенческой научной конференции «Студенческий научный форум — 2016». URL: <https://scienceforum.ru/2016/article/2016020668> (дата обращения: 31.05.2023).

Лепский В. Е. Эволюция представлений об управлении (методологический и философский анализ). М.: Когито-Центр, 2015.

Можейко М. А., Анкин Д. В. Автор / Гуманитарный портал: Концепты [Электронный ресурс] // Центр гуманитарных технологий. 2002–2022 (последняя редакция: 18.11.2022). URL: <https://gtmarket.ru/concepts/7177> (дата обращения: 23.08.2023).

Никитина Е. А. Коллективный субъект в сложных человекомерных системах: интеллект или сумма технологий? // Философия науки и техники. 2021. № 1. С. 122–130.

Прокофьев А. А. Коллективная и совместная ответственность в экологической этике // Этика и экология. Сер. Научные доклады. Новгород, 2010. Вып. 9. С. 26–44.

Пружинин Б. И. Коллективный субъект в научной традиции (философско-методологические заметки) // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2019. № 1. С. 105–110.

Пружинин Б. И., Щедрина Т. Г. Феноменологические ориентации современной философии науки: о значении «региональных онтологий» // Международный междисциплинарный коллоквиум «Региональные онтологии в современной науке: понимание между опытом и знанием» 16 июня 2023 г. https://iphras.ru/uplfile/root/news/archive_events/2023/16_06_2023_Pruzhinin.pdf.

Ситник А. А., Ткаченко Р. В. Правовое регулирование финансирования мегасайнс-проектов // Актуальные проблемы российского права. 2020. № 5. С. 48–64.

Славин Б. Б. Технологии коллективного интеллекта // Проблемы управления. 2016. № 5. С. 2–9.

Технонаука и социальная оценка техники (философско-методологический анализ): кол. монография / Под ред. И. В. Черниковой. Изд-во Томского ун-та, 2015.

Четвериков А. О. Организационно-правовые формы большой науки (мегасайнс) в условиях международной интеграции: сравнительное исследование // Юридическая наука. 2018. № 1. С. 13–27.

Штанько В. И., Добровольская Е. В. Философские основания формальной онтологии (феноменологический и аналитический аспекты) // Бионика интеллекта. 2008. № 1 (68). С. 171–176.

Carnap R. Empiricism, Semantics and Ontology // *Revue Internationale de Philosophie*. 1950. Vol. 4. P. 20–40. Reprinted // *The linguistic turn: Recent essays in philosophical method*. Chicago; L., 1967. P. 72–84.

И. А. Карпенко

Региональные онтологии и междисциплинарный синтез¹

Берется за основу идея Эдмунда Гуссерля о региональных онтологиях и применяется для междисциплинарного синтеза нескольких предметных областей, занимающихся разработкой проблем, лежащих на стыке этих областей. Анализируется гипотеза симуляции и связанные с ней понятие виртуальной реальности и концепция множества миров. Показывается, что гипотеза может быть адекватно и эффективно рассмотрена только с привлечением различных дисциплин, среди них кибернетика, информатика, физика, космология, нейробиология и, конечно, философия. При этом философия оказывается одновременно базисом, который необходим для такого междисциплинарного синтеза и методологическим инструментом. Философия выступает условием возможности говорить на едином языке об указанной проблематике за счет большого концептуального багажа, накопленного философской традицией (фактически, начиная с античности). С использованием ее инструментария показывается, что (на основе ряда допущений, связанных с гипотезой симуляции) граница между реальным и виртуальным размывается, и реальным (с учетом определенной трансформации категории реального) оказывается все — все воображаемое.

Ключевые слова: региональные онтологии, междисциплинарность, гипотеза симуляции, виртуальная реальность, реальность, идея множества миров, искусственный интеллект, космология.

Ivan A. Karpenko

REGIONAL ONTOLOGIES AND INTERDISCIPLINARY SYNTHESIS^{2*}

The idea of Edmund Husserl about regional ontologies is taken as a basis and is used for the interdisciplinary synthesis of several subject areas dealing with the development of problems lying at the junction of these areas. The simulation hypothesis and the related concept of virtual reality and the concept of multiple worlds are analyzed. It is shown that the hypothesis can be adequately and effectively considered only with the involvement of various disciplines, including cybernetics, computer science, physics, cosmology, neurobiology and, of course, philosophy. At the same time, philosophy turns out to be both a basis that is necessary for such an interdisciplinary synthesis and a methodological tool. Philosophy is a condition for being able to speak in a single language about this problem due to the large conceptual baggage accumulated by the philosophical tradition (in fact, since antiquity). Using its tools, it is shown that (based on a number of assumptions related to the simulation hypothesis) the boundary between the real and the virtual is blurred, and the real (taking into account a certain imaginary transformation of the category of the real) turns out to be everything — everything imaginary.

Keywords: regional ontologies, interdisciplinarity, simulation hypothesis, virtual reality, reality, the idea of multiple worlds, artificial intelligence, cosmology.

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 22-18-00450).

² The research was supported by RSF (project No. 22-18-00450).

Понятие «региональной онтологии», введенное Эдмундом Гуссерлем в начале XX в. (в «Логических исследованиях» и некоторых других текстах), в дальнейшем было если и не забыто, то в значительной степени утрачено. Не забыто в том смысле, что термин «региональный» так или иначе использовался в различных контекстах для разграничения и иерархии каких-либо предметных областей (иногда в уничижительном смысле), однако в смысле, который вложил в него Гуссерль оно было постепенно утрачено, хотя и упоминалось позже в философском анализе, по крайней мере Мартином Хайдеггером в «Бытии и времени» (хотя сегодня можно встретить историко-философские работы, посвященные теме региональных онтологий).

Основная идея региональных онтологий — выделение и разграничение предметных областей, о которых может говорить феноменология. Это и есть регионы — регионы знания, или, можно сказать, регионы, где осуществляются различные подходы к знанию. И феноменология (которая в ряде случаев тождественна онтологии) берет на себя функцию «великого объединения» (в кавычках, потому что мы осознано проводим здесь аналогию с мечтой физики об объединении всех известных фундаментальных взаимодействий в рамках одной теории). Феноменология, по замыслу Гуссерля, должна стать объединительной базой для всех других онтологий — других предметных областей или других описаний действительности, если позволено будет так выразиться. Здесь бы хотелось отойти от термина «феноменология», поскольку с развитием философского знания и его дифференцирования, что неизбежно случается в результате академических историко-философских штудий и тем более преподавания, он стал нагружен специфическими характеристиками. Здесь будет использован более общий термин «философия» (причем часто в смысле «философия науки»), но в том же самом понимании инструмента (методологического, онтологического и гносеологического), который может и должен служить для синтеза регионального знания. Это есть междисциплинарный синтез, и задача такого синтеза — задача, конечно, философии. В настоящей статье будет приведена иллюстрация такого синтеза на примере исследований, которые могут быть реализованы только за счет совмещения нескольких областей знания, которые едва ли можно назвать пограничными. Речь идет о кибернетике, философии сознания, нейробиологии, физике и космологии.

Почему этот синтез важен? По той причине, что различные области знания все более нуждаются друг в друге, как, например, философия сознания не может обойтись без нейропсихологии, чтобы ее

дискурс сохранял осмысленность, так и нейропсихология не может обойтись без философии, потому что нуждается в некоторых аксиомах, идеологическом фундаменте, на основе которого строит свои теории и которую использует для интерпретации результатов. То же можно сказать и про физику, космологию, исследования искусственного интеллекта и так далее. Но речь совсем не о том, что философия является как бы служанкой наук, простой их базой, без которой они не могут обойтись, или же языком интерпретации. Есть мнение, что как раз в этих смыслах, теоретически, науки и могли обойтись без философии, если, скажем, взяли бы за основу знания чистую математику и положили бы ее абстракции фундаментальными истинами, которые не нуждаются ни в какой интерпретации, так как она их только затуманивает (так видят дело математические платоники³).

Задача философии глубже — она есть условие и инструмент взаимодействия, которое, повторимся, особенно важно в современных реалиях, когда полное описание какого-то сложного явления возможно только при объединении данных различных регионов — предметных областей.

Эта работа философии не всегда очевидна, и может даже активно отрицаться теми, кто тем не менее всю ее использует. Однако, проведя анализ тех или иных дисциплинарно обособленных исследований, мы можем убедиться, что используется какой-то философский инструментарий — например, в виде избранных гносеологических установок, методов обоснования, используемой картины мира.

Гипотеза симуляции очень популярна в массовой культуре, и эту культуру, среду, ее влияние, отображение в массовом сознании, тоже можно рассматривать в качестве региона и сделать полноправным объектом научного исследования — социального и культурологического. Однако здесь я не буду настолько расширять обзор возможных подходов и ограничусь естественнонаучными областями и философией как базисом для объединения региональных онтологий и выстраивания единого поля междисциплинарного знания.

В науке гипотеза симуляции имеет своих сторонников⁴ и достаточно активно разрабатывается в последние десятилетия. Ее суть,

³ Tegmark M. Is “The Theory of Everything” Merely the Ultimate Ensemble Theory? // *Annals of Physics*, 1988, Vol. 270. No. 1. P. 1–51.

⁴ См. *Bostrom N.* Are You Living in a Computer Simulation? // *The Philosophical Quarterly*. 2003. Vol. 53. No. 211. P. 243–255; *Dainton B.* On Singularities and Simulations // *Journal of Consciousness Studies*. 2012. Vol. 19. No. 1/2. P. 42–85 и *White J.* Simulation, Self-extinction, and Philosophy in the Service of Human Civilization // *AI and Society*. 2016. Vol. 31. No. 2. P. 171–190.

как уже ясно из названия, состоит в том, что наблюдаемый мир может являться компьютерной симуляцией (например, по аналогии с компьютерной игрой). На этот счет существует много спекуляций и досужих размышлений, но, если говорить строго, это довольно маловероятно. Маловероятно по той причине, что такая сложная симуляция (наблюдаемая вселенная) потребовала бы невероятно мощных вычислительных возможностей, объемов памяти и скорости обработки информации. Более того, как показал Ллойд Сет⁵, универсальный компьютер (который, как правило, оперирует двоичным кодом, хотя возможна и троичная реализация) в принципе не может быть симуляцией наблюдаемой реальности, поскольку он не может воспроизводить квантовые процессы (а только имитировать их, и чем сложнее квантовая система, тем больше ресурсов требуется для такой имитации). Но симуляция вселенной возможна — в том случае если используется квантовый компьютер (который оперирует не битами, а кубитами — единица информации может принимать значение 0, 1 или 0 и 1 одновременно). Правда, такой компьютер должен быть размером во вселенную. Но это уже технические детали, важно то, что теоретически это возможно.

«Все из бита»⁶, — как сказал Джон Уилер, все есть программный код. Каковы следствия этого? Наверное, основное, что мир есть не то, чем он кажется. Иначе говоря, есть подлинная, базовая реальность, на основе которой симулирована эта, наблюдаемая, реальность. Похожа ли фундаментальная реальность на симулированную, является ли симуляция копией настоящей реальности или ее упрощенным подобием, или же она в принципе другая и существует по другим принципам, неизвестно. Возьмем в качестве примера популярную видеоигру *The Sims* (симулятор жизни) — можно сказать, что она является подобием реальности (довольно бледным, но все же). Если же взять в качестве примера классический «Тетрис», то, очевидно, общего между нашей реальностью и миром тетриса не так уж много. Поэтому, если при условии верности гипотезы симуляции наша реальность находится к фундаментальной в том же отношении, что и «тетрис» к нашей реальности, то это будет означать, что базовая реальность намного сложнее, подчиняется другим физическим принципам и, соответственно, функционирует совершенно иначе.

⁵ *Lloyd S. The Universe as Quantum Computer // A Computable Universe: Understanding and Exploring Nature as Computation / Ed. by H. Zenil. Singapore: World Scientific Publishing Company, 2012. P. 567–581.*

⁶ *Wheeler J. A. “Information, physics, quantum: The search for links” in Zurek W. (ed.) Complexity, Entropy, and the Physics of Information. Addison-Wesley, 1990. P. 5.*

Уже античные философы, не вводя понятие симулированной реальности, видели эту проблему, рассуждая о том, что органы чувств не дают нам достоверной картины мира. Мир устроен сложнее и иначе — и это понимание идет путеводной нитью через всю историю философии и послужило причиной становления и развития естественной науки. Пользуясь современным языком, можно сказать, что наши органы чувств (и даже сознание) порождают для нас эту самую симулированную реальность, и задача состоит в том, чтобы через нее пробиться к подлинной (если это возможно). Для Аристотеля это было возможно. Собственно, поэтому и следовало заниматься философией. Для его учителя Платона дело обстояло сложнее — через нашу реальность, иллюзорную реальность теней, познать подлинную, базовую, реальность невозможно, между ними нет связи, держась за которую можно было бы осуществить восхождение. Познать можно только сразу подлинную реальность (мир идей) путем прямого его созерцания.

Для Джорджа Беркли существовать могло лишь то, что воспринимается (это касается немыслящих вещей, мыслящее существует в силу постулата (назовем это положение так) Рене Декарта). Однако это не значит, что воспринимаемое в самом деле существует, речь лишь о том, что не воспринимаемое не может существовать: нет смысла говорить о том, что существует какая-то вещь, если мы не можем ее в принципе воспринимать. В то же время все, что мы воспринимаем, может оказаться иллюзией, как можно было бы сказать сейчас — симуляцией, порожденной нашим мозгом, но так это или не так, проверить невозможно. Для Иммануила Канта существуют ноумены — то, как вещи есть сами по себе, и они для нас непознаваемы, познаваемы лишь явления. Широко известно его рассуждение о том, что даже пространство и время, вроде фундаментальные с точки зрения физики сущности, есть лишь априорные формы чувственности, позволяющие рисовать в нашем сознании мир, который мы можем воспринимать, но они не объективны в том смысле, что действительно существуют. Как же далека в таком случае та самая подлинная, базовая реальность, которую хотим узнать? Может быть, и бесконечна далека.

Гипотеза симуляции открывает широкие просторы для междисциплинарных исследований в связи с космологией и философией сознания (которая, в свою очередь, опять же в контексте кибернетики, нуждается в нейробиологических исследованиях и в области искусственного интеллекта⁷). Так, эта гипотеза предлагает ориги-

⁷ Интересно, что науки, какой-то специализированной области, имеющей обособленное название, занимающейся ИИ, нет, исследования ИИ лежат в пространстве взаимодействия кибернетики, информатики, психологии, нейробиологии и некоторых других областей.

нальную версию множества миров. Ее специфика в том, что это модель вложенных миров. Есть базовая реальность — в ней создается симуляция. В этой симуляции создается еще одна симуляция. В той еще одна и так далее — теоретически до бесконечности (при принятии идеи бесконечности времени в обоих направлениях). Интересно, что последовательность может быть в принципе бесконечной и не иметь базовой реальности, первичного мира, в котором создавалась первая симуляция. Она может быть и конечной, но замкнутой в окружность таким образом, что базовой реальности не будет, так как каждая реальность порождена предыдущей.

Есть другая возможность мультиверса на основе гипотезы симуляции — это мир как видеоигра. Видеоигра может иметь бесконечное количество виртуальных копий и вариантов прохождения одним и тем же игроком и разными игроками (в том числе полностью одинаковых прохождений). Герои игры, таким образом, проживают множество жизней в разных мирах (можно сказать параллельных — и тут есть сходство с многомировой интерпретацией квантовой механики⁸).

Здесь напрашивается очевидное возражение: мы не можем быть в видеоигре, поскольку в видеоигре персонажами управляют, они не обладают свободой выбора, таким образом, мы хотели бы делать одно, а игрок за нас делает другое. Разве что мы «боты» — неигровые персонажи, которыми в современных играх управляет ИИ, но с учетом гипотезы симуляции могли бы быть самостоятельными. Но в таком случае, на более глобальном уровне, мы все равно были бы управляемы ИИ, как модули, полностью являющиеся частью программы.

На это возражение (что мы заметили бы, что нами управляют, и тогда возник бы конфликт интересов — между нашей волей и волей реального игрока) есть возражение. Оно основано на результате эксперимента нейробиолога Бенджамина Либета⁹. Этот эксперимент показал, что существует разрыв между потенциалом готовности совершить действие, собственно действием и осознанием. Иначе говоря, сначала в мозге возникает потенциал готовности (решение совершить действие уже принято), затем следует его осознание, и уже затем совершается само действие. Таким образом, у нас есть иллюзия осознанного принятия решения — просто по той причине, что мы не осознаем то, чего не осознаем. Впрочем, с точки зрения нейро-

⁸ *Everett H.* Relative State Formulation of Quantum Mechanics // Review of Modern Physics. 1957. Vol. 29. P. 454–462.

⁹ *Libet B.* Unconscious Cerebral Initiative and the Role of Conscious Will in Voluntary Action // The Behavioral and Brain Sciences. 1985. Vol. 4. No. 8. P. 529–539.

биологии здесь нет никакой драмы¹⁰, это даже вполне естественно — все процессы она полагает физическими и сознание имеет такую же природу. Поэтому, конечно, логично, что сначала происходят низкоуровневые процессы нейронных связей, потом уже высокоуровневые (осознание как сложный процесс, связанный с функциями лобной коры головного мозга). Драма есть для философии — с важным для нее в тактическом и стратегическом планах дуализме «души» и «тела». Под душой, конечно, понимается сознание, под телом то, что доступно для описания как физического объекта и процесса. Отделенность сознания для философии важна, потому что таким образом она сохраняет за собой и роль науки (выбираясь из мира спекулятивного), а не только функцию обоснования и объяснения, почти все остальное отдав на откуп другим наукам. Но сознание — самое, наверное, важное — остается ее полем деятельности, будучи не физическим. И философия тут права (по крайней мере пока): ни физика, ни нейробиология, ни кибернетика, ни кто-либо еще не могут сказать, что такое сознание, какова его природа и как оно функционирует на фундаментальном уровне. Но, что важно, не может этого сказать и философия. Здесь открывается еще одна роль философии — будучи центром притяжения региональных онтологий, она в то же время и сама является региональной онтологией, и так же нуждается в других предметных областях, как и они в ней.

Интересно, что картезианское «*Cogito ergo sum*» приобретает в этом контексте новое звучание. Тот факт, что мы мыслим (будучи в нашем предположении программными модулями), не доказывает, что мы существуем. Потому что можно сказать: мыслит программа, искусственный интеллект, ее же мысли мы принимаем за свои. Однако это не доказывает и того, что мы не существуем. Правильным будет такой вопрос: «существует ли программный код»? Да, стоит оглянуться вокруг и независимо от того, «реален» или «не реален» окружающий мир, является ли он лишь воображаемым или нет, ответ будет «да». Потому что если мир — это симуляция, виртуальная реальность, то все есть программный код. Существует только он, и больше ничего, будь он воображаемым или нет — граница между тем, что принято называть «реальным», и тем, что принято называть «виртуальным», размывается. Но все же Декарт прав (и даже более прав Августин с его *Si fallor, sum*¹¹ («Ошибаюсь, следовательно, су-

¹⁰ Драмы нет для нейробиологов и в целом, но это не значит что ее нет и для отдельных нейробиологов. Тот же Либет пытался позднее решить эту проблему в философском ключе (*Libet B. Mind Time: The Temporal Factor in Consciousness (Perspectives in Cognitive Neuroscience)*). Cambridge: Harvard University Press, 2005).

¹¹ *Августин*. О граде Божьем. СПб.: Алетейя, 1998. XI. 26.

ществую»): сам факт восприятия окружающего мира, каким бы он ни был, говорит о том, что его некто воспринимает, и, стало быть, этот некто, кем бы и чем бы он ни был, существует.

У Чжуан-цзы есть известная притча: «Однажды я, Чжуан Чжоу, увидел себя во сне бабочкой — счастливой бабочкой, которая порхала среди цветков в свое удовольствие и вовсе не знала, что она — Чжуан Чжоу. Внезапно я проснулся и увидел, что я — Чжуан Чжоу. И я не знал, то ли я Чжуан Чжоу, которому приснилось, что он — бабочка, то ли бабочка, которой приснилось, что она — Чжуан Чжоу. А ведь между Чжуан Чжоу и бабочкой, несомненно, есть различие. Вот что такое превращение вещей!»¹²

Смысл притчи таков, что кому-то может снится мыслящим себя Декарт, однако не факт, что он Декарт. И тем не менее этот некто существует (а точнее, нечто — ведь все сущее в обсуждаемой гипотезе есть программный код). Здесь теряет смысл это «Я». Оно исчезает, оно оказывается иллюзией, нет никакого «Я», есть только программный код (биты: единицы и нули, и каждая единица идентична единице, а ноль — нулю), все остальное — иллюзия восприятия. Здесь можно было бы позволить себе пафосную мудрость (которая, правда, не имеет особого продуктивного смысла): в мире существует лишь одно различие — различие между 1 и 0.

Декарт, пользуясь своим рассуждением, приходит к выводу о существовании мира и Бога. Мы же можем задаться вопросом, что управляет программой? Есть ли верховный Программист или же верховный Искусственный интеллект? Строго говоря, не обязательно. Как было показано¹³ в основе вселенной может лежать простая случайная программа, которая уже после привела к порождению ИИ. То есть разум в таком сценарии оказывается вторичным, он становится не источником творения, а его продуктом. Но ничто не мешает ИИ, взяв за основу данный программой образец, самому начать творить миры.

Рассмотренный выше подход, основанный на гипотезе симуляции, заставляет считать, что разница между различными видами реальности чисто терминологическая и происходит из особенностей нашего восприятия, в силу которого одни явления мы склонны полагать более реальными, чем другие, или же имеющими иной статус реального, или же вообще нереальными. Но это субъектив-

¹² *Чжуан-цзы*. Ле-цзы / Пер. с кит., вступ. ст. и примеч. В. В. Малявина. М.: Мысль, 1995. С. 73.

¹³ *Schmidhuber J. A Computer Scientist's View of Life, the Universe, and Everything / Freksa C. (ed.) Foundations of Computer Science: Potential — Theory — Cognition. Lecture Notes in Computer Science, Springer, 1997. P. 201–208.*

ная точка зрения, имеется же единственная реальность — и это число (возвращаясь к пифагорейцам).

Здесь, конечно, возникают если не парадоксальные, то, по крайней мере, могущие показаться странными выводы. Если все так, то это означает, что все мыслимое нами, все воображаемое, все виденное во сне имеет тот же статус реального, что и бывшее наяву (сказать «в действительности» уже нельзя, потому что все есть действительность: нельзя сказать, что одни единицы и нули существует актуально, действительно, а другие только в потенции). Значит ли это, что все, что мы можем помыслить, — существует?

Ответить на этот вопрос в том смысле, в каком мы хотим, невозможно, потому что расплывчато само понятие существования. В том контексте, который мы обсуждаем (в рамках гипотезы виртуального мира), ответ будет «да, существует» — потому что очевидно, что в этой реальности единственное, что существует, так это биты, а с их помощью может быть представлена любая информация. Это напоминает дискуссию о математическом открытии — можно ли сказать, что оно существовало до того, как его открыли? Впрочем, использование самого термина «открыли» говорит о том, что да, существовало — это было всегда, просто мы не знали об этом (в пользу этого аргумента говорит то, что нередко математические конструкции оказываются востребованы спустя время для физических описаний доказательств, то есть они коррелируют с наблюдаемой реальностью).

Если же мы задаем этот вопрос в смысле «существует для нас», ответ будет «нет», так как мы не наблюдаем и, скорее всего, никогда не будем наблюдать все диковинное, что можем вообразить.

Но можем ли мы вообразить нечто в принципе невозможное? И на этот вопрос ответить трудно (хотя попытки конечно были), потому что мы не знаем, что невозможно или, точнее, каковы границы возможного.

Но мы можем попытаться ответить на вопрос, что возможно. И ответ на этот чисто философский вопрос приходит к нам из другого региона — из квантовой механики. Квантовая механика, если выражаться обыденно, говорит о том, что возможно все возможное. Возможное — это вероятное, таким образом, вероятно все вероятное. Что же вероятно? Вероятно все, что не запрещено законами природы: любые комбинации частиц, взаимодействия между ними, любые флуктуации. С этой точки зрения, все мыслимое нами вероятно, потому что не противоречит законом природы, и, значит, где-нибудь и когда-нибудь случается (а при допущении неограниченного пространства-времени бесконечного множества миров, случается наверняка).

Но можем ли мы помыслить нечто противоречащее законам природы и, следовательно, невозможное? Популярный пример такого рода — вечный двигатель (который противоречит закону сохранения энергии¹⁴). Да, мы можем вообразить двигатель, и скорее всего вообразим двигатель внутреннего сгорания, используемый, например, в автомобилях. Возможно, электродвигатель или еще какой-нибудь. Причем сможет это сделать в полной мере только специалист, который понимает, как работает этот двигатель, остальные же представят оболочку и некие общие принципы работы двигателя. Однако сможет ли он (особенно специалист) вообразить именно вечный двигатель — его форму и содержание (принципы работы)? Если бы смог — то он изобрел бы вечный двигатель, который невозможен. Таким образом, мы воображаем возможное, а все возможное вероятно, а все вероятное когда-нибудь и где-нибудь случается. И значит, реально все.

В настоящей статье был представлен пример междисциплинарного синтеза на основе идеи региональных онтологий — совмещения различных предметных областей научного знания и различных подходов к одной и той же области. Было показано, что знание может нуждаться в совместной работе нескольких дисциплин, как в нашем примере: философии, кибернетики, информатики, нейробиологии, физики, космологии. Причем не просто нуждаться, а эта совместная работа становится необходимой, чтобы иметь возможность продвигаться на пути познания и получить некое новое знание или показать, к чему мы можем прийти, приняв ту или иную гипотезу (или, по крайней мере, сформулировать новые вопросы в правильной постановке, которые смогут наметить пути исследований и очертить проблемное поле). В нашем примере, начиная с гипотезы симуляции и идеи множества миров, мы приходим к выводу, что статус реального безгранично расширяется, захватывая все — реальным оказывается все возможное, и более того — все мыслимое.

При этом философия оказывается тем фундаментом, на основе которого становится возможной такая совместная работа, и в то же время она является инструментом объединения — тем методом и базисом, который позволяет на своем языке говорить о различных предметных областях, обеспечивая их синтез и заставляя говорить об одном и то же на одном языке. Собственно, уже название этих иных областей — региональные онтологии — обязывает их

¹⁴ Правда, с этим постулатом не все так просто — это метафизическое допущение, необходимое для того, что наша физика работала как надо. Но в данном случае будем считать для удобства, что это закон природы.

подчиниться философии, поскольку онтология в полной мере дело философии, или, точнее, это и есть философия.

И в то же время философия сама нуждается в этих областях — без них ей нечего сказать. Они наполняют ее содержанием и запускают, выражаясь языком информатики, программный код философии.

Литература

Августин. О граде Божьем. СПб.: Алетейя, 1998.

Гуссерль Э. Феноменология внутреннего сознания времени / Пер. с нем. и предисл. В. И. Молчанова. М.: Гнозис, 1994.

Хайдеггер М. Бытие и время / Пер. с нем. В. В. Библихина. М.: Ad Marginem, 1997.

Чжуан-цзы. Ле-цзы / Пер. с кит., вступ. ст. и примеч. В. В. Малявина. М.: Мысль, 1995. С. 73.

Bostrom N. Are You Living in a Computer Simulation? // *The Philosophical Quarterly*. 2003. Vol. 53. No. 211. P. 243–255.

Chalmers D. Reality+: Virtual Worlds and the Problems of Philosophy. New York: Norton & Company, 2022.

Dainton B. On Singularities and Simulations // *Journal of Consciousness Studies*. 2012. Vol. 19. No. 1/2. P. 42–85.

Everett H. Relative State Formulation of Quantum Mechanics // *Review of Modern Physics*. 1957. Vol. 29. P. 454–462.

Husserl E. Logische Untersuchungen. Erster Band. Prolegomena zur einen Logik (1900) // *Husserliana*. Bd. XVIII. The Hague, 1975.

Husserl E. Zur Phänomenologie der Intersubjektivität. Texte aus dem Nachlaß. Erster Teil: 1905–1920 / Hg. v. I. Kern // *Husserliana*. Bd. XIII. 1973

Libet B. Mind Time: The Temporal Factor in Consciousness (Perspectives in Cognitive Neuroscience). Cambridge: Harvard University Press, 2005.

Libet B. Unconscious Cerebral Initiative and the Role of Conscious Will in Voluntary Action // *The Behavioral and Brain Sciences*. 1985. Vol. 4. No. 8. P. 529–539.

Lloyd S. The Universe as Quantum Computer // *A Computable Universe: Understanding and Exploring Nature as Computation* / Ed. by H. Zenil. Singapore: World Scientific Publishing Company, 2012. P. 567–581.

Schmidhuber J. A Computer Scientist's View of Life, the Universe, and Everything / *Freksa C. (ed.) Foundations of Computer Science: Potential — Theory — Cognition. Lecture Notes in Computer Science*, Springer, 1997. P. 201–208.

Tegmark M. Our Mathematical Universe: My Quest for the Ultimate Nature of Reality. New York: Knopf Doubleday Publishing Group, 2014.

Tegmark M. Is the Theory of Everything Merely the Ultimate Ensemble Theory? // *Annals of Physics*, 1988. Vol. 270. No. 1. P. 1–51.

Wheeler J. “Information, physics, quantum: The search for links” in *Zurek W. (ed.) Complexity, Entropy, and the Physics of Information*. Addison–Wesley, 1990.

White J. Simulation, Self-extinction, and Philosophy in the Service of Human Civilization // *AI and Society*. 2016. Vol. 31. No. 2. P. 171–190.

Раздел III.
Архитектоника
«региональных
ОНТОЛОГИЙ»
в гуманитарной
перспективе

Модели, доменные онтологии и схематизм понятий

Наука рассматривается как эпистемическая структура, обеспечивающая взаимное страхование двух основных познавательных способностей человека: восприятия и рассуждения, имея в виду склонность обеих к ошибкам и искажениям. Их взаимная увязка порождает предметность, состоящую из значений слов языка, которым сопоставлены огрубленные и аппроксимированные перцептивные образы («объекты»). Эта предметность образует онтологию здравого смысла и научные онтологии. Мозг как вычислительная машина, чтобы увеличить собственную универсальность, сохранив при этом энергетическую эффективность, вынужден прибегать к огрубленным и аппроксимированным по времени репрезентациям, минимально необходимым для ориентации и обеспечения жизненных функций. Поэтому в этом отношении он функционирует как цифровой компьютер, отображая континуум действительных чисел в ограниченные диапазоны врожденных репрезентативных средств (таких как цветность). И поэтому же наука, создаваемая человеком, не может обойтись без предметных онтологий, на объектах которых интерпретируются ее формальные выражения. Предположительно, искусственный интеллект в занятиях наукой мог бы обойтись без них, получая входные данные и прямо подставляя их в качестве значений переменных, не превращая их в феноменальные образы. Позиция научного реализма, согласно которой онтология истинной теории является ее логическим следствием и потому также истинна, внутренне противоречива.

Ключевые слова: научная онтология, метаонтология, теория, репрезентация, научный реализм.

Igor F. Mikhailov

MODELS, DOMAIN ONTOLOGIES AND SCHEMATISM OF CONCEPTS

Science is considered an epistemic structure that ensures the mutual insurance of the two basic human cognitive capabilities: perception and reasoning, taking into account the propensity for error and distortion of the two. Their interconnection generates objectivity, consisting of linguistic meanings, with coarse-grained approximated perceptual images (“objects”) juxtaposed thereto. This objectivity forms both the ontology of common sense and scientific ontology. The brain as a computing machine, in order to increase its universality while maintaining energy efficiency, is forced to resort to coarse-grained and time-approximate representations as a minimal configuration for orientation and preservation of vital functions. Therefore, in this respect it acts like a digital computer, mapping the continuum of real numbers onto a limited range of innate representational tools (such as chroma). And therefore, science created by humans cannot do without object ontologies as interpretation models for its formal statements. Presumably, artificial intelligence could do without them in making science, taking inputs and directly substituting them as variable values without turning them into phenomenal images. The position of scientific realism, according to which the ontology of true theories is its logical consequence, and therefore also true, is intrinsically contradictory.

Keywords: scientific ontology, metaontology, theory, representation, scientific realism.

У человека есть два единственных окна в мир: восприятие и рассуждение. Первое, коротко говоря, представляет собой огрубленные и аппроксимированные по времени¹ и по точности² мультимодальные репрезентации внешних данных средствами нескольких врожденных «палитр», таких как, например, цветность, геометрические формы, высота и тембральный окрас звуков, конечный набор исходных вкусовых ощущений. Из изысканных сочетаний этих ограниченных выразительных средств рождаются живопись, архитектура, симфонии, а также всевозможные *hautes cuisines*³. Поскольку перевод континуальных внешних данных в дискретные квалиа реализуется аналоговыми механизмами, и ощущения в целом соответствуют диапазону значений физических данных с нечеткими границами, это порождает ошибки, искажения и иллюзии, которые еще греками были обобщены в убеждении, что «чувства обманывают».

Второе становится возможным с появлением языков с дифференцированной лексикой, которое, в свою очередь, следует за вызреванием развитой социальности — нащупанным слепой эволюцией способом увеличения вычислительных мощностей отдельных мозгов путем объединения их в сети с возможностью распределения и параллелизации вычислений. Здесь возникает примерно та же формальная ситуация, что и в первом случае: конечное множество символических средств репрезентации — слов — отображается в потенциально бесконечное множество сочетаний качественных впечатлений различного объема и интенсивности, деля их на *вещи* и объединяя в *виды* и *роды*. Полученная сложная структура создает возможность *вывода*: установления формального (количественного) тождества между знаками, словами и высказываниями, представляющими различные, но пересекающиеся наборы данных. Поскольку в результате формального вывода происходит преобразование семантики выражений, первые философы рассматривали эту процедуру как альтернативный способ получения *знаний* — то есть прорыва к миру «как он есть», — причем более надежный, чем восприятие, или даже единственно и абсолютно надежный, что

¹ Friston K. J. et al. Deep temporal models and active inference // *Neuroscience & Biobehavioral Reviews*. 2017. Т. 77. С. 388–402.

² Limanowski J., Friston K. “Seeing the Dark.” Grounding phenomenal transparency and opacity in precision estimation for active inference // *Frontiers in Psychology*. 2018. Vol. 9. May.

³ высокие кухни (*фр.*).

наиболее явным образом характеризует философии Парменида и Платона.

Впрочем, последующая история развеяла этот наивный оптимизм. И, подобно океанографам в притче про морское чудовище⁴, мыслящее человечество было вынуждено искать и формализовывать корреляции между данными и гипотезами, поступающими из обоих альтернативных окон — чувственного и рационального. Эти корреляции и обобщающие их *законы* и составили то, что стало называться *наукой*. Полученный способ застраховаться от несовершенств различных способов репрезентации путем страхования их другими способами — тоже не вершина надежности, но он — лучшее, что у нас есть, по крайней мере, на данном этапе нашего природно-социального развития. Тем более что в живой природе различные перцептивные модальности страхуют друг друга аналогичным образом.

Взглянув на исторический путь познания под таким углом зрения, можно в полной мере оценить наивность расхожих идиом, которые увязывают науку с «торжеством Разума». Возможно, такие метафоры оправданны в противопоставлении науки мифам и религии, но не в ее противопоставлении философии. В последнем случае мы видим как раз ограничение произвола выводных процедур данными, поступающими по другому каналу. И в этом я усматриваю если не окончательную победу номинализма в споре с реализмом, то как минимум признание неизоморфности мира логическим структурам.

Онтологии и их когнитивные основания

Почему же в благородном деле познания мира человеческий род не может обойтись без этих странных для стороннего наблюдателя ухищрений, таких как привязка знаковых выражений к чувственным образам или вероятностный вывод? Все дело в принципе сохранения энергии, которая, как известно, не только никуда не девается, но и ниоткуда не возникает. А мы, как и другие живые существа, — мобильные устройства с весьма ограниченным запасом расходуемой энергии, нам нужно суметь дожить от завтрака до обеда. Мир, чем бы он ни был на самом деле, предоставляет нескончаемый поток континуальных данных, которые как таковые могут

⁴ Михайлов И. Ф. Восприятие, логика и множественность рациональных репрезентаций мира // Философские науки. 2019. Т. 62. № 7. С. 41.

быть выражены только действительными числами. Но все до сих пор известные вычислительные устройства — живая клетка, генный механизм, мозг, настольный компьютер и т. п. — или умеют оперировать только булевыми значениями (1 или 0) на каждом шаге алгоритма, и тогда они являются цифровыми, или, в редких случаях, их можно считать аналоговыми, то есть манипулирующими действительными числами непосредственно, но тогда они имеют крайне узкую сферу применимости (как, например, регулятор Ватта), и их *вычислительный* статус вызывает у некоторых сомнения. Можно ли, например, в явном виде сформулировать правило, по которому одни континуальные величины преобразуются в другие в аналоговых измерителях или регуляторах: давление пара в центробежную силу или показатель освещенности в силу тока?

Джерри Фодор когда-то давно высказал мысль, что взросление человеческого мозга заключается не в увеличении его вычислительной мощности, а в универсализации применимости тех же алгоритмических процедур, которые мозг младенца применяет только к специфическим задачам⁵. Очевидно, что для увеличения универсальности алгоритма мы должны формулировать его на языке более абстрактных инструкций. А это с неизбежностью ведет к огрублению и округлению обрабатываемых данных, когда вместо соответствия конкретных величин рассчитывается соответствие их диапазонов, более или менее строго определенных. Не случайно искусственный компьютер с универсальной применимостью появился только с внедрением расчетов с использованием булевых значений — попадает входящее данное в предзаданный диапазон или нет — и соответствующей задаче двоичной системы исчисления. Так устроены современные аналогово-цифровые преобразователи визуальной и звуковой информации, но принципиально так же устроено и естественное человеческое цвето- и звуковосприятие.

Интересно отметить, что, когда между нашим естественным цветовым или звуковым компьютером, помещенным в голове, встает компьютер-посредник, огрубляющий и дискретизирующий континуальные данные по своему собственному алгоритму и со своими собственными ошибками, чтобы потом снова обратить их в аналог и представить пред наши очи и уши⁶, некоторые из нас, несмотря на очевидные преимущества цифровой обработки изо-

⁵ *Fodor J.* Some reflections on L. S. Vygotsky's Thought and Language // *Cognition*. 1972. Vol. 1. № 1. 1972. Т. 1. № 1. С. 93.

⁶ Например, широко применяемые сегодня аналого-цифровые (АЦП) и цифро-аналоговые (ЦАП) преобразователи.

бражений и звука, жалуется на потерю чего-то такого, что могут выразить только метафорами «легкости», «воздушности», «пространственности», «теплоты» и т. п. Это легко объяснимо, поскольку дополнительная ступень огрубляющей трансформации данных неизбежно связана с дополнительной потерей действительной континуальной информации, которая не схватывается ни рациональными числами, ни еще более дискретными словами естественного языка, не говоря уже о физических ошибках процесса оцифровки. Причем потерянные данные могут быть как адекватными источнику, так и собственными искажениями всегда несовершенных аналоговых электроакустических преобразователей — например, знаменитый «теплый ламповый звук», — но в любом случае мозг «чувствует», что ему подсунули дистиллят вместо родного вкуса колодезной воды.

Онтологии и перцепции

Исходя из сказанного, можно предположить, что, если бы науку делал искусственный интеллект, он, может быть, не нуждался бы в онтологиях. Не потому, что ему не нужны были бы эмпирические (логически не выводимые, то есть не содержащиеся в программе обработки) данные — как было сказано выше, — именно страховка такими данными рациональных выводов составляет эпистемическую специфику науки. А потому, что ему не нужно было бы привязывать результаты вычислений к огрубленным качественным образам, унаследованным нами от животных предков, которые известны философам под именем «чувственные образы». Но образы чего?

Здесь мы имеем дело с еще одной — обыденной — разновидностью некритического реализма. Если научный реализм полагает истинную теорию буквальным образом мира как он есть, то реализм обыденный полагает чувственные образы образами реальных вещей.

Необходимо пояснить разницу между традиционно-философским термином «образ» (*εἶδος*) и более недавним философско-когнитивным термином «репрезентация». «Образ» имплицитно предполагает похожесть, причем именно в человечески-чувственном смысле, в смысле, например, похожести портрета на модель, похожести, которая, как и красота, существует прежде всего или исключительно *in the eye of the beholder*⁷. Это похожесть не объективных данных, а их субъективного огрубленного представления.

⁷ «Красота — в глазах смотрящего» — известная английская идиома, истоки которой обнаруживаются у различных авторов прошлых эпох.

Объективный «состав» реального актера на сцене и его проекции на эмульсии киноплёнки, не говоря уже о голограмме, различаются кардинально. Однако наш мозг, получая данные от столь разных физических объектов, тем не менее рисует более или менее один и тот же *образ*. То же происходит со звуковыми образами: крик утки, его имитация попугаем, звук охотничьего манка... Я пишу эту статью, изолируя себя от внешней акустической среды инструментальной музыкой, которая звучит в наушниках, способных «рисовать» сцену, перцептивно выходящую за их физические границы, и к тому же располагать отдельные инструменты как бы выше или ниже. Мозг проделывает трюки с нашим восприятием, потому что эволюционно он дан нам, не чтобы «отражать» мир, а чтобы помогать выжить в нем с максимальной энергетической эффективностью⁸, и некоторые люди и животные успешно этим пользуются, порождая иллюзии в чужих головах.

Репрезентация же, в отличие от образа, воспроизводит объективные, математически выразимые характеристики своего оригинала. Говорящий пример от Витгенштейна: «Граммфонная пластинка, музыкальная тема, нотная запись, звуковые волны — все они находятся между собой в таком же внутреннем отношении отображения, какое существует между языком и миром. <...> Существует общее правило, с помощью которого музыкант может воспроизвести симфонию по ее партитуре, правило, позволяющее воспроизвести ее по линиям грамзаписи [в оригинале *Grammophonplatte*. — *И. М.*] и вновь восстановить партитуру. В этом как раз и состоит внутреннее сходство таких, на первый взгляд, столь различных построений. И это правило — закон проекции, по которому в нотном письме симфония проецируется. Это — правило перевода языка нот в язык граммофонной записи [*Grammophonplatte*. — *И. М.*]⁹. Иначе говоря, в случае репрезентации можно построить машину — реальную или виртуальную, — которая могла бы переводить *формальные показатели* одних данных или процессов в формальные показатели других в соответствии с некоторой функцией. Именно таковой — естественной — машиной является механизм репликации, транскрипции и трансляции РНК в живых организмах.

⁸ См. работы Дональда Хоффмана: *Hoffman D. The Case Against Reality Why Evolution Hid the Truth from Our Eyes*. New York—London, 2019; *Hoffman D. Do we see reality? // New Sci* (1956). 2019. Vol. 243. № 3241; *Hoffman D. The Interface Theory of Perception // Curr Dir Psychol Sci*. 2016. Vol. 25. № 3. P. 157–161.

⁹ *Витгенштейн Л. Логико-философский трактат // Витгенштейн Л. Философские работы. Ч. I / Под ред. М. С. Козлова, Ю. А. Асеева. М.: Гнозис, 1994. С. 19–20.*

На самом деле, в этом отношении принципиальной разницы *sub specie aeternitatis* между образом и репрезентацией нет — есть разница лишь аспектуальная, в нашем сегодняшнем взгляде на эти вещи. Когда будет разгадан закон проекции, управляющий переводом агрегата живых клеток, или засвеченной фотоэмульсии, или голограммы в визуальные образы Анни-Фрид Лингстад или Агнеты Фэльтског, это будет означать принципиальный шаг к разгадке *трудной проблемы сознания*, сформулированной Дэвидом Чалмерсом¹⁰. Разница состоит в том, что конструирование образов *феноменального сознания* происходит без участия *сознания доступа*¹¹, при том что они, конечно же, являют собой разновидность репрезентации.

Карл Фристон, нейробиолог и основатель когнитивно-биологической теории предиктивного процессинга, считает, что как квалиа, так и образы целостных «вещей» являются аппроксимациями перцептивных данных по времени¹². Вещь, сущность, *ουσία*, таким образом, представляет собой конструкт мозга, имеющий большее отношение к его собственной архитектуре и встроенным способам репрезентации, чем к составу мира как он есть. «Квалиа — точно так же, как собаки и кошки [как примеры любых объектов. — *И. М.*] — являются частью предполагаемого набора скрытых причин (то есть эмпирических гипотез), которые лучше всего объясняют и предсказывают развивающийся поток энергий через наши сенсорные поверхности»¹³.

Интересно, что роль времени также подчеркивается в кантовском учении о схематизме чистых рассудочных понятий, автор которого, используя собственный философский язык, несущий печать своего времени, формулирует весьма схожую мысль. Задав-шись вопросом, каким образом чистые понятия рассудка, в том числе категории, могут быть применимы к сущностно отличной от них чувственной «материи» опыта, Кант предполагает: «...должно существовать нечто третье, однородное, с одной стороны, с категориями, а с другой — с явлениями и делающее возможным приме-

¹⁰ Chalmers D. J. Facing Up to the Problem of Consciousness // Journal of Consciousness Studies. 1995. Vol. 2. № 3. P. 200–219.

¹¹ Различие между феноменальным сознанием и сознанием доступа сформулировано Недом Блоком (*Block N.* On a confusion about a function of consciousness // Behavioral and Brain Sciences. 1995. Vol. 18. № 2. P. 227–247), имеется в виду противопоставление качественному опыту и собственно состояния осознанности.

¹² Friston K. J. et al. Deep temporal models and active inference // Neuroscience & Biobehavioral Reviews. 2017. Vol. 77. P. 388–402, 486–501.

¹³ Clark A., Friston K., Wilkinson S. Bayesing qualia: Consciousness as inference, not raw datum // Journal of Consciousness Studies. 2019. Vol. 26. № 9–10.

нение категорий к явлениям. Это посредствующее представление должно быть чистым (не заключающим в себе ничего эмпирического) и тем не менее, с одной стороны, *интеллектуальным*, а с другой — *чувственным*. Именно такова *трансцендентальная схема*¹⁴.

То, что делает возможным применение чистых понятий к явлениям, — это трансцендентальное временное определение, которое «опирается на общее правило»¹⁵ (вспомним правило как «закон проекции» у Витгенштейна). Поскольку «единственный способ, каким предметы могут быть нам даны, есть *модификация* (курсив мой. — *И. М.*) нашей чувственности»¹⁶, понятия должны содержать формальное и чистое условие чувственности, а именно, внутреннего чувства, априорной формой которого выступает время. Это формальное условие и есть *схема* предмета, в принципе подпадающего под данное понятие¹⁷. «В действительности, — продолжает Кант, — в основе наших чистых чувственных понятий лежат не образы предметов, а *схемы*»¹⁸. И далее: «Этот схематизм нашего рассудка в отношении явлений и их чистой формы есть скрытое в глубине человеческой души искусство, настоящие приемы которого нам вряд ли когда-либо удастся угадать у природы и раскрыть»¹⁹. В то же время, «*образ* есть продукт эмпирической способности продуктивного воображения, а *схема* чувственных понятий (как фигур в пространстве) есть продукт и как бы монограмма чистой способности воображения а priori; прежде всего благодаря схеме и сообразно ей становятся возможными образы, но связываться с понятиями они всегда должны только при посредстве обозначаемых ими схем и сами по себе они совпадают с понятиями не полностью»²⁰. Важно, что «по удалении всех чувственных условий чистые рассудочные понятия сохраняют значение, однако лишь логическое, а именно, значение только единства представлений, которым, однако, не дан никакой предмет и, стало быть, не дано и значение, допускающее понятие об объекте»²¹.

Таким образом, согласно Канту, чистый рассудок, структурированный понятиями (то есть, проще говоря, словами языка и их

¹⁴ Кант И. Критика чистого разума // Собр. Соч. В 8 т. Т. 3 / Под ред. А. В. Гулыги. М.: ЦОРО, 1994. С. 156–157.

¹⁵ Там же, С. 157.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же, С. 158.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же, С. 158–159.

²⁰ Там же, С. 159.

²¹ Там же. С. 162.

значениями), был бы лишен всяческого доступа к чувственной материи опыта, если бы его понятия не были снабжены «портами» к мультимодальным входным данным в виде схем предметов, априори релевантных понятию и структурированных, в свою очередь, временем (аппроксимация перцептивных данных по времени, согласно Фристону). Образы же подобны схемам в том, что также являются результатом продуктивного воображения, спонтанность которого проявляется в чистом творческом акте, не объяснимом наукой, но отличны в том что суть продукты эмпирического воображения, а не трансцендентального, как схемы.

Если бы был возможен двусторонний диалог Фристана с Кантом, первый, я думаю, смог бы убедить последнего, что вся «трансцендентальность» состоит в эволюционно сложившейся архитектуре нашего бортового компьютера и формах репрезентаций (правил проекции), которые он использует. А от себя я бы добавил, что трансцендировать за пределы этой Платоновой пещеры мы сможем, лишь если научимся создавать универсальные вычислительные машины, оперирующие действительными числами, а не их рациональными аппроксимациями, то есть подлинной континуальностью.

И все же интересно, что взгляд на онтологии как на необходимую априорную чувственную подкладку рациональных моделей даже самых изысканных и передовых покровов²² имеет столь долгую и респектабельную историю.

Онтологии и теории

Тема множественности онтологии приходит с двух направлений. В литературе по современной философии науки термин онтологии (*ontologies*) часто употребляется во множественном числе, а нечто надстраивающееся над ними — возможно, в сфере философии, — называется мета-онтология, в частности у ван Инвагена²³. Мне иногда приходится сталкиваться со странной оппозицией такому словоупотреблению как якобы основанному на компьютерном сленге, потому что компьютерщики часто говорят об «онтологиях», подразумевая под этим просто базы данных. А правильный философский подход якобы заключается в том, что онтология еди-

²² Ср. проблемы с «человекоразмерностью» — то есть воспринимаемостью широкой публикой — современных физических теорий.

²³ *Inwagen P. van. Meta-Ontology // Erkenntnis. 1998. Vol. 48. № 48. P. 233–250.*

на, поскольку едино правильное, фактически истинное описание мира. Помимо очевидного воскрешения Парменида и Платона, я вижу здесь логическую трудность, которая заключается в следующем. Если мы стоим на позициях научного реализма, которому обычно противопоставляется, например, инструментализм, то мы исходим из того, что истинная онтология является прямым логическим следствием, выводимым из истинной теории таким образом, что если мы полагаем какую-то теорию истиной, то ее онтологические презумпции также являются истинными. Так, например, если мы считаем, что физические тела движутся с ускорением, прямо пропорциональным действующим на них силам, то презумпцией этого утверждения является убеждение, что физические тела существуют. И если теория, описывающая механическое движение физических тел, истинна, то она утверждает истинность убеждения в существовании физических тел.

Однако обратимся к истории науки. Например, Сади Карно сформулировал, насколько я знаю, некоторые основные уравнения термодинамики, но при этом он верил в существование теплорода. И последующее развитие науки пошло таким образом, что уравнения остались, а теплород нет. Так, когда в 1824 г. Карно предложил цикл своего имени, он считал, что тепло переносится самоотталкивающей жидкостью. Если имеет место логическое следование онтологических презумпций из положений теории, то мы до сих пор должны верить в теплород, что не так.

Как это возможно при реалистическом подходе к науке? Предположим фантастическую ситуацию, когда у нас есть две альтернативные теории: одна утверждает, что теплород, попав в определенный объем, распределяется равномерно по всему объему, а другая будет противоречить этому, говоря, например, что он концентрируется внизу. Из одной теории мы логически выводим следствие, что теплород существует. И из другой теории мы выводим то же самое логическое следствие. Они противоречат друг другу, но их выводы в этой части совпадают. С точки зрения стандартной логики в этом нет никакой проблемы, потому что, как мы помним, из лжи следует все что угодно. Но дело в том, что реальная практика науки подчиняется не только формальной логике, но еще и некоторым экстра-логическим соображениям, одно из которых, например, Чарльз Пирс обозначил словом «абдукция»²⁴. Что она представляет

²⁴ *Melrose R.* The seduction of abduction: Peirce's theory of signs and indeterminacy in language // *Journal of Pragmatics.* 1995. Vol. 23. № 5.

собой в максимально простом формальном выражении? Если у нас есть убеждение, согласно которому из A следует B и мы имеем A , то мы имеем полное право вывести, что B . это *modus ponens*. Если мы придерживаемся того же убеждения, но при этом наблюдаем *не- B* , то мы имеем полное право вывести *не- A* , и это *modus tollens*, на котором основан, в частности, принцип фальсификации Карла Поппера. Но если у нас есть гипотеза, в соответствии с которой из A следует B , и мы наблюдаем B , то с точки зрения формальной логики мы из этого никакого вывода сделать не можем. Но с точки зрения правила абдукции наличие B как бы увеличивает вероятность A . Так, если мы знаем, что, когда идет дождь, асфальт становится мокрым, и мы также знаем, что это же событие наступает после проезда поливальной машины, то в условиях, когда мы не можем наблюдать ни один из этих antecedентов, но видим очевидный консеквент — мокрый асфальт, — в структуре наших убеждений вероятность обеих гипотез — дождь и поливальная машина — увеличивается. И тогда нам остается найти свидетельства, увеличивающие вероятность одной из альтернативных гипотез относительно другой, чтобы остаться с теорией, *наилучшей на данный момент*. На этом правиле базируется здравый смысл, и оно же лежит в основе подхода, обозначенного тем же Пирсом как *фаллибилизм*²⁵, с которым был солидарен тот же Поппер²⁶.

Это значит, что если у нас есть две противоречащие друг другу теории, из которых мы можем сделать один и тот же вывод о существовании одного и того же предмета, то эти выводы равным образом увеличивают вероятность истинности высказываний, образующих противоречие. И здесь мы должны или вообще отойти от бинарной, или булевой, концепции истины и признать, что противоречащие друг другу высказывания могут быть равновероятными, или все же решить, что не существует отношения логического вывода между собственно теоретическими положениями и той онтологией, которая ими молчаливо подразумевается. В первой опции опять же нет ничего логически невозможного, но она никак не продвигает нас на пути познания.

Но тем, кому недостаточно отсылок к прагматическим соображениям, я готов предложить и более строгий аргумент. Обозначим как T теорию, утверждающую равномерное распределение тепло-

²⁵ Margolis J. Peirce's Fallibilism // Transactions of the Charles S. Peirce Society. 1998. Vol. 34. № 3. P. 535–569.

²⁶ Perkinson H. Popper's fallibilism / ETC: A Review of General Semantics. 1978. Vol. 35. № 1. P. 5–19.

рода по объему, а противоречащую ей теорию — с помощью оператора отрицания как $\neg T$. Онтологическую презумпцию существования теплорода обозначим E , а ее отрицание, соответственно, $\neg E$. Следование будет выглядеть как \rightarrow , а конъюнкция — как $\&$. И мы рассматриваем ситуацию, которая формально выглядит так:

$$(T \rightarrow E) \& (\neg T \rightarrow E)$$

И у нас есть закон контрапозиции, который запишем так:

$$(A \rightarrow B) \rightarrow (\neg B \rightarrow \neg A)$$

Применяя этот закон к нашей формуле, получаем:

$$(\neg E \rightarrow \neg T) \& (\neg E \rightarrow T) \rightarrow (\neg E \rightarrow T \& \neg T),$$

и приходим тем самым к противоречию. Надеюсь, читатель тренированный в области формальных наук, проверит справедливость моей выкладки. Если она справедлива, то позиция научного реализма, согласно которой истинность теории влечет истинность подразумеваемой ею онтологии, внутренне противоречива.

Поэтому я предпочитаю вторую точку зрения, в соответствии с которой онтология — это примерно то же, что и модель у Альфреда Тарского²⁷. То есть, когда мы, например, анализируем что-либо средствами пропозициональной логики, никакие модели нам не нужны. Там, в общем и целом, отношения истинности достаточно простые, определяются таблицами. Напротив, в логике предикатов отношение истинности опосредуется моделью, на которой интерпретируется высказывание. Потому что одно и то же утверждение, будучи интерпретируемо на одной модели, может оказаться истинным, будучи интерпретируемо на другой модели, ложным. Например, формальное выражение $a < b$ может получить следующую интерпретацию: $a = 5$, $b = 7$, $<$ — *меньше*. И тогда оно истинно, будучи интерпретировано на модели — *онтологии* — натуральных чисел, которая в общем виде включает правило их порождения и набор стандартных отношений между ними и операций с ними. Но, если его интерпретировать на онтологии русских писателей таким образом, что $a =$ «Толстой», $b =$ «Пушкин», $<$ — «жил раньше, чем», оно окажется очевидно ложным. Онтология писателей может включать опреде-

²⁷ Tarski A. Logic, Semantics, Metamathematics. 2nd ed. Indianapolis: Hackett, 1983. P. 416-417.

ления стандартных объектов и их возможных отношений — писатель <имя, годы жизни, жанровые предпочтения, ...>, произведение <название, жанр, даты первого и последующих изданий, упоминания в критике, ...>, — а также правила их сравнения или сопоставления, но не эмпирически проверяемые высказывания.

И здесь, при таком подходе, конечно же, никакого отношения вывода между истинной теорией и «истинной» онтологией не существует, как из интенционально истинного высказывания «Пегас есть конь с крыльями» не делают обычно вывода о существовании Пегаса. Это типично онтологическое высказывание, описывающее множество, обозначаемое константой. А то, что это множество оказывается пустым, — уже эмпирический факт. Но, чтобы сформулировать описывающее этот факт случайно-истинное высказывание, нужна соответствующая онтология, вводимая конвенционально.

Онтология — это просто одна из возможных моделей. Из этого следует, что мы не можем приписывать свойства истинности онтологии в том смысле, в котором мы приписываем истинность научным теориям. Онтология — это вещь конвенциональная, говоря формально, хотя реально-исторически она может *навеваться* здравым смыслом или предшествующими теориями. Так, если мы какому-нибудь крестьянину, современнику Ньютона, попытались бы объяснить, что прямолинейное равноускоренное движение и покой — это одно и то же состояние, а результатом действия силы является не само движение, а ускорение, то крестьянин, который пашет землю плугом, счел бы нас сумасшедшими. И гениальность Ньютона заключалась именно в том, что он придумал эту, в общем-то, контринтуитивную онтологию для того, чтобы его математический формализм, его знаменитые три закона следствия из них, оптимально интерпретировались на ней. Хотя существуют историко-научные исследования, показывающие влияние его дискуссий с кембриджскими неоплатониками на его онтологические взгляды, связанные с «неизменными природами» (*immutable natures*)²⁸.

Таким образом, загадка успеха хорошей теории заключается не только в том, чтобы написать правильные уравнения, которые будут соответствовать опытным данным, но еще и в том, чтобы подобрать под них правильную онтологию. А это уже творческий акт, а не логический вывод. Он относится к тому, что Поппер называл контекстом открытия, а не контекстом обоснования²⁹.

²⁸ Slowik E. Newton's Neo-Platonic Ontology of Space // Foundations of Science. 2013. Vol. 18. № 3. P. 419–448.

²⁹ Popper K. The logic of scientific discovery. Routledge, 2005.

Итоги

Онтология составляет независимый уровень или компонент научного знания, наряду с теорией и эмпирией. Альтернативные взгляды рассмотрены и опровергнуты выше. Как теоретические, так и эмпирические утверждения в любой науке формулируются с использованием специфических терминов, которые имеют определенное значение в предметной области, касающейся объектов, их свойств и взаимосвязей. То есть в основе любой теории лежат представления о том, какие объекты существуют, какие свойства они имеют и какие отношения между ними существуют. В современных науках о структурах данных и представлении знаний такие концептуальные схемы обычно называют онтологиями³⁰. Поскольку разные науки имеют дело с разными структурами данных, на мой взгляд, можно говорить о множественных научных — предметных, доменных — онтологиях.

Как утверждал Уиллард Ван Орман Куайн в своей классической работе, мы принимаем базовую концептуальную схему, в которой фрагменты опыта могут быть согласованы и упорядочены. Наша онтология определяется, как только мы устанавливаем общую концептуальную схему для нашей научной отрасли. В той же степени, в которой можно говорить о проблеме принятия языка для любой системы научной теории, можно говорить и о принятии онтологии³¹.

Онтология, следовательно, может быть понята как стандартная семантика языка теории. Привязывание различных чувственных впечатлений к постулированным объектам, согласно Куайну, упрощает наше описание опыта. Физические объекты, по его мнению, это постулируемые сущности, которые упрощают и завершают наше описание потока опыта, так же как введение иррациональных чисел упрощает законы арифметики³². В некотором смысле онтология является полезным мифом. Удачный или неудачный выбор концептуальной схемы может определить успех или неудачу научной теории, и он не менее важен, чем выбор формальных методов.

Если Людвиг Витгенштейн в статье «О достоверности»³³ рассматривает онтологические предположения естественного языка, то Куайн формулирует четкий критерий (стандарт) того, что обязательно

³⁰ Almeida M. B. Revisiting ontologies: A necessary clarification // Journal of the American Society for Information Science and Technology. 2013. Vol. 64. № 8. P. 1682–1693.

³¹ Куайн У. В. О. О том, что есть // С точки зрения логики. Томск: Изд-во Томского ун-та, 2003. С. 21.

³² Там же, С. 22.

³³ Витгенштейн Л. О достоверности // Витгенштейн Л. Философские работы. Ч. I. С. 321–406.

должно входить в онтологические обязательства научной теории: «Теория обязывает к тем и только к тем сущностям, на которые должны быть способны указывать связанные переменные этой теории, для того чтобы сделанные в ней утверждения были истинными»³⁴. «Связанность» переменных означает, что они находятся под квантором «все» или «некоторые». Как поясняет Куайн, «с точки зрения категорий традиционной грамматики этот подход, грубо говоря, означает, что быть — значит попадать в область референции местоимения»³⁵. Таким образом, местоимения, выражающие квантификацию, такие как «все», «некоторые», «никакие», стоят перед именами, указывающими на сущности, которые данная теория считает реальными. Однако сами эти сущности служат для упрощения описания опыта, и выбор концептуальной схемы определяет, какие онтологические обязательства существуют, и иногда различные онтологические обязательства могут взаимно заменять друг друга, не влияя на истинность теоретических высказываний, использующих их.

Важно отметить следующее:

1. Научные онтологии логически независимы от теоретического и эмпирического уровня науки, и их выбор является творческим актом исследователя — автора научной теории.
2. Любая научная онтология служит общей областью интерпретации теоретических и эмпирических предложений данной науки.
3. «Предложения» онтологии (например, «даны объекты *O* и *P*») не могут быть истинными или ложными, в отличие от собственных предложений теории («из наличия свойства *A* у объекта *O* следует наличие свойства *B* у объекта *P*»). Они могут только оцениваться на корректность (и здесь может помочь философия) и на эффективность — насколько они способствуют хорошей работе теории: не затерялся ли в их составе, например, какой-нибудь излишний «флогистон».

Следовательно, суждения онтологии — онтологические презумпции³⁶ — логически независимы от теоретических и эмпирических высказываний в рамках одной и той же научной теории. Напротив, Куайн прямо утверждает наличие логических связей между онтологическими и дескриптивными высказываниями: «Онтологические высказывания непосредственно следуют из всего комплекса случайных высказываний о заурядном факте»³⁷. Как метафорически

³⁴ Куайн У. В. О. Указ. соч. С. 18.

³⁵ Там же. С. 17.

³⁶ Михайлов И. Ф. Человек, сознание, сети. М.: ИФРАН, 2015. С. 16–19.

³⁷ Куайн У. В. О. Указ. соч. С. 15.

выразился Гидеон Розен, спекулятивная онтология — это «палеонтология без окаменелостей»³⁸.

Часто, к сожалению, все высказывания о существовании/несуществовании чего бы то ни было рассматриваются как часть мирописания и на этом основании оцениваются как истинные или ложные. Это происходит потому, что высказывания типа «Пегасов не существует» и «Эфира не существует» имеют одинаковую грамматику в естественном языке. Однако, как уже отмечено³⁹, высказывание о Пегасах относится к экземплярам типа и обладает эмпирической истинностью. Поэтому, конечно, нет никакого противоречия между «Пегас есть лошадь с крыльями» и «Пегасов нет на свете»: первое предложение характеризует тип, второе — его экземпляры. Высказывание об эфире относится, напротив, к типу и означает буквально следующее: теории, обходящиеся без эфира как объекта своей онтологии, работают лучше, чем теории, исходящие из его существования. Приемлемость и признанность этого высказывания научным сообществом носит, на самом деле, конвенциональный характер.

Философия, хотя и лишена экспериментальных и математических методов проверки выводов, играет важную роль в науке. Наука не ограничивается только эмпирическими и теоретическими аспектами; она также опирается на онтологию, которая является концептуальной моделью объектов в предметной области. Философия может предложить методы и эвристики для создания концептуальных схем, которые помогают интерпретировать предложения науки. Несмотря на то что философия не может проводить эксперименты или разрабатывать математические теории как наука, у нее есть богатый исторический опыт такой работы.

Исторически философия переживала разные этапы в своем развитии. Вначале, когда других наук еще не существовало, философы думали, что они могут прийти к истине только через рассуждения. Позже, с появлением наук, философы долгое время считали, что метафизика, включая общую онтологию, остается важной частью их предмета исследования, пытаясь дать рациональные ответы на вопрос «что существует?».

С течением времени большинство философов отошли от метафизики и онтологии. Однако сегодня метафизика вновь становится актуальной даже в аналитической философии, и вопросы о философской онтологии, онтологической относительности и плюрализме становятся актуальными.

³⁸ *Rosen G.* Nominalism, Naturalism, Epistemic Relativism // *Noûs*. 2001. Vol. 35. № 15. С. 72.

³⁹ *Михайлов И. Ф.* К общей онтологии когнитивных и социальных наук // *Философия науки и техники*. 2017. № 2. С. 117.

Согласно данной концепции, философская онтология не имеет большого значения, так как она не может быть подвергнута эмпирической проверке и остается в сфере предположений о том, как мог бы выглядеть мир, если бы была верна какая-то научная теория. Вне этой теории философская онтология остается лишь абстракцией, не имеющей конкретного смысла или применения.

Тем не менее философия может быть полезной в сфере онтологии, предоставляя методы и эвристики для построения концептуальных моделей мира, которые могут служить основой для интерпретации научных теорий. Онтология, согласно этой концепции, не описывает мир таким, каким он есть, а скорее описывает мир таким, каким он мог бы быть согласно определенной научной теории. Таким образом, философия может играть роль в обеспечении понимания того, как можно интерпретировать теории, основанные на эмпирических данных, и какие онтологические модели могут быть полезными для этой интерпретации.

Следовательно, философия не исключена из научного процесса, хотя ее вклад более концептуальный и методологический, чем экспериментальный или теоретический.

Как указывалось выше, термин «метаонтология» не является моим собственным изобретением. Первоначально он был предложен Питером ван Инвагеном. В соответствии с его подходом, если основным вопросом онтологии, согласно Куайну, является «что есть?», то метаонтология занимается ответами на вопросы «что мы имеем в виду, когда спрашиваем, что есть?» и «какова правильная методология онтологии?».

Логические связи между теоретическими и эмпирическими утверждениями, как упоминалось ранее, могут быть формализованы даже искусственным интеллектом. С другой стороны, объектная интерпретация служит средством «приручения» научной теории и ее интеграции в человеческий *умwelt*. Однако создание онтологий, иногда кажущееся в высшей степени абстрактным анализом, имеет давнюю историю, начиная с размышлений Парменида и Демокрита, проходя через диалоги Платона и метафизику Аристотеля вплоть до современной аналитической метафизики.

Литература

Витгенштейн Л. Логико-философский трактат // *Витгенштейн Л.* Философские работы. Ч. I / Под ред. М. С. Козлова, Ю. А. Асеев. М.: Гнозис, 1994. С. 1–74.

Витгенштейн Л. О достоверности // *Витгенштейн Л.* Философские работы. Ч. I. С. 321–406.

- Кант И.* Критика чистого разума // Собр. Соч. В 8 т. Т. 3 / Под ред. А. В. Гулыги. М.: ЧОРО, 1994. С. 741.
- Куйн У. В. О.* О том, что есть // С точки зрения логики. Томск: Изд-во Томского ун-та, 2003. С. 7–23.
- Михайлов И. Ф.* Человек, сознание, сети. М.: ИФРАН, 2015.
- Михайлов И. Ф.* К общей онтологии когнитивных и социальных наук // Философия науки и техники. 2017. № 2. С. 103–119.
- Михайлов И. Ф.* Восприятие, логика и множественность рациональных презентаций мира // Философские науки. 2019. Т. 62. № 7. С. 37–53.
- Almeida M. B.* Revisiting ontologies: A necessary clarification // Journal of the American Society for Information Science and Technology. 2013. Vol. 64. № 8. P. 1682–1693.
- Block N.* On a confusion about a function of consciousness // Behavioral and Brain Sciences. 1995. Vol. 18. № 2. P. 227–247.
- Chalmers D. J.* Facing Up to the Problem of Consciousness // Journal of Consciousness Studies. 1995. Vol. 2. № 3. P. 200–219.
- Clark A., Friston K., Wilkinson S.* Bayesing qualia: Consciousness as inference, not raw datum // Journal of Consciousness Studies. 2019. Vol. 26. № 9–10.
- Fodor J.* Some reflections on L. S. Vygotsky's Thought and Language // Cognition. 1972. Vol. 1. № 1. P. 83–95.
- Friston K. J. et al.* Deep temporal models and active inference // Neuroscience & Biobehavioral Reviews. 2017. Vol. 77. P. 388–402, 486–501.
- Inwagen P. Van.* Meta-Ontology // Erkenntnis. 1998. Vol. 48. № 48. P. 233–250.
- Hoffman D.* The Case Against Reality Why Evolution Hid the Truth from Our Eyes. New York–London, 2019.
- Hoffman D.* Do we see reality? // New Sci (1956). 2019. Vol. 243. № 3241.
- Hoffman D.* The Interface Theory of Perception // Curr Dir Psychol Sci. 2016. Vol. 25. № 3. P. 157–161.
- Inwagen P. Van.* Meta-Ontology // Erkenntnis. 1998. Vol. 48. № 48. P. 233–250.
- Limanowski J., Friston K.* “Seeing the Dark:” Grounding phenomenal transparency and opacity in precision estimation for active inference // Frontiers in Psychology. 2018. Vol. 9. May.
- Margolis J.* Peirce's Fallibilism // Transactions of the Charles S. Peirce Society. 1998. Vol. 34. № 3. P. 535–569.
- Melrose R.* The seduction of abduction: Peirce's theory of signs and indeterminacy in language // Journal of Pragmatics. 1995. Vol. 23. № 5.
- Perkinson H.* Popper's fallibilism / ETC: A Review of General Semantics. 1978. Vol. 35. № 1. P. 5–19.
- Popper K.* The logic of scientific discovery. Routledge, 2005.
- Rosen G.* Nominalism, Naturalism, Epistemic Relativism // Noûs. 2001. Vol. 35. № 15. P. 69–91.
- Slowik E.* Newton's Neo-Platonic Ontology of Space // Foundations of Science. 2013. Vol. 18. № 3. P. 419–448.
- Tarski A.* Logic, Semantics, Metamathematics. 2nd ed. Indianapolis: Hackett, 1983. P. 416–417.

Христианская природа онтологии философии истории

Учитывая то значение, которое история имеет для мира модерна, предметом статьи является онтология философии истории. Исследование начинается с генеалогии онтологии, что позволяет тематизировать два устоявшихся в философском дискурсе понимания онтологии. Согласно первому, названному классическим, и связанному с именем Якоба Лорхарда, онтологией называют учение о бытии. Второе — трансценденталистское, восходящее к философии Канта, под онтологией понимает систему априорных принципов и форм мышления. Такое понимание онтологии позволяет поставить вопрос об онтологии философии истории.

Анализ онтологии философии истории показывает, что философию истории, как, собственно, и историю, нельзя признать культурным инвариантом, а ее происхождение связать с античностью. Вместе с тем, несложно обнаружить генеалогическую связь между христианской историософией и секулярной философией истории. Классические философско-исторические системы эпохи Просвещения и следующего за ним столетия (Кант, Гердер, Конт, Гегель, Маркс) в значительной степени наследуют схематизм христианской историософии. Анализ их онтологических структур позволяет сказать, что: 1) появление трансценденталистского значения онтологии символизирует «онтологическую революцию», в результате которой философствующий разум лишился возможности апелляции к трансцендентным регионам реальности; 2) связь секулярной философии истории и христианской историософии имеет не фрагментарный и случайный характер, а обнаруживается на уровне фундаментальных онтологических структур; 3) философия истории приходит на смену религиозным способам интерпретации мира и общества, то есть становится теорией современного общества.

Ключевые слова: онтология, трансцендентальное, история, философия истории, христианство, секуляризация, модерн.

Viktor S. Levytskyy

THE CHRISTIAN NATURE OF ONTOLOGY PHILOSOPHY OF HISTORY

Given the importance that history has for the world of Modernity the subject of the article is the ontology of the philosophy of history. The study begins with the genealogy of ontology, which makes it possible to thematize two well-established understandings of ontology in the philosophical discourse. The first one, which is called classical and associated with the name of Jacob Lorhard, calls the doctrine of being an onthology. The second one is transcendentalistic, which is going back to the philosophy of Kant and by ontology it understands the system of a priori principles and forms of thinking. Such an understanding of ontology allows us to raise the question of ontology of philosophy of history.

An analysis of the philosophy of history's ontology shows that the philosophy of history, just like history, in fact, cannot be recognized as a cultural invariant, and its origin cannot be associated with antiquity. At the same time, it is not difficult to discover a genealogical connection between Christian historiosophy and the

secular philosophy of history. The classical philosophical and historical systems of the Enlightenment and the following century (Kant, Herder, Comte, Hegel, Marx) largely inherited the schematism of Christian historiography. An analysis of their ontological structures allows us to say that: 1) the emergence of the transcendental meaning of ontology symbolizes the “ontological revolution”, as a result of which the philosophizing mind has lost the possibility of appealing to transcendental scopes of reality; 2) the connection between the secular philosophy of history and Christian historiography is not fragmentary and random, but is found at the level of fundamental ontological structures; 3) the philosophy of history comes to replace the religious ways of interpreting the world and society, that is, it becomes the theory of Modernity’s society.

Keywords: ontology, transcendental, history, philosophy of history, Christianity, secularization, modernity.

Современному человеку историческая рациональность кажется настолько самоочевидной, что, пытаясь понять суть определенного события или явления, он невольно обращается к его истории. Не будет преувеличением сказать, что современный человек — это *homo historicus*. Вместе с тем, сегодня хорошо обоснованной является позиция, согласно которой большую часть истории человечество истории не знало. Х. Уайт отмечал, что значительная часть современного историкоразмерного языка не могла бы быть адекватно переведена на язык представителя мифического общества, истории не знавшего¹. Соответственно, сложно в таких концептуальных рамках вести речь и о собирании разрозненных фактов в единый исторический нарратив, то есть говорить о философии истории. Учитывая фундаментальное значение исторической рациональности и философии истории для современной культуры, целью данного исследования является анализ онтологии философии истории.

Тематизация онтологии в философском дискурсе

При том что онтологическая проблематика имеет важное, не будет преувеличением сказать — центральное для философского дискурса, значение, сам термин «онтология» имеет не такую уж длинную историю. В. В. Васильев пишет, что до недавнего времени считалось, что его впервые употребил Рудольф Гоклениус в *Lexicon philosophicum* («Философский лексикон», 1613), сегодня же принято связывать появление нового понятия — «онтология» с именем

¹ Уайт Х. Метаистория: Историческое воображение в Европе XIX века. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2002.

протестантского теолога Якоба Лорхарда². Именно он при издании своей *Ogdoas scholastica* («Схоластическая восьмерка», 1606) на обложке поместил неологизм «онтология», что теперь и считается его первым употреблением. Это подтверждает и датско-нидерландский коллектив авторов, изучающих творчество Якоба Лорхарда³. Они пишут, что немецкий теолог использовал онтологию синонимично с метафизикой и определил ее следующим образом: «наука об умопостигаемом как умопостигаемом постольку, поскольку оно постижимо человеком посредством естественного света разума без всякого понятия материи»⁴. То есть это в классическом смысле наука о бытии и его первоначалах, доступных человеческому разуму.

Такое понимание онтологии как учения о бытии, описывающего его фундаментальные принципы и свойства, было общепринятым в европейской философии вплоть до Канта. Произведенная немецким мыслителем революция в философии касалась в первую очередь онтологической и метафизической проблематики, а соответственно, переопределила и их понимание. Кант показал, что человек имеет дело не с миром самим по себе, а с миром явлений, который предварительно создает согласно своей познавательной способности. Соответственно, априорные формы познания детерминируют мир явлений и определяют его онтологию. «Гордое имя онтологии, — делает в связи с этим вывод Кант, — должно быть заменено скромным именем простой аналитики чистого рассудка»⁵. Онтология, таким образом, это не учение о бытии, а анализ основоположений чистого рассудка, которые и определяют форму доступного человеку бытия (мира явлений).

Таким подходом Кант задал теоретические рамки второго значения онтологии. Онтология в трансценденталистской традиции стала пониматься не только как аналитика основоположений рассудка, но и как систематика самих основоположений, которые задают тип предметности, определенный порядок бытия. В таком случае онтология не сводится к философской дисциплине и касается не только философствующих субъектов, но

² Васильев В. В. Сознание и вещи: Очерк феноменалистической онтологии. М.: Книжный дом «Либроком», 2014.

³ Devaux M., Lamanna M. The Rise and Early History of the Term Ontology (1606–1730) // *Quaestio*. 9/2009. P. 173–209.

⁴ Øhrstrøm P., Uckelman S. L., Schärfe H. Historical and Conceptual Foundation of Diagrammatical Ontology. URL: https://www.academia.edu/11793250/Historical_and_Conceptual_Foundation_of_Diagrammatical_Ontology.

⁵ Кант И. Сочинения. В 6 т. Т. 3. М.: Мысль, 1964. С. 304.

всех разумных существ, определяя облик бытия для них и являясь в то же время имплицитным учением о бытии. Это учение о бытии в том смысле, что онтология детерминирует определенное видение сущего и понимание бытия и задает концептуальные рамки его описания.

Деятнадцатый век прошел в интеллектуальной атмосфере развития интуиций историчности онтологий (Ф. Шеллинг, Г. Гегель, К. Маркс, В. Дильтей, Ф. Ницше и др.). В XX в. мысль об онтологии как аксиоматических предпосылках, выступающих априорными формами организации культурного опыта, становится если не доминирующей, то магистральной. Она нашла отражение в различных традициях, предложивших разнообразные тематизации таких оснований опыта. Э. Гуссерль связывает их со структурами жизненного мира, Э. Кассирер с символическими формами, М. Хайдеггер с пониманием бытия, Л. Витгенштейн с языковыми играми, Дж. Коллингвуд с плеядами абсолютных предпосылок, Р. Карнап с концептуальными каркасами, У. Куайн с концептуальными схемами (онтологиями) и т. д. В этом контексте следует также вспомнить об открытиях постпозитивистской философии науки, показавшей принципиальную теоретическую нагруженность факта (Т. Кун, И. Лакатос, П. Фейерабенд, Дж. Холтон и др.).

После такой масштабной философской проработки мысль о культурно нагруженных трансцендентальных основоположениях опыта стала общим местом философии, а понимание онтологии как их совокупности превратилось в устоявшуюся традицию. Одну из наиболее разработанных форм она приобретает в философии К. Хюбнера, который определяет онтологию как «рамки, в которых все данное чувственно воспринимается, духовно толкуется, обрабатывается, расчленяется, формируется; она представляет собой нечто вроде координатной системы, в которой все упорядочивается... Таким образом, онтология есть инструмент, с помощью которого организуется опыт»⁶.

Сегодня такое понимание онтологии активно используется в философии науки, в которой говорят об универсальной онтологии (общенаучной картине мира) и дисциплинарной онтологии (специальной научной картине мира), понимая под ними «систему представлений об исследуемом предмете»⁷. Нашло оно отражение

⁶ Хюбнер К. Прогресс от мифа через логос к науке как теоретико-познавательная проблема // Разум и экзистенция: Анализ научных и вненаучных форм мышления. СПб.: РХГИ, 1999. С. 120–121.

⁷ Стёпин В. С. Теоретическое знание. М.: Прогресс-Традиция, 2000.

и в эпистемологии, в которой под онтологией понимают основу «исторических типов мировоззрений»⁸.

Нетрудно заметить, что онтология предполагает картину мира, а разные онтологии — разные картины мира. В основании научной картины мира лежит научная онтология, в основании мифической — онтология мифа. Можно сказать, что онтология — это «настройка» разума, «понятийная структура» (Хьюбнер), которая позволяет определенным образом увидеть мир. В самом общем смысле онтология — это тип разума, предполагающий определенное понимание бытия.

Таким образом, в философской традиции существует как минимум два легитимных способа понимания онтологии. В первом случае онтология — это учение о бытии. Такое понимание можно назвать классическим. Во втором — это система априорных принципов и форм мышления, обеспечивающая структурирование опыта и позволяющая увидеть сущее и концептуализировать бытие. Такое понимание можно назвать трансценденталистским. Именно такое понимание будет разрабатываться далее.

Онтология христианской философии истории

Общеизвестно, что «история» является изобретением древних греков. Об этом говорит и греческая этимология самого термина, и концептуализация его в античной культуре. Однако сегодня столь же признанной является позиция, согласно которой «история» древних греков не может быть признана историей в современном понимании. Более того, она вообще не является историей в строгом смысле слова. Эту позицию емко выразил Г. Люббе: «историческая культура — это специфически современная культура»⁹.

Под историей античный грек понимал прежде всего расспрашивание, наблюдение, исследование, которое может касаться любого предмета (Аристотель «История животных») и считал ее жанром литературы. Именно в такие парадигмальные рамки и помещает ее Аристотель в своей «Поэтике», определяя разницу между поэзией и историей, как разницу жанров литературы. В этом смысле история — это прежде всего текст, рассказ. Поэтому магистральным многие столетия будет использование множественного числа

⁸ Касавин И. Т. Социальная эпистемология. Фундаментальные и прикладные проблемы. М.: Альфа-М, 2013. С. 132.

⁹ Люббе Г. В ногу со временем. О сокращении нашего пребывания в настоящем // Вопросы философии. 1994. № 4. С. 99.

«истории» (рассказы) — окончательно устоявшимся использование единственного числа «история» станет только в эпоху Просвещения. Такое понимание закреплено и в институциональной структуре образования. Понятно, что в античности историю не преподавали, у Цицерона она становится вспомогательной для риторики сферой знания, предоставляющей примеры из жизни, чтобы переубедить оппонента¹⁰. В Средневековье история иногда входит в тривиум как подчиненная грамматике дисциплина, проясняющая тексты древних авторов¹¹. Первые кафедры истории появились только в начале XIX в.¹², и входили они в структуру филологических факультетов (наследя «литературное» понимание истории).

Как известно, ни Геродот, ни Фукидид, ни Ксенофонт свои произведения историей не называли, двое последних даже не использовали этот термин в своих трудах. Главная же их задача заключалась не в установлении истин о прошлом, а правдивое описание настоящего. В этом отношении французские исследователи отмечают относительно «Пелопонесской войны» Фукидида, что «он не создает историю войны, а передает войну на письме»¹³. Этот же подход остается доминирующим и у средневековых авторов, они также достаточно нечувствительны к историческим изменениям. «Хотя “история” конкретного автора, — пишут И. М. Савельева и А. В. Полетаев, — могла начинаться со сколь угодно отдаленного времени (например, с Троянской войны), она не была в строгом смысле историей “прошлого”, а получалась из сложения написанных в разное время историй “настоящего”»¹⁴.

При том что уже Аристотель назвал Геродота историком и только пять веков спустя его произведение (предположительно имевшее первоначальное название «Музы») стало «Историей» («Историями»), понятно, что речь идет об иной, отличной от современного понимания, истории. Геродот, Фукидид, Полибий и т. д. стали предтечами современных историков только в рамках позитивистской парадигмы, когда их произведения начали рассматриваться как предварительная, несовершенная стадия современных представителей исторической науки. Однако на самом деле античные

¹⁰ Артог Ф., Вернер М. *Історія // Європейський словник філософій: Лексикон неперкладностей*. К.: ДУХ І ЛІТЕРА, 2011. С. 278–292.

¹¹ Савельева И. М., Полетаев А. В. *Теория исторического знания: Учеб. пособие*. СПб.: Алетей, 2007.

¹² Андерсон Б. *Уявлені спільноти. Міркування щодо походження й поширення націоналізму*. Київ: Критика, 2001.

¹³ Артог Ф., Вернер М. *Указ. соч.* С. 281.

¹⁴ Савельева И. М., Полетаев А. В. *Указ. соч.* С. 37.

авторы создавали отличную от сегодняшней историю не потому, что недостаточно владели историческими методами и инструментарием, — им было чуждо историческое сознание. Они жили в Мифе, а не в Истории. Мифический разум ищет самопонимания не в исторической реконструкции, а в трансцендентном и инвариантном архэ. Поэтому, например, война Пелопоннесская — это всего лишь частное явление всеобщего архетипа войны, а в любом месте, где идет война, присутствует Арес¹⁵.

Как видно, древний грек не чувствителен к историческому сознанию. Долгое время считалось, что чуждо его и христианское Средневековье. Так, например, Э. Жильсон полемизировал с филологом-медиевистом Г. Парисом, который считал, что этой эпохе характерна «идея неизменности вещей», плохо согласуемая с идеей истории. Сегодня общепризнанной является противоположная позиция, согласно которой именно в рамках иудео-христианской традиции впервые «просыпается» историческое сознание. Более того, философский взгляд на историю, то есть философия истории — которая по мнению, например, А. Данто или Х. Уайта, и превращает мириады разрозненных фактов в собственно историю, — является постхристианским интеллектуальным конструктом, вдохновляющимся христианским нарративом. Очень точно об этом пишет Ф. Анкерсмит: «Отправная точка — теологическая трактовка истории, развитая Августином и все еще принимаемая в семнадцатом столетии Боссюэ. Мировая история и история спасения, в терминах Ловитца, были здесь еще идентичны. В эпоху Просвещения, с ее верой в прогресс, история спасения была секуляризирована и превратилась в торжественное шествие человеческого Разума по истории»¹⁶.

Отмеченная нидерландским философом парадигмальность для европейской цивилизации христианского взгляда на исторический процесс подталкивает к экспликации онтологии христианской «философии истории».

Любая историософская работа христианского автора в конечном счете опирается на понимание исторического процесса, зафиксированного в Священном Писании. С. Булгаков пишет, что в этом отношении особенно важными являются две книги Библии: первая (Бытие) и последняя (Откровение/Апокалипсис). Апокалипсис в данном случае даже более значим, по мнению русского

¹⁵ *Хюбнер К.* Истина мифа. М.: Республика, 1996.

¹⁶ *Анкерсмит Ф. Р.* История и тропология: взлет и падение метафоры. М.: Прогресс-Традиция, 2003. С. 299.

мыслителя, так как может быть назван христианской философией истории¹⁷.

Итак, что можно сказать об онтологических структурах, позволяющих христианину в миллиардах фактов и событий увидеть историческое бытие? В каком-то смысле продолжая кантовскую традицию, первое, о чем следует сказать, — это пространственное измерение реальности. В случае онтологии христианской философии истории речь идет об истории всего творения, а не только человека. Книга Бытия описывает, как Бог создал мир из ничего и определил человека владычествовать над ним. С этого момента историю имеет не только человек, но и все сотворенное, принимая активное участие в реализации Божественного плана. Сакральное пространство на протяжении всей Священной истории активно вмещается в профанное. Согласно Апокалипсису содеятелями истории являются не только люди, но ангелы и архангелы (трансцендентный мир), а также природные (землетрясение, наводнение, засуха) и социальные (война, голод, мор) катастрофы [Откр. 6–7]. «И когда Он снял шестую печать, я взглянул, и вот, произошло великое землетрясение», — пророчествует среди прочего апостол Иоанн [Откр 6:12]. Все творение, как имманентное, так и трансцендентное его измерение, принимает участие в истории, осуществляя Божественный замысел. Катаклизмы — это не бессмысленные, случайные события, а инструменты воплощения Божественной воли. Все, что создано, имеет историю и принимает в ней участие, сама она — объемная картина, включающая на равных правах священное и мирское, трансцендентное и имманентное. Говоря об Апокалипсисе, С. Булгаков отмечает: «Он имеет дело с онтологическими реальностями истории, которые все время в ней и просвечивают... Это есть история мира в символах, которая совершается на небе, и на земле, и под землю...»¹⁸

Это «всеединство» исторического процесса будет воспринято христианским сознанием и найдет отражение в разных жанрах литературных памятников. В историософской доктрине Августина Град небесный выступает причиной и телосом Града земного, в конечном счете обеспечивая его бытие. В агиографии святые не только молитвой высекают животворящую воду из безжизненных скал (св. Бенедикт), проповедуют рыбам (св. Антоний Падуанский), но и общаются с апостолами (св. Франциск Ассизский). В фолькло-

¹⁷ Прот. Сергей Булгаков. Апокалипсис Иоанна. М.: «Отрада и Утешение», 1991. С. 13.

¹⁸ Там же. С. 54.

ре — в жанре примеров (*exempla*) — небесный и земной миры пересекаются естественным образом¹⁹. Об этом же свидетельствуют и средневековые карты, в центр помещавшие Иерусалим, а на восток (север на современных картах) — рай²⁰.

Еще одной необходимой составляющей онтологической структуры исторического нарратива является время. Концептуализировав время как тварный элемент, христианство способствовало коренному пересмотру античных представлений о нем. Вместо циклического времени с мифом о вечном возвращении, иудео-христианская традиция предложила понятие «линейного времени», имеющего четко фиксируемые начало, конец и центр, разделяющий историю на два отрезка: до Воплощения и после. Предложенное еще в VI в. Дионисием Малым деление истории на «до» Рождества Христова и «после» остается актуальным до сих пор.

Кроме всего прочего, такой взгляд на время фундировал представление о единстве истории. В предельном смысле речь идет о единой истории «народа божьего» (человечества). Апостол Павел провозгласил: «Нет ни Эллина, ни Иудея, ни обрезания, ни необрезания, варвара, Скифа, раба, свободного, но все и во всем Христос» [Кол. 3:11]. Уже во II в. Святой Иустин соединил Истину и Историю. Истина по определению является христианской, а ее воплощение во времени — историей. Поэтому, кто бы ни высказывал истину, даже делая это задолго до Боговоплощения, он делает это от имени Христа, высказывает христианскую истину, кто говорит ложь — делает это против Него. «Итак, все, что было хорошо сказано у всех, принадлежит нам, христианам», — пишет святой Иустин²¹. В лоне этой же традиции находится Августин, когда пишет в «Христианском учении», что если языческие философы случайно высказали истины, соответствующие христианской вере, то не стоит этого остерегаться, а следует отнять это у них как «незаконных владельцев»²². При том что согласно христианским представлениям лишь единицы из язычников могли претендовать на рай (Аристотель, Вергилий, Траян), тем не менее языческий мир становился полноправной частью христианской

¹⁹ Гуревич А. Я. Средневековый мир: культура безмолвствующего большинства. М.: Искусство, 1990.

²⁰ Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запада. Екатеринбург: У-Фактория, 2007.

²¹ Цит. по: Жильсон Э. Дух средневековой философии / Пер. с фр. Г. В. Вдовиной. М.: Институт философии, теологии и истории св. Фомы, 2011. С. 34.

²² Блаженный Августин. О Христианском учении // Блаженный Августин. М.: Изд. Дом Шалвы Амонашвили, 2002. С. 70.

истории. Сегодня можно сказать, что так зарождалась идея всемирной истории.

Эти представления о времени получают развитие в концепции шести возрастов Августина, переосмысленную Гуго Сен-Викторским в смену царств, а святой Бонавентура царства распределил между эпохами²³. События на стреле времени помещаются в линейном порядке от его (времени) начала до завершения. Вот почему любая средневековая хроника начиналась с сотворения мира, как правило доводила повествование до современных автору событий, но подразумевала, что истинным концом истории является Страшный суд.

Христианская онтология задает понимание и субъекта истории. В этом отношении нет двух мнений — согласно христианским представлениям истинным субъектом истории является Бог. Создав все сущее, Он продолжает оставаться гарантией его бытия. Творец — есть субъект своего творения: «Все чрез Него начало быть, и без Него ничто не начало быть, что начало быть» [Ин. 1:3]. В конечном счете вся история есть реализация Божественной воли. Эту мысль емко выразил К. Доусон: «...христианский взгляд на историю есть не просто вера в предопределенность истории Божественным Провидением, это вера во вмешательство Бога в жизнь человечества через прямое воздействие в определенные моменты времени и пространства»²⁴.

В рамках христианского понимания истории она обретает и смысл. История — это не случайный набор плохо связанных между собой событий, она развивается для раскрытия единого смысла и движется к единой цели. В модусе индивидуальной человеческой жизни таким смыслом-телосом выступает спасение, обожение. Бог вочеловечился, чтобы человек обожился (Афанасий Великий). В историческом масштабе целью является воцарение Христа, установление Царства Божия. В этом отношении С. Булгаков писал, что история есть «воцарение Христа Царя, путь к Царству Христову в мире, совершившееся на кресте и совершающееся в крестных путях мира. “Се Аз с вами есмь во вся дни до окончания века. Аминь” (Мф. XXVIII, 20)»²⁵.

Таким образом, онтология христианской философии истории задает принципиально отличную от античного понимания оптику,

²³ Жильсон Э. Указ. соч.

²⁴ Доусон К. Христианский взгляд на историю // Философия истории: Антология: Пособие для студентов гуманитарных вузов. М.: АО «Аспект Пресс», 1994. С. 250.

²⁵ Прот. Сергей Булгаков. Указ. соч. С. 351.

в которой история предстает в виде истории творения, разворачивающейся в континууме линейного времени, субъектом которой является Бог, а смыслом и целью — установление Его Воли (Царства).

Онтология секулярной философии истории

Как известно, сам концепт «философия истории» принадлежит Вольтеру, который смысл исторического процесса видел в «оцивилизации» человека. Философия истории рождается в тот момент, когда религиозная интерпретация исторического процесса перестает удовлетворять вопрошающий разум. И в этом смысле она становится секулярным наследником христианской историософии. Не прибегая к метафизическим построениям, философия истории позволяет, как говорил Кант «беспорядочный *агрегат* человеческих поступков, представить как *систему*»²⁶. В новой концептуалистике, «субстанцией» исторического развития становится человеческое общество (Разум, Свобода, Дух), а способом понять его актуальное состояние — историческая реконструкция. Каков бы ни был специальный предмет современной истории, в конечном счете история — это наука о нас самих, нас современных. «Любая история есть история современности», — писал Б. Кроче²⁷. Историческая реконструкция — это один из немногих оставшихся современному разуму методов уяснить, кто мы, кто этот спрашивающий субъект и что есть тот мир, который его окружает. Пока потенциал мифа или религии достаточен для ответа на эти вопросы, история не просто не нужна, излишня, она принципиально не может появиться: онтология мифа не предполагает исторической рациональности. Для мифического сознания понять — значит установить связь явления с неизменным бытием, для современного — реконструировать его становление. Бытие там статично, у нас — динамично, бытие есть становление. Для средневековой парадигмы бытие неизменно, но открывается оно в становлении. Перекочевав в современность, эта мысль была видоизменена в процессе секуляризации и стала основой исторической рациональности. Поэтому парадигмой постметафизического мышления (науки) является историзм, последним словом которого в области гуманитарного знания стали археологии и генеалогии. Как минимум, после того, как универсальный эволюционизм стал доминирующей парадиг-

²⁶ Кант И. Идея всеобщей истории во всемирно-гражданском плане // Кант И. Собр. соч. В 6 т. Т. 6. М.: Мысль, 1966. С. 21.

²⁷ Кроче Б. Теория и история историографии. М.: Школа «Языки русской культуры», 1998.

мой в естественных науках²⁸, господство исторической рациональности утвердилось и в них. Соответственно, история — это не культурно универсальная сфера духа (интеллектуальная практика), а уникальный *секулярный способ самоинтерпретации*.

История появляется тогда, когда способы самопонимания, отсылающие к трансцендентному измерению (путь классической метафизики), оказываются делегитимированы. В этом отношении прав А. В. Белокобыльский, когда пишет о становлении исторического сознания в Новое время: «...в период, когда европейское мышление склоняется к историческим реконструкциям, история предстает у ее первых теоретиков как *теория* современной им рациональности»²⁹.

Таким образом, с полным правом можно сказать, что рождение философии истории символизирует появление и легитимацию новой метафизической парадигмы, предполагающей новое же понимание природы мироздания и места человека в нем. Обобщенно ее можно назвать программой Просвещения, Французская революция в таком случае является эксплицитным началом ее реализации, а Модерн — проектом ее всемирного воплощения.

Учитывая такой культурный статус философии истории, анализ ее онтологии представляется особенно важным. Часто Гегеля называют первым философом, который начал мыслить исторически. Однако, при том что Гегель — автор, возможно, наиболее известной и масштабной философско-исторической системы, он не был в этом отношении пионером. Как минимум, уже у Канта присутствует эксплицитный вариант исторической парадигмы, с достаточно разработанной философией истории, и как последующие историософские гранднарративы XIX в. (Конт, Гегель, Маркс и др.), так и философско-исторические построения века XX (Шпенглер, Тойнби, Ясперс и т. д.) мало в чем выходят за эти рамки.

Относительно пространственных координат истории у Канта сложились вполне характерные для своего времени представления. Он считает историю человечества закономерным продолжением природного развития, его новым этапом. Более того, немецкий философ пишет, что история развивается согласно плану природы: «...*справедливое гражданское устройство* должно быть высшей задачей природы для человеческого рода»³⁰. При том что история

²⁸ Стёпин В. С. Указ. соч.

²⁹ Белокобыльский А. В. Основания и стратегии рациональности Модерна. К.: ПАРА-ПАН, 2008. С. 128.

³⁰ Кант И. Указ. соч. С. 13.

выходит из природы, тем не менее в философии Канта, как и во всякой секулярной философии истории, она замыкается человеческим обществом. Именно оно является ее «субстанцией», если мы говорим об истории как событийном процессе, и ее предметом, если речь идет об исторической науке. Из многомерной пространственной картины средневековой историософии секулярная философия истории оставляет только область имманентного, элиминируя трансцендентную сферу. Творение становится природой, а история ее эволюцией во времени. История по умолчанию имманентна и не приемлет никаких потусторонних вмешательств, противоречащих историческим законам, столь же объективным, как и законы природы. Именно эту парадигму развивает Гердер, когда пишет, что человек — любимец природы — есть дитя элементов и сущностей, прошедших эволюцию от зарождения Земли³¹. Гегель в процесс саморазвития духа включает все сущее, исчерпывая его тотальность Историей, сама же она превращается в процесс, способствующий Духу в достижении самого себя³². Согласно концепции Маркса, история человечества является частным случаем всеобщего исторического процесса, а ее основой выступает способ общественного производства³³.

Представления о времени в рамках философско-исторических построений также наследуют христианской онтологии. Время в них является линейным, движущимся от точки начала в бесконечное будущее. Более того, до обнаружения в 1837 г. французским археологом Жаком Буше де Пертом орудий каменного века многие даже самые просвещенные люди, продолжая библейскую хронологию, считали, что человечество существует не более пяти тысяч лет. Устоявшимся же научным фактом «доисторический» человек стал только в 60-х гг. XIX столетия³⁴. Естественно, речь идет теперь только о профанном времени, вмешательство в которое времени сакрального (сам факт существования которого теперь отрицается) признается невозможным. При том что секулярные философии истории, как правило, не предполагают завершения истории Страшным судом, тем не менее многие из них перманентно манифестируют хилизм — тысячелетние Царство Божие на земле, превратившееся в просвещенческих моделях в царство Разума, Свобо-

³¹ Гердер И. Г. Идеи к философии истории человечества. М.: Наука, 1977.

³² Гегель Г. В. Ф. Лекции по философии истории. М.: Наука, 2005.

³³ Маркс К. К критике политической экономии // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 13. М.: Гос. Изд-во политической литературы, 1959. С. 1–167.

³⁴ Савельева И. М., Поletaев А. В. Указ. соч.

ды, Знания. Кант пишет о философском хилиазме эксплицитно, связывая его с установлением совершенного государственного устройства, позволяющего полностью развить задатки человека³⁵. Конт в развитии позитивного знания видит надежду на лучшее будущее человечества³⁶. Маркс связывает его с коммунистической формацией и называет ее «концом предистории» человечества.

Очевидными в таком контексте становятся и трансформации, произошедшие в понимании субъекта истории. Субъектом истории оказывается бог секулярного мира — человек. Именно он — творец истории. Согласно этим представлениям, историей является развитие общества во времени, соответственно ее субъекты это отдельный человек и сообщество людей в целом. На уровне категорий культуры эту мысль удачно подметил П. Рикёр, который писал: «“Творить историю” — это выражение, появившееся в эпоху модерности, немислимое до конца XVIII в. и в известном смысле утвержденное Французской революцией и Наполеоном»³⁷. История — дело рук человеческих, и человеческим миром она и исчерпывается. В этом контексте еще один французский мыслитель отметил, что в это же время «способность судить перешла от Бога к Истории»³⁸. Суд Божий превратился у философов истории Нового времени в Суд Истории.

И наконец, философия истории задает смысл всему историческому процессу, превращая, как говорил Кант в приведенной выше цитате, беспорядочный агрегат человеческих поступков в систему, в конечном счете формируя исторический нарратив. Как неоднократно уже подмечали исследователи, в этом отношении философия истории с идеей прогресса, занявшего место «отправленного» на покой Бога, не просто вдохновлялась христианской историософией, а является ее прямой наследницей. Кант неоднократно пишет, что целью истории является всемирно-гражданское состояние, которое позволит развить все задатки человека, обеспечит его непрерывный прогресс. «Историю человеческого рода в целом, — пишет Кант, — можно рассматривать как выполнение тайного плана природы — осуществить внутренне и для этой цели также внешне совершенное государственное устройство как единственное состояние, в котором она может полностью развить все задатки, вло-

³⁵ Кант И. Указ. соч.

³⁶ Конт О. Курс положительной философии. В 6 т. Т. 1. СПб.: Посредник, 1900.

³⁷ Рикёр П. Память, история, забвение. М.: Изд-во гуманитарной литературы, 2004. С. 419.

³⁸ Артог Ф. Картины мира и представления о времени // Логос. 2021. № 5. С. 68.

женные ею в человечество»³⁹. Позднее в работе «К вечному миру» немецкий философ предложит концептуальный и юридический проект, позволяющий достичь желанного состояния. Такое понимание задает смысл и телос всей исторической драме, объединяя мириады разрозненных фактов в единый нарратив и делая современное положение дел необходимым этапом поступи Прогресса.

Проведенный анализ, позволяет отметить еще один ракурс трансформации понимания онтологии философии истории, тематизированной в начале статьи. Переосмысление Священной истории в горизонте секулярных смыслов привело к отказу от трансцендентного региона религиозной онтологии и вызвало «онтологическую революцию»: онтология из совокупности авторитетных утверждений о реальности превратилась в систему принципов социального производства реальности. Философская рефлексия была вынуждена обратиться к трансценденталистской методологии и в дальнейшем лишь совершенствовала оптику изучения априорных принципов мышления. Еще более значимыми были социальные следствия трансформации представлений о собственно сущем: мир, развернувшийся в посюсторонней истории и сузившийся до ее границ, требовал новых целей, надежд, легитимаций, средств и алгоритмов действий. Коротко говоря, при переходе от религиозной онтологии к онтологии исторической изменилось все.

Выводы

В качестве первого суммирующего тезиса следует отметить, что превращение религиозной онтологии в онтологию секулярную стало революцией в двух отношениях: 1) оно модифицировало «реалистичную» онтологию (как совокупность канонических констативов) в трансценденталистскую (как систему априорных принципов и форм мышления) и 2) оно сузило горизонт социального проектирования и действия до имманентного измерения реальности.

Продолжить подведение итогов логично уточнением достаточно известной максимы о связи христианской и секулярной философии истории. В этой связи следует подчеркнуть, что в данном случае речь идет не просто об идейном влиянии или аналогии в рассуждениях, а о прямой зависимости философии истории от христианской историософии. Анализ онтологий христианской и секулярной философий истории позволяет говорить об их гене-

³⁹ Кант И. Указ. соч. С. 19.

тической связи и родстве. Онтология философии истории в конечном счете имеет христианское происхождение и использует рационализированные двойники христианской онтологии. Зависимость эту можно проиллюстрировать отчасти метафорическим примером. Секулярная философия истории — это проекция на плоскость объемной христианской философии истории, в некотором смысле это ее тень. То есть это соотношение двухмерной плоскостной фигуры и трехмерной объемной. Иными словами, секулярная философия истории это христианские, по сути своей, очки, систематизирующие исторический опыт, только с затемненным сегментом, который не позволяет увидеть трансцендентное измерение.

Третье резюмирующее положение касается культурного статуса философии истории. Можно с уверенностью констатировать, что она не является историческим инвариантом и неизвестна в таком виде другим эпохам и культурным мирам. Философия истории появляется как способ легитимации новой культурной парадигмы, фундированной программой Просвещения, — Модерна. То есть это способ обоснования секулярного мира, центром которого является человек. В конечном счете философия истории — это интеллектуальная практика детрансцендентализации сущего.

Литература

Андерсон Б. Уявлені спільноти. Міркування щодо походження й поширення націоналізму. Київ: Критика, 2001.

Анкерсмит Ф. Р. История и тропология: взлет и падение метафоры. М.: Прогресс-Традиция, 2003.

Артог Ф., Вернер М. Історія // Європейський словник філософій: Лексикон неперкладностей. Київ: ДУХ І ЛІТЕРА, 2011. С. 278–292.

Артог Ф. Картины мира и представления о времени // Логос. 2021. № 5. С. 59–76.

Белокобыльский А. В. Основания и стратегии рациональности Модерна. Київ: ПАРАПАН, 2008.

Блаженный Августин. О Христианском учении // Блаженный Августин. М.: Изд. Дом Шалвы Амонашвили, 2002. С. 13–152.

Васильев В. В. Сознание и вещи: Очерк феноменалистической онтологии. М.: Книжный дом «Либроком», 2014.

Гегель Г. В. Ф. Лекции по философии истории. М.: Наука, 2005.

Гердер И. Г. Идеи к философии истории человечества. М.: Наука, 1977.

Гуревич А. Я. Средневековый мир: культура безмолвствующего большинства. М.: Искусство, 1990.

Доусон К. Христианский взгляд на историю // Философия истории: Антология: Пособие для студентов гуманитарных вузов. М.: АО «Аспект Пресс», 1994. С. 248–261.

Жильсон Э. Дух средневековой философии / Пер. с фр. Г. В. Вдовиной. М.: Институт философии, теологии и истории св. Фомы, 2011.

Кант И. Идея всеобщей истории во всемирно-гражданском плане // *Кант И.* Собр. соч. В 6 т. Т. 6. М.: Мысль, 1966. С. 5–23.

Кант И. Сочинения. В 6 т. Т. 3. М.: Мысль, 1964.

Касавин И. Т. Социальная эпистемология. Фундаментальные и прикладные проблемы. М.: Альфа-М, 2013.

Конт О. Курс положительной философии. В 6 т. Т. 1. СПб.: Посредник, 1900.

Кроче Б. Теория и история историографии. М.: Школа «Языки русской культуры», 1998.

Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запада. Екатеринбург: У-Фактория, 2007.

Люббе Г. В ногу со временем. О сокращении нашего пребывания в настоящем // Вопросы философии. 1994. № 4. С. 94–113.

Маркс К. К критике политической экономии // *Маркс К., Энгельс Ф.* Сочинения. Т. 13. М.: Гос. изд-во политической литературы, 1959. С. 1–167.

Прот. Сергей Булгаков. Апокалипсис Иоанна. М.: «Отрада и Утешение», 1991.

Рикёр П. Память, история, забвение. М.: Изд-во гуманитарной литературы, 2004.

Савельева И. М., Полетаев А. В. Теория исторического знания: Учеб. пособие. СПб.: Алетейя, 2007.

Стёпин В. С. Теоретическое знание. М.: Прогресс-Традиция, 2000.

Уайт Х. Метаистория: Историческое воображение в Европе XIX века. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2002.

Хюбнер К. Истина мифа. М.: Республика, 1996.

Хюбнер К. Прогресс от мифа через логос к науке как теоретико-познавательная проблема // *Порус В. Н., Касавин И. Т.* (ред.) Разум и экзистенция: Анализ научных и вненаучных форм мышления. СПб.: РХГИ, 1999. С. 114–126.

Devaux M., Lamanna M. The Rise and Early History of the Term Ontology (1606–1730) // *Quaestio.* 9/2009. P. 173–209.

Øhrstrøm P., Uckelman S. L., Schärfe H. Historical and Conceptual Foundation of Diagrammatical Ontology. URL: https://www.academia.edu/11793250/Historical_and_Conceptual_Foundation_of_Diagrammatical_Ontology.

Л. Г. Титаренко

Региональные онтологии и феноменологическая социология

В статье рассматривается понятие «множественные миры» феноменологической социологии Альфреда Шютца, которое логически связано с гуссерлевским понятием «региональные онтологии». Под множественными мирами понимаются создаваемые сознанием субъекта субуниверсумы, или специфические смысловые области, наделяемые им реальностью существования. Каждый такой мир, как показывает Шютц, имеет свой особый когнитивный стиль существования. Раскрыты общие элементы когнитивного стиля миров повседневной жизни, фантазий, сновидений и мира научного знания. Дана характеристика мира повседневной жизни как intersubjectivного мира, существовавшего задолго до рождения переживающего этот мир в настоящий момент субъекта и проинтерпретированного многими предшественниками как организованный мир. При этом специфика каждого мира придает ему такие черты бытия, которые отличают его от других миров. Особое внимание уделяется Шютцем анализу взаимоотношений между реальностью мира повседневной жизни и реальностью теоретического, научного познания мира.

Ключевые слова: региональные онтологии, множественные миры, мир повседневной жизни, intersubjectivный мир, рефлексия, феноменологическая социология.

Larissa G. Titarenko

REGIONAL ONTOLOGIES AND PHENOMENOLOGICAL SOCIOLOGY

The article deals with the concept of “multiple worlds” of the phenomenological sociology of Alfred Schutz, which is logically connected with the Husserlian concept of “regional ontologies”. The multiple worlds are understood as the subuniverses created by the consciousness of the subject, as specific semantic areas endowed by him with the reality of existence. Each such world, as Schutz shows, has its own special cognitive style of existence. The general elements of the cognitive style of the worlds of everyday life, fantasies, dreams and the world of scientific knowledge are revealed. The world of everyday life is characterized as an intersubjective one that existed long before the birth of the subject experiencing this world at the moment and interpreted by many predecessors as an organized world. At the same time, the specificity of each world gives it such features of being that distinguish it from other worlds. Particular attention is paid to Schutz’s analysis of the relationship between the reality of the world of everyday life and the reality of theoretical, scientific knowledge of the world.

Keywords: regional ontologies, multiple realities, world of everyday life, intersubjective world, reflection, phenomenological sociology.

Проблема региональных онтологий связана в феноменологической философии с именем Эдмунда Гуссерля, который использовал это понятие в своих работах, относящихся к первым десятилетиям XX в. Методологическое понятие «региональные онтологии» обозначало у Э. Гуссерля варианты представления о познаваемом «сущем» в различных областях научного знания. Под регионами Э. Гуссерль подразумевал различные типы предметностей, имеющие разные типы данности этих предметностей сознанию¹. Использование этого понятия было связано с проблемой дифференциации различных областей научного знания, которая исследовалась в конце XIX — начале XX вв. многими учеными, мимо которой не мог пройти и Гуссерль. По мнению Э. Гуссерля, каждая эмпирическая наука должна основываться на своей региональной онтологии, которая необходима для частных эмпирических наук (она выполняет для них обосновывающую функцию), но в целом региональная онтология имеет вспомогательный характер. В более поздних трудах Э. Гуссерль уже не использовал понятия «региональные онтологии»², хотя к нему какое-то время обращались ученики философа.

Если теперь обратиться к феноменологической социологии, основоположником которой стал ученик Э. Гуссерля австрийский ученый Альфред Шютц, нужно признать, что напрямую понятие «региональные онтологии» Шютцем не использовалось, хотя сама идея, которую Гуссерль вкладывал в это понятие, осталась актуальной и для феноменологической социологии. Соответственно, в рамках социологии это понятие также не подвергается анализу, в отличие от философии³.

Считается, что А. Шютц дал философское обоснование социальным наукам, используя описательную феноменологию Гуссерля

¹ *Гуссерль Э. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии. Кн. 1: Общее введение в чистую феноменологию / Пер. с нем. А. В. Михайлова. Кн. 1. М.: Академический проект, 2009. С. 45*

² *Гуссерль Э. Избранные работы / Сост. В. А. Куренной. М.: Изд. дом «Территория будущего», 2005.*

³ Можно лишь указать на использование понятия «регион» в исторической социологии и сравнительных исследованиях, в которых рассматриваются общие черты, объединяющие существование ряда соседних стран, на развитие которых повлияли те или иные общие факторы, позволяющие применять к этому сообществу данный термин. См., напр., анализ восточноазиатского региона П. Арнасона, на базе которого ученый предложил рассматривать Вьетнам, Южную Корею, Японию и Китай как особый тип регионального модерна (Arnason J. P. East Asian Modernity Revisited. In: *Essays in honour of Irmela Hijiya-Kirschner on the occasion of her 60th birthday*. Munchen: iudicium Verlag, 2008. P. 395–408).

и таким образом соединил абстрактные философские категории с «жизненным миром», понимаемым как мир непосредственной человеческой жизнедеятельности. Поскольку Шютц создавал новую дисциплину, феноменологическую социологию, он хотел соединить основы феноменологической философии Гуссерля с социологией Макса Вебера. Шютц сознательно отказался от многих идей Гуссерля как неприемлемых для феноменологической социологии: так, социология не может претендовать на абсолютное познание всего сущего, как это имело место в феноменологической философии Гуссерля.

В качестве предмета научного исследования А. Шютца интересовал мир повседневности, воспринимаемый человеком в рамках естественной установки и состоящий из ограниченных объектов, наделяемых смыслом в процессе взаимодействия с ними. Его социология была изначально ориентирована на поиск рациональных оснований мира повседневности и смыслов, которыми действующий индивид наделяет интересующие его объекты⁴. Важнейшие концепции феноменологической социологии включают понятия жизненного мира как мира повседневности, горизонта значений, релевантности, множественности реальностей.

Проблеме, которая логически связана с гуссерлевской идеей региональных онтологий, посвящена работа Шютца «О множественности реальностей». Впервые она была опубликована автором в 1945 г.⁵, но на русский язык переведена относительно недавно, причем фамилия автора указывается в другом варианте транслитерации, нежели в ряде других его публикаций на русском языке. В этой работе автор признает, что «существует, вероятно, бесконечно много различных порядков реальностей, каждый из которых предполагает свой особый и отдельный стиль существования»⁶. Шютц не использует непосредственно понятие «региональные онтологии», но тем не менее его размышления о множественности реальностей мира и о специфике познания каждого из этих миров позволяют говорить о логической связи идеи множественности реальностей Шютца с понятием региональных онтологий Гуссерля.

⁴ Шютц А. Смысловая структура повседневного мира: очерки по феноменологической социологии / Сост. А. Я. Алхасов; пер. с англ. А. Я. Алхасова, Н. Я. Мазлумяновой; научн. ред. перевода Г. С. Батыгин, М.: Институт Фонда «Общественное мнение», 2003.

⁵ Schütz A. On multiple realities. *Philosophy and Phenomenological Research*. 1945. № 5 (4). P. 533-576.

⁶ Шютц А. О множественности реальностей / Пер. с англ. А. М. Корбута // Социологическое обозрение. 2003. Т. 3. № 2. С. 3.

Необходимо отметить, что, разрабатывая проблему множественности реальностей, Шютц ссылается на более ранних авторов, которые также касались этой проблемы. Прежде всего, речь идет об Уильяме Джеймсе — американском философе и психологе, авторе фундаментальной работы «Принципы психологии», в которой обсуждается ощущение человеком реальности. Джеймс пишет, что человек наделяет реальностью все, что вызывает его интерес и является постижимым. Эти области, на которые человек направляет свое внимание, являются субъективными, так как воспринимаются сознанием, но представляются реальными. Таких реальностей, по мнению Джеймса, может быть много. Он причисляет к ним мир ощущений или физических вещей (как верховную реальность), мир науки, мир идеальных отношений, мир «идолов рода», всевозможные сверхъестественные миры мифологии и религии, разнообразные миры индивидуальных убеждений, миры совершенного безумия и чудачества⁷.

Развивая идеи Джеймса о множестве миров, представляющихся сознанию реальностями, Шютц начинает их рассмотрение с центрального из множества миров — с мира повседневной реальности. Шютц подробно его характеризует. Прежде всего, «мир повседневной жизни есть сцена и одновременно объект наших действий и взаимодействий»⁸, человек постоянно совершает действия в мире и над миром, воздействует на него, но и сам находится под воздействием этого мира, придает субъективный смысл всем своим действиям, когда воспринимает их ретроспективно, посредством рефлексии. В отношении мира повседневной жизни человек проявляет активность, руководствуясь своими прагматическими мотивами. Человек может познавать повседневный мир, находясь в состоянии бодрствования, которое способствует интерпретации прошлых и предвосхищению своих будущих переживаний. Шютц определяет шесть элементов, или базовых характеристик, специфического когнитивного стиля, который отличает один мир от другого. Базовые характеристики, составляющие специфический когнитивный стиль мира повседневной жизни, включают, в частности, специфическое напряжение сознания, именуемое бодрствованием, которое позволяет проявлять внимание к жизни; отбрасывание сомнений в том, что этот мир реален (так называемое «специфическое *epoché*»), преобладающую форму спонтанности, специфическую

⁷ *James W.* Principles of Psychology. 1890. In two vol. Vol. II. N. Y.: Henry Holt and Company. P. 291.

⁸ *Шютц А.* О множественности реальностей. С.4.

форму переживания своего Я, специфическую форму социальности (общий intersубъективный мир коммуникации и социального действия); и «стандартное время» как специфическую перспективу времени⁹. Когнитивный стиль каждого из миров помогает его конституированию как особого мира.

Следуя этому когнитивному стилю, человек не может отказаться от признания реальности повседневной жизни естественной, и только испытав «специфический шок» человек может выйти за границы этой «конечной» области смысла и поставить «акцент реальности» на другую область, то есть перейти из одной реальности (например, повседневной жизни) в другую (в мир сновидений, мир театра, мир художественного произведения). Шютц подчеркивает, что последовательность и совместимость переживаний человека в отношении их неповторимого когнитивного стиля имеет место лишь внутри границ той конкретной области смысла, к которой эти переживания принадлежат.

Социальная структура мира повседневной жизни состоит из взаимодействий Я и Другого в «стандартном» времени, в процессе которых эти взаимодействия наделяются смыслами. Мир практических действий человека с объектами, подручными вещами и другими людьми составляет специфическую реальность его повседневной жизни. Понимаемая таким образом повседневная жизнь выступает верховной «по отношению ко множеству других субуниверсумов реальности»¹⁰. Однако Шютц предпочитает отказаться от термина «субуниверсум», который активно использовал Джеймс, заменив его термином «смысловое единство», или «конечная область смысла», так как именно смысл нашего опыта, а не онтологическая структура объектов конституирует реальность. Делая данное заключение, Шютц следует идее Гуссерля о том, что «любые реальные единства суть “единства смысла”»¹¹. Некоторый ряд переживаний получает определение «конечная область смысла», если эти переживания имеют специфический когнитивный стиль и являются не только внутренне последовательными, но и совместимыми друг с другом

Итак, при наличии специфического когнитивного стиля появляется возможность говорить о конечных областях смысла. Мир повседневной реальности — одна из таких многих областей, и в то

⁹ Там же. С. 17–18.

¹⁰ Там же. С. 15.

¹¹ Гуссерль Э. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии. С. 123.

же время она является верховной областью, базовой для остальных. Шютц считал, что смысловые области не соотносятся друг с другом, потому что их когнитивные стили (включая весь набор их характеристик) различны. Однако, поскольку мир повседневной жизни является самой важной смысловой областью, Шютц утверждал, что остальные смысловые области можно описывать как его модификации. Сознание человека может переходить из одной конечной области смыслов в другую много раз даже в течение одного дня или часа, но при этом переходе сознание всегда будет переживать некий субъективный шок («скачок»), связанный с необходимостью быстрой смены когнитивного стиля, то есть смены способа познания мира. Все множественные миры у Шютца — это области разных смыслов, которыми сознание их наделяет, и одновременно это различные региональные способы познания мира. Все множественные миры, вместе взятые, означают для человека его реальность.

А. Шютц подробно останавливается на описании трех таких миров — фантазий, сновидений, и науки, — раскрывает их специфику и разнообразные проявления. Конечно, Шютц не сводит все многообразие миров к этим трем, однако он не уделяет в данной работе отдельного внимания ни религиозному миру, ни мифологическому, ни другим, а просто перечисляет некоторые из них. Но даже осуществленного им анализа оказалось достаточно для того, чтобы показать, как феноменологическая установка позволяет выявить механизмы, лежащие в основе конститутивных процессов восприятия окружающего мира.

Больше всего Шютца интересует мир наук, особенно наук социальных. В отличие от мира повседневной реальности, где человек руководствуется практическими интересами, предназначение научного теоретизирования состоит в том, чтобы наблюдать и, по возможности, понимать мир (а не подчинять или использовать его)¹². Как теоретический мыслитель, субъект прежде всего заинтересован в поиске новых знаний, ради чего он и использует свои наблюдения за повседневным миром¹³. Иначе говоря, в мире научных наблюдений человек испытывает когнитивный интерес. Действуя в области науки, человек вступает в коммуникацию с другими учеными, и его деятельность в этой сфере отличается, прежде всего,

¹² Шютц А. О множественности реальностей. С. 26.

¹³ Однако и в организации социального мира людьми в практических целях уже проявляются начатки той типизации, которой ученые используют в научном методе познания.

тем, что в ней осуществляется рациональная интерпретация познаваемых объектов, и сами действия человека (ученого) также являются рациональными. В других конечных областях смыслов, по мнению Шютца, это бывает очень редко, поскольку субъект руководствуется практическими интересами, привычками, традициями, правилами опыта, а не рациональностью. В повседневной жизни человека интересуют практические результаты и собственное Я, а не то, каким образом человек познает то или другое явление повседневной жизни. В научной области человека интересует не то, будут ли результаты его исследования полезными практике, а то, смогут ли они выдержать научную проверку на обоснованность.

Теоретическое мышление, как оно представлено Шютцем, не вторгается во внешний мир, поэтому и сам процесс теоретизирования, и его результаты можно легко и безболезненно пересмотреть, отменить, отбросить и начать весь процесс теоретизирования сначала. Человек в роли ученого отказывается от поиска решений тех или иных прагматических задач; его интересуют «проблемы и решения, сами по себе подходящие для каждого, в любом месте и в любое время, где бы и когда бы ни доминировали определенные условия, с допущения которых он начинает»¹⁴. В этом смысле он совершает «скачок» из мира повседневной реальности в область теоретического мышления, что требует от него на время отказаться от собственной целостности Я и от своей субъективной точки зрения, стать частичным Я. Пережитый при этом скачке «шок» превращает его в «теоретика», который отбрасывает собственную телесность и целостность Я, свой прежний опыт, свою систему прагматических релевантностей, заключает их «в скобки», как пишет Шютц. Вместо них он выбирает новую систему релевантностей, ориентированную на постановку и последующее решение наличной проблемы, которое становится главной целью научной деятельности.

В отношении области научного теоретизирования Шютц выявляет несколько проблем и парадоксов, разрешение которых затруднительно. Одна из проблем состоит в том, что ученый, проводя наблюдения, должен вписать свои результаты в уже существующую систему релевантного знания: «ученый входит в предконституированный мир научного созерцания, переданный ему исторической традицией его науки»¹⁵. Поэтому он не может быть полностью свободным в своих решениях, так как должен учитывать универсаль-

¹⁴ Шютц А. О множественности реальностей. С. 28.

¹⁵ Там же. С. 29.

ный стиль избранного им поля, а его решения проблемы должны быть сравнимы «с предконституированными проблемами и решениями путем их принятия либо опровержения». Как считал Шютц, в области естественных наук эта проблема не столь актуальна, как в области наук социальных. Поэтому, видимо, всегда будут оставаться нерешенные проблемы, независимо от тщательности научного метода, наблюдений и полученных ученым результатов.

Существование повседневного мира, в котором Я существует как целостное, и мира науки, где Я лишь частичное, затрудняет решение проблем научного мира и требует очень тщательного учета как постулатов научного теоретизирования, так и когнитивных стилей каждого мира. Даже попытки Гуссерля и его единомышленников не дали позитивного решения затруднений между разными смыслами, возникающими в повседневной жизни (в естественной установке), и трансцендентным смыслом, поскольку сами затруднения, возможно, выходят за пределы феноменологии.

Литература

Гуссерль Э. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии. Кн. 1: Общее введение в чистую феноменологию / Пер. с нем. А. В. Михайлова. М.: Академический проект, 2009.

Гуссерль Э. Избранные работы / Сост. В. А. Куренной. М.: Изд. дом «Территория будущего», 2005.

Шютц А. Смысловая структура повседневного мира: очерки по феноменологической социологии / Сост. А. Я. Алхасов; пер. с англ. А. Я. Алхасова, Н. Я. Мазлумяновой; научн. ред. перевода Г. С. Батыгин, М.: Институт Фонда «Общественное мнение», 2003.

Шюц А. О множественности реальностей / Пер. с англ. А. М. Корбута // Социологическое обозрение. 2003. Т. 3. № 2. С. 3–34.

Arnason J. P. East Asian Modernity Revisited. In: *Essays in honour of Irmela Hijya-Kirschner* on the occasion of her 60th birthday. Munchen: iudicium Verlag, 2008. P. 395–408.

James W. Principles of Psychology. In two vol. Vol. II. N. Y.: Henry Holt and Company, 1890.

Schütz A. On multiple realities // *Philosophy and Phenomenological Research*. 1945. № 5 (4). P. 533–576.

Е. В. Петрова

Дисциплинарные онтологии и проблема понимания в экологии

Статья посвящена проблеме дисциплинарных онтологий в экологической науке. Предпринято сравнение понятий «региональные онтологии», «дисциплинарные онтологии» и «специальная научная картина мира». Проведен краткий анализ этих понятий в рамках концепций Э. Гуссерля и В. С. Степина. Сделан вывод о том, что современная экологическая наука настолько расширила область своего применения, что в ней сосуществуют несколько дисциплинарных онтологий. С одной стороны, это означает расширение проблемного поля и, соответственно, практической применимости экологической науки. С другой — порождает разрозненность и оторванность друг от друга внутриэкологических дисциплин (классическая биоэкология, информационная экология, социальная экология, экология культуры и т.д.), представители которых не всегда понимают друг друга. Путем выхода из сложившейся ситуации могла бы стать ориентация ученых на работу не строго в рамках научных дисциплин, а, например, над конкретными проблемами или в рамках определенной методологии. Такой методологией мог бы стать общий универсальный экологический метод.

Ключевые слова: дисциплинарные онтологии, региональные онтологии, Э. Гуссерль, В. С. Степин, экология.

Ekaterina V. Petrova

DISCIPLINARY ONTOLOGIES AND THE PROBLEM OF UNDERSTANDING IN ECOLOGY

The article is devoted to the problem of disciplinary ontologies in ecology. A comparison of the concepts of “regional ontologies”, “disciplinary ontologies” and “special scientific picture of the world” is made. A brief analysis of these concepts is carried out within the framework of the concepts of E. Husserl and V. S. Stepin. It is concluded that modern environmental science has expanded its scope so much that several disciplinary ontologies coexist in it. On the one hand, this means expanding the problem field and, accordingly, the practical applicability of environmental science. On the other hand, it generates fragmentation and isolation from each other of intraecological disciplines (classical bioecology, information ecology, social ecology, cultural ecology, etc.), whose representatives do not always understand each other. The way out of this situation could be the orientation of scientists to work not strictly within the framework of scientific disciplines, but, for example, on specific problems or within a certain methodology. Such a methodology could be a general universal ecological method.

Keywords: disciplinary ontologies, regional ontologies, E. Husserl, V. S. Stepin, ecology.

Весьма перспективным, но при этом явно недостаточно развитым на сегодняшний день направлением современной философии науки является проблематика дисциплинарных и региональных онтологий. Чтобы избежать путаницы в дальнейшем анализе, необходимо сразу определиться с терминологией. Есть ли различие между терминами «региональные онтологии» и «дисциплинарные онтологии» и, если да, в чем оно заключается и чем обусловлено? Также интересно разобраться в соотношении понятий «региональная онтология» и «специальная научная картина мира».

На мой взгляд, прояснить сам термин «онтология», когда он используется в контексте региональной или дисциплинарной онтологии, хорошо помогает определение, данное Р. Поли: «Онтология — это теория объектов... Каков бы ни был или не мог бы быть объект, онтология — это его теория»¹. Таким образом, возможно существование неограниченного множества онтологий.

Понятие «региональные онтологии» было введено Эдмундом Гуссерлем в работе «Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии». Гуссерль характеризует соотношение онтологии и бытия следующим образом: «Любой регионально изолируемой сфере индивидуального бытия соответствует, в предельно широком логическом смысле, определенная онтология, — например, физической природе соответствует онтология природы, животной природе — онтология всего животного, и все эти дисциплины, все равно, разработанные или только теперь постулируемые, подлежат редукции. Материальным онтологиям противостоит “формальная” онтология (единая с формальной логикой мыслительных значений), и ей, в качестве квазирегиона, принадлежит “предмет вообще”»².

Основания региональных онтологий предельно широки и охватывают собой все категории сущего: «Эдмунд Гуссерль в работе “Идеи II” различил три региона сущего (бытия) на основании специфики содержания ноэтико-ноэматической корреляции: конституирование материальной природы, конституирование животной природы и конституирование человеческого мира»³.

¹ *Poli R.* Ontology for knowledge organization. // Knowledge organization and change. R. Green (ed.). Frankfurt: Indeks, 1996, P. 313.

² *Гуссерль Э.* Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии. Книга первая / Пер. с нем. А. В. Михайлова; вступ. ст. В. А. Куренного. М.: Академический проект, 2009. § 59.

³ *Докучаев И. И.* Метафизические и феноменологические основания и итоги региональной онтологии // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2016. № 2. С. 107.

Анализируя соотношение региональных онтологий и конкретных наук в контексте герменевтической методологии М. Хайдеггера, И. В. Демин отмечает, что «региональные онтологии выступают в качестве донаучной тематизации того или иного бытийного региона. Бытийный регион не совпадает с предметной областью той или иной частной позитивной науки. Он представляет собой лишь возможную предметную область науки»⁴. Таким образом, получается, что понятия «региональная онтология» и «специальная научная картина мира» («дисциплинарная онтология») не равнозначны, так как картина мира не обязательно должна быть научной. Возможны религиозная или мифологическая картина мира. «Регионом сущего» может быть не только наука, но любая часть реальности, например, цифровая реальность. «Если речь идет о собственном способе бытия цифровой реальности, которая представляет собой определенный регион сущего, то исследование ее способа бытия должно оказаться ничем иным, как региональной онтологией цифровой реальности»⁵.

Обратимся теперь к понятию «дисциплинарные онтологии», которое широко использовал в своих трудах В. С. Стёпин. Здесь речь идет уже не об областях бытия в самом широком смысле, а конкретно о науке и научной картине мира: «Специально-научные картины мира — это дисциплинарные онтологии. Термин “мир” здесь понимается в узком смысле, не как Универсум, а как его аспект или фрагмент, изучаемый соответствующей дисциплиной: “мир физики”, “мир химических процессов”, “мир биологии” и т. п. В этом значении применяются также термины “физическая реальность”, “биологическая реальность” и т. п.»⁶. Процесс выделения дисциплинарных онтологий из общенаучной картины мира, по сути, совпадает с процессом формирования дисциплинарно организованной науки (конец XVIII — первая половина XIX в.)⁷. Задача дисциплинарных онтологий — формирование це-

4 Демин И. В. Понятие «региональной онтологии в контексте герменевтической методологии М. Хайдеггера // Гуманитарные и социальные науки. 2014. № 2. С. 204.

5 Паткуль А. Б. Возможна ли региональная онтология цифровой реальности? // После постпозитивизма / Научн. ред. и сост. И. Т. Касавин, И. Д. Невважай, Л. В. Шиповалова, Д. С. Артамонов [Электронный ресурс]. М.: Русское общество истории и философии науки, 2022. С. 557.

6 Обсуждение книги академика В. С. Стёпина «Цивилизация и культура». Материалы «круглого стола». В. А. Лекторский, Б. И. Пружинин, В. И. Аршинов, В. Г. Буданов, А. А. Гусейнов, А. С. Запесоцкий, И. Т. Касавин, Е. А. Мамчур, Н. М. Смирнова, В. С. Стёпин, В. Г. Федотова, И. В. Черникова // Вопросы философии. 2013. № 12. С. 5.

7 Стёпин В. С. Теоретическое знание: структура, историческая эволюция. М.: Прогресс-традиция, 2000.

лостного образа «предмета научного исследования в его главных системно-структурных характеристиках посредством фундаментальных понятий, представлений и принципов конкретной науки, который складывается на соответствующем этапе ее исторического развития и меняется при переходе от одного этапа к другому»⁸.

Если на более ранних этапах эволюции знания, например, в Античности, возможны были предельно общие модели бытия, создаваемые философией, то ближе к современности «построение онтологических моделей универсума стало делом конкретных наук, прежде всего, таких, как космология, квантовая физика, биология, синергетика». Важным моментом является то, что в современных исследованиях по философии науки подчеркивается отсутствие знака равенства между региональной онтологией и конкретной научной дисциплиной: «Многообразии картин мира наблюдается даже в одной области научного знания, такой, например, как физика. Таким образом, сегодня мы вынуждены обсуждать вопрос об обоснованности представления о региональных, или локальных, онтологиях»⁹. «Каждая фундаментальная теория соответствует своей региональной онтологии»¹⁰, а в любой конкретной науке может быть несколько таких теорий.

Наглядный пример разнообразия дисциплинарных онтологий в рамках одной науки можно увидеть в современной экологии. На заре своего существования экология являлась чисто биологической наукой, собственно от биологии и отпочковавшейся. Предметом изучения экологии были, по определению ее основателя Геккеля, процессы взаимодействия живого с окружающей средой, то есть она являлась наукой «об отношениях организмов с окружающей средой, куда мы относим в широком смысле все “условия существования”»¹¹. С тех пор экология прошла длинный путь развития, осваивая все новые «регионы бытия», для осмысления которых нужны, соответственно, новые онтологии.

К настоящему времени экология (ее предмет, методы, задачи) трансформировалась из чисто биологической дисциплины

⁸ Платонова В. А. Методология исследований дисциплинарных онтологий // Серия «Вестника СВФУ». 2016. № 2. С. 57.

⁹ Невважай И. Д. Проблема региональных онтологий в современном естествознании // Философия науки и техники. 2009. № 1. Т. 14. С. 131.

¹⁰ Там же. С. 136

¹¹ Геккель Э. Всеобщая морфология организмов. Общие основы науки об органических формах, механически основанной на теории эволюции, реформированной Чарльзом Дарвином // Антология экологии / Состав. и коммент. чл.-корр. РАН Г. С. Розенберга. Тольятти: ИЭВБ РАН, 2004. С. 59

в меганауку, которая занимается исследованием воздействия на биологические объекты не только естественных факторов среды, но и многочисленных процессов антропогенного характера¹². Современная экология представляет собой одновременно и комплекс взаимосвязанных дисциплин, и методологический подход, и мировоззрение.

Ключевым моментом на пути развития экологической науки стало включение в ее сферу внимания человека. Сейчас это кажется очевидным, так как в обывательском представлении экология прежде всего связана с экологическим кризисом, виновником которого является человек. Но, во-первых, так было не всегда, во-вторых, это только одна сторона медали. Остановимся на ней чуть подробнее. Как уже упоминалась выше, изначально экология была наукой об отношениях организмов с окружающей средой. Конечно, человек является таким же живым организмом, но на первых порах он редко попадал в поле зрения экологов. Связано это с тем, что примерно до середины XX в. деятельность человека была не настолько масштабной, чтобы биосфера не могла справляться с ее последствиями. Другими словами, понятия глобального экологического кризиса не существовало. Происходили кризисы локальные, такие как сильное загрязнение воздуха в Лондоне (печально знаменитый лондонский смог, существовавший с конца XIX в., и особенно сильно проявившийся в 1952 г., унеся около 12 000 жизней) или исчезновение отдельных видов растений и животных (например, полное истребление человеком стеллеровой коровы к 1768 г.). Но, поскольку они не затрагивали всю планету, не угрожали существованию человечества в целом, им не уделялось достаточного внимания.

Ситуация начала меняться во второй половине XX в. Экологические проблемы, такие как загрязнение воздуха и воды, истончение озонового слоя, вырубка лесов, приобрели глобальный характер. И, что самое главное, человечество в полной мере ощутило на себе их негативное влияние. Загрязненный воздух и вода приводят к росту заболеваемости (например, онкологией) и смертности, в том числе и детской. Люди, живущие в мегаполисах и промышленных городах, остро и наглядно прочувствовали на себе экологические проблемы. Соответственно, в экологическую проблематику был включен человек как мощный фактор воздействия на

¹² Сартаева Р. С., Нысанбаев А. Н., Сагикызы А. Экология человека в структуре современного научного познания // Вопросы философии. 2015. № 4. С. 37.

окружающую среду. Представление В. И. Вернадского о человеке как о «крупнейшей геологической силе», перестраивающей «своим трудом и мыслью область своей жизни»¹³, воплотилось в жизнь, но, к сожалению, в негативном ключе.

Но экология проявила интерес к человеку не только как к фактору воздействия на среду. С определенного этапа развития этой науки человек стал интересен ей сам по себе, как биологическое и социальное существо. Так возникли экология человека и социальная экология. В центре внимания каждой из этих наук находится проблема взаимодействия и взаимовлияния человека и окружающей среды. Отличие между ними состоит в том, что в центре внимания экологии человека находится человек как биологическое существо, проблемы его здоровья и адаптации. По сути, это экология человека как биологического вида: «Экология человека представляет собою одну из специальных экологий... как экология домового мыши, вороны, бурого медведя, домашней козы, одним словом, любого другого вида животного происхождения»¹⁴. Социальная же экология делает акцент на человеке как существе социальном во взаимодействии с созданной им искусственной средой, например, городской. Предметом социальной экологии становятся «крупные контингенты людей, распадающиеся на отдельные группы в зависимости от своего социального статуса, рода занятий, возраста. Каждая из групп в свою очередь специфическими взаимоотношениями связана с окружающей средой в рамках жилья, мест отдыха, работы и т. д.»¹⁵.

Дальнейшее развитие экологии связано с расширением ее интересов на духовную сферу и сферу культуры. По определению Н. Ф. Реймерса, «в экологию культуры включают антропогенную материально-духовную среду жизни — от культурных ландшафтов и архитектуры до литературы... экология духа исследует сферу морали, воззрений, трудно уловимой духовности человека»¹⁶. То есть экология затрагивает уже не только естественнонаучную проблематику, но и гуманитарную, философскую. В последнее время активно развиваются информационная экология и экология цифровой среды — наука о взаимодействии человека с искусственно создан-

¹³ Вернадский В. И. Несколько слов о ноосфере. // Успехи современной биологии. 1944. № 18. Вып. 2. С. 116.

¹⁴ Алексеев В. П. Очерки экологии человека. М., 1993. С. 159.

¹⁵ Лосев А. В., Провадкин Г. Г. Социальная экология: М.: Владос, 1998. С. 10.

¹⁶ Реймерс Н. Ф. Экология (теории, законы, правила, принципы и гипотезы). М.: Россия молодая, 1994. С. 11.

ной средой на базе информационно-коммуникационных технологий. Существуют также такие дисциплины как экология народонаселения (этноэкология), промышленная (инженерная) экология, медицинская экология, глобальная экология, видеоэкология. Все эти научные дисциплины объединяет анализ взаимоотношений человека с окружающей средой, какой бы она ни была. Например, И. О. Щедрина справедливо полагает, что «окружающая среда современного человека — его, так сказать, природа — это сложная конфигурация символических миров, включающих, помимо материальной реальности животных, растений, гор, долин и рек, ещё и символическую, культурно и исторически значимую реальность (нарратив, информацию, знание и т. п.)»¹⁷.

Возникает вопрос: возможен ли конструктивный диалог и вообще понимание между учеными-экологами в ситуации такого расширения экологической проблематики? На этот вопрос пытался ответить еще Н. Ф. Реймерс, констатируя при этом, что «большой» экологии или мегаэкологии не существует как единого целого, поскольку для нее «нет фундаментальных теоретических основ»¹⁸. Действительно, если рассматривать, к примеру, основополагающее для экологии понятие «окружающей среды», то для биоэколога это будет естественная природная среда (биоценоз), а для представителя информационной экологии — искусственная цифровая среда. В рамках же одной научной картины мира основные понятия должны определять одинаковую область бытия, ведь «картина мира непосредственно регулирует процесс наблюдения и формирования эмпирических фактов»¹⁹. Например, понятие «ген» имеет одинаковый смысл и для физика, и для биолога, и для историка, поскольку является элементом общенаучной картины мира. Несоблюдение этого правила приведет к тому, что даже у представителей одной науки (к примеру, экологов) будут разные научные картины мира (дисциплинарные онтологии). Это может порождать непонимание между учеными и затруднять диалог между ними. Возможно, классический биоэколог вообще не поймет специалиста по информационной экологии и не будет считать его экологом.

Таким образом, мы видим все усиливающийся процесс размытия проблемно-понятийного поля дисциплинарных онтоло-

¹⁷ Щедрина И. О. Историческая память и нарратив: экологические контексты. М.—СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2022. С. 17.

¹⁸ Реймерс Н. Ф. Указ. соч. С. 12–13.

¹⁹ Стёпин В. С. Теоретическое знание: структура, историческая эволюция. М.: Прогресс-традиция, 2000. С. 149.

гий, а соответственно, и дисциплинарно организованной науки. Об этом процессе писал еще В. С. Стёпин: «В современной науке с ее возрастающей междисциплинарностью, их (специальных картин мира. — *Е. П.*) автономия крайне относительна, поскольку они выступают фрагментами общенаучной картины мира»²⁰.

Напрашивается вывод: в современной науке пониманию (нахождению общего языка) между учеными способствует не столько их объединение в рамках той или иной научной дисциплины (физики, химии, биологии), сколько работа в русле того или иного междисциплинарного методологического принципа, объединяющего представителей различных дисциплин (например, экологического подхода). Возможно, философ и эколог, работающие в рамках междисциплинарной экологической методологии, поймут друг друга лучше, чем генетик и ботаник, которые, казалось бы, являются представителями одной научной дисциплины — биологии. В рамках естественных наук данная особенность проявляется еще нагляднее, как подчеркивает Ф. Е. Ажимов: «В настоящее время активный исследователь все чаще избегает ассоциации с отдельной областью знаний»²¹. Естественные науки «работают *над* проблемами, а не *в рамках* дисциплин»²².

Интересную альтернативу традиционному разделению наук предлагают В. С. Данилова и Н. Н. Кожевников, объединяя анализ дисциплинарных онтологий и химической картины мира: «Дальнейшие научные исследования по дисциплинарным онтологиям убеждают... в том, что картины мира следует рассматривать не по наукам, которые все теснее будут переплетаться друг с другом, а по структурным уровням, которые характеризуются определенными пространственными и временными параметрами»²³.

Проблематика региональных и дисциплинарных онтологий применительно именно к научному познанию, безусловно, является актуальной частью современных исследований в области философии науки. Ее разработка порождает споры, во время которых становится возможным по-новому взглянуть на привычные понятия, например, такие, как «окружающая среда». В ходе такого рода

²⁰ Там же. С. 120.

²¹ Ажимов Ф. Е. Что такое междисциплинарность сегодня? (Опыт культурно-исторической интерпретации зарубежных исследований) // Вопросы философии. 2016. № 11. С. 71.

²² Там же. С. 74.

²³ Данилова В. С., Кожевников Н. Н. Химическая картина мира и ее положение в системе фундаментальных дисциплинарных онтологий // Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М. К. Аммосова. 2009. Т. 6. № 2. С. 107.

дискуссий рождаются новые подходы к построению научной методологии и организации научных исследований, которые, в свою очередь, стимулируют развитие науки.

Литература

Ажимов Ф. Е. Что такое междисциплинарность сегодня? (Опыт культурно-исторической интерпретации зарубежных исследований) // Вопросы философии. 2016. № 11. С. 70–77.

Алексеев В. П. Очерки экологии человека. М.: Наука. 1993.

Вернадский В. И. Несколько слов о ноосфере // Успехи современной биологии. 1944, № 18. Вып. 2. С. 113–120.

Геккель Э. Всеобщая морфология организмов. Общие основы науки об органических формах, механически основанной на теории эволюции, реформированной Чарльзом Дарвином // Антология экологии / Состав. и коммент. чл.-корр. РАН Г. С. Розенберга. Тольятти: ИЭВБ РАН, 2004.

Гуссерль Э. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии. Книга первая / Пер. с нем. А. В. Михайлова; Вступ. ст. В. А. Куренного. М.: Академический проект, 2009.

Данилова В. С., Кожевников Н. Н. Химическая картина мира и ее положение в системе фундаментальных дисциплинарных онтологий // Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М. К. Аммосова. 2009. Т. 6. № 2. С. 106–111.

Демин И. В. Понятие «региональной онтологии в контексте герменевтической методологии М. Хайдеггера // Гуманитарные и социальные науки. 2014. № 2. С. 202–205.

Докучаев И. И. Метафизические и феноменологические основания и итоги региональной онтологии // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. № 2, 2016. С. 106–112.

Лосев А. В., Провадкин Г. Г. Социальная экология: М.: Владос, 1998.

Невважай И. Д. Проблема региональных онтологий в современном естествознании // Философия науки и техники. 2009. № 1. Т. 14. С. 131–143.

Обсуждение книги академика В. С. Стёпина «Цивилизация и культура». Материалы «круглого стола». В. А. Лекторский, Б. И. Пружинин, В. И. Аршинов, В. Г. Буданов, А. А. Гусейнов, А. С. Запесоцкий, И. Т. Касавин, Е. А. Мамчур, Н. М. Смирнова, В. С. Стёпин, В. Г. Федотова, И. В. Черникова // Вопросы философии. 2013. № 12. С. 3–47.

Паткуль А. Б. Возможна ли региональная онтология цифровой реальности? // После постпозитивизма / Научн. ред. и сост. И. Т. Касавин, И. Д. Невважай, Л. В. Шиповалова, Д. С. Артамонов [Электронный ресурс]. Москва: Русское общество истории и философии науки, 2022. С. 556–558.

Платонова В. А. Методология исследований дисциплинарных онтологий // Серия «Вестника СВФУ». 2016. № 2. С. 56–62.

Реймерс Н. Ф. Экология (теории, законы, правила, принципы и гипотезы). М.: Россия молодая, 1994.

Сартаева Р. С., Нысанбаев А. Н., Сагикызы А. Экология человека в структуре современного научного познания // Вопросы философии. 2015. № 4. С. 36–47.

Стёпин В. С. Теоретическое знание: структура, историческая эволюция. М.: Прогресс-традиция, 2000.

Щедрина И. О. Историческая память и нарратив: экологические контексты. М.–СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2022.

Poli R. Ontology for knowledge organization. // Knowledge organization and change. R. Green (ed.). Frankfurt: Indeks, 1996. P. 313–319.

Раздел IV.
Региональные
ОНТОЛОГИИ
ЭКСПЕРТНЫХ
ПРАКТИК

Регионализация дисциплинарных онтологий в контексте экспертных функций науки¹

Экспертиза, по самой своей сути, феномен социально-гуманитарный. Вместе с тем любое экспертное заключение всегда претендует на объективность, на точную и однозначную оценку данной ситуации. В основе этой претензии сегодня, как правило, лежит апелляция эксперта к науке, к проведенному им на базе науки исследованию оцениваемой ситуации. На первый взгляд, здесь все очевидно: есть конкретный социогуманитарный запрос на экспертизу, и есть конкретный научно обоснованный ответ на этот запрос. Но, констатируя эту демонстративную сбалансированность экспертных практик, не следует упускать из виду, что сколь бы ни было специальным, строго научным экспертное исследование той или иной конкретной ситуации, оно всегда подчинено интересам социального агента, определяющего ракурс оценки рассматриваемой ситуации. Таким образом, экспертиза — это всегда конкретный, также и в научном плане, ответ на конкретный практический запрос, заданный его целями. Соответственно, в оценке качества самой экспертизы (в «экспертизе экспертизы») вполне уместным представляется не только очевидный вопрос о ее научной корректности, но и вопрос о степени соответствия научных оснований ее социально-гуманитарной заданности. В статье проводится мысль об обязательном имманентном присутствии в экспертизе философско-методологической, в широком смысле, эпистемологической, рефлексии, корректирующей в этом плане адекватность и полноту экспертизы.

Ключевые слова: экспертиза, философия науки, эпистемология, региональные онтологии, феноменология.

Boris I. Pruzhinin

REGIONALIZATION OF DISCIPLINARY ONTOLOGIES IN THE CONTEXT OF SCIENCE'S EXPERT FUNCTIONS^{2*}

Expertise, by its very essence, is a social and humanitarian phenomenon. At the same time, any expert opinion always claims to be objective, an accurate and unambiguous assessment of a given situation. At first glance, everything is obvious here: there is a specific socio-humanitarian request for expertise, and there is a specific scientifically based answer to this request. But, while stating this demonstrative balance of expert practices, one should not lose sight of the fact that no matter how special, strictly scientific expert research of a particular situation is, it is always subordinated to the interests of the social agent who determines the perspective of assessing the situation examined. Thus, expertise is always a specific, also in scientific terms, response to

¹ Работа выполнена в рамках проекта Института логики, когнитологии и развития личности, поддержанного грантом РФФ, № 22-28-01632 «Экспертиза как эпистемологический феномен в контексте различения фундаментальных и прикладных установок в науке».

² Research has been performed within the project supported by Russian Science Foundation No. 22-28-01632 «Expert examination as an epistemological phenomenon in the context of distinction between fundamental and applied guidelines in science».

a specific practical request set by its goals. Accordingly, in assessing the quality of the expertise itself (in the “expertise of expertise”), not only the obvious question of its scientific correctness seems quite appropriate, but also the question of the degree to which the scientific foundations correspond to its social and humanitarian objectives. The article presents the idea of the obligatory immanent presence in the expertise of philosophical and methodological, in a broad sense, epistemological, reflection, which corrects in this regard the adequacy and completeness of the expertise.

Key words: expertise, philosophy of science, epistemology, regional ontologies, phenomenology

Начну с примера. Если экспертиза осуществляется в ходе судебного процесса, предполагающего для аргументации точное установление химического состава какого-либо вещества, то его анализ, сколь бы научно корректным он ни был сам по себе, тем не менее, ориентирован вполне определенным заказом. Казалось бы, как может повлиять юрист, заказавший химический анализ на ученого, осуществляющего экспертизу. Ведь на первый взгляд функция аналитика заключается в том, чтобы просто подтвердить состав исследуемого вещества. Однако не все так просто (дьявол кроется в деталях). Юристу могут потребоваться дополнительные экспертные заключения, уточняющие ситуацию и время возникновения этого вещества и т. д. А потому он будет возвращаться с детализацией заказа и тем самым расширять экспертную деятельность. Вот почему я полагаю, что *заказанное* юристом химическое исследование по своей направленности, а стало быть, по своим когнитивным параметрам, практически всегда должно учитывать момент использования этого вещества в том или ином варианте целенаправленной человеческой деятельности. Так что целый ряд эпистемологических параметров процедуры экспертного исследования (сфера исследуемой предметности, объем и характер привлекаемого научного инструментария, необходимая степень точности и пр.) будут в этом случае определяться вполне конкретными, социально-гуманитарными по своей природе, юридическими запросами. И по мере того, как разрастается сегодня количество и качество различных областей, где применяются экспертные процедуры, экспертиза все более «гуманитаризирует» свои собственно когнитивные основания (которые как раз и придают ей статус объективной).

Именно это обстоятельство я хочу подчеркнуть, поскольку в центре философского анализа феномена экспертизы (можно сказать, философской метаэкспертизы) сегодня превалирует, как правило, ее социально-гуманитарное измерение. В центре внимания

данной статьи — эпистемологические особенности экспертизы, обеспечивающие саму возможность объективного выполнения ее функций. Причем потребность в такого рода рефлексии связана сегодня еще и с тем обстоятельством, что, в силу серьезных изменений, произошедших ныне в самой науке, не менее серьезного философского переосмысления требует и сам когнитивный потенциал научного знания, присутствующего в экспертных практиках³.

В XX столетии наука фактически превратилась в социально-экономическую подсистему общества и, в силу нарастания в ней прикладных ориентаций и связанных с ними технологических и институционально-структурных трансформаций, существенно изменилась. Произошедшие изменения затронули и ее философско-методологические параметры, играющие важную роль также в решении конкретных экспертных задач. В данном случае считаю необходимым хотя бы обозначить те методологические трансформации современной (подчеркну, современной, существенно изменившейся к XXI в.) научно-познавательной деятельности, которые обеспечивают и социально-гуманитарную эффективность, и когнитивную полноту экспертизы. При этом, полагаю, что для реализации данной исследовательской цели следует обратиться к эпистемологической традиции, в рамках которой фактически сложилась концепция «региональных онтологий», — к философской феноменологии.

Обращение к этой концепции позволяет учесть присутствие в основаниях различных научных направлений или дисциплин философского инструментария, обеспечивающего герменевтическое истолкование целей (смысла) собственно познавательной деятельности. Применительно к нашей теме, обращение к этому инструментарии открывает возможность рефлексивно учитывать эпистемологический смысл социального запроса в определении когнитивной полноты экспертного исследования. При этом необходимость подобного осмысления научных оснований экспертных практик обретает сегодня особую актуальность в силу того, что важнейшей эпистемологической характеристикой современного научного познания является его полидисциплинарность, обеспечивающая в данном случае запрашиваемую экспертизой полноту исследования, но вместе с тем порождающая проблему взаимопонимания исследователей. Проблема эта возникает как следствие интенсивной дифференциа-

³ Пружинин Б. И. Экспертиза как эпистемологический феномен // Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология. 2021. Т. 37. Вып. 3. С. 398.

ции специальных научных дисциплин и умножения соответствующих вариантов представления о познаваемом «сущем» в различных областях научного знания. Перспективы философского осмысления проблемы понимания в этом контексте наметил в свое время Эдмунд Гуссерль, выдвинув феноменологическую по своей сути концепцию «региональных онтологий»⁴.

Обращение Гуссерля к онтологии было (по крайней мере, отчасти), компенсаторной философской реакцией на методологический запрос науки. Еще в самом начале прошлого столетия стало проясняться, что процессы дисциплинарной дивергенции, помимо всего прочего, «размывают» научную картину мира, предполагающую структурное единство, а стало быть, и методологическую соотносимость различных областей, направлений и даже типов науки. К веку нынешнему процесс этот настолько усилился, что фактически лишил научную картину мира той эвристической и философско-методологической функции, которую она, именно благодаря своей системной целостности, выполняла в качестве убедительной демонстрации бытийных оснований научного знания. Вместе с тем, именно распад общенаучной картины мира, вызвавший потерю ее методологической значимости для отдельных дисциплин, обратил интерес философов к методологической, по сути, проблеме единства научного знания в рамках междисциплинарных исследовательских программ — на процесс по своим целям прямо противоположный дифференциации дисциплин. Ибо стало ясно, что в контексте столкновения этих процессов перед нами уже вопрос, требующий философского осмысления — вопрос об особом слое представлений о мире, представлений о «сущем», формирующихся в рамках обращенной к научному познанию онтологии.

Отмеченная выше «конкуренция» между научной картиной мира и онтологией — явление отнюдь не новое в истории познания. Как известно, онтология есть учение о бытии, о бытийных характеристиках существующего, о том, что придает существующему, описываемому также и наукой, статус бытия. Потребность в онтологии появилась вместе с развитием наук, в которых различалось то, что мы видим и изучаем с помощью научного инструментария, и того, что утверждает по поводу «сущего» на этот счет миф, религия или метафизика, наделяющие (по-разному, очевидно) познаваемое статусом бытия. Сама потребность в апелляции науки к этому

⁴ Гуссерль Э. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии. Т. 1 / Пер. с нем. А. В. Михайлова. М.: ДИК, 1999. С. 37, 39.

уровню представления существующего была, на мой взгляд, изначально связана с имманентной потребностью науки в целостном представлении о реальности. Ученые нуждаются отчасти в мировоззренческом, отчасти в методологическом сознании общественного, духовного и практического смысла познавательной деятельности — в сознании ценности самого феномена научного познания. Но в Новое время, по известным причинам, онтология постепенно вытеснялась научной картиной мира, взявшей на себя роль онтологии как слоя выражения бытийных оснований предмета научных исследований. К началу XX в. в науке вновь возникла потребность в онтологии, в особой форме представления реальности, отличной от функций научной картины мира.

Концепцию Э. Гуссерля, знаменующую, так сказать, возвращение онтологии обстоятельно описали и проанализировали в первой главе этой книги И. А. Михайлов и дискутирующий с ним М. А. Белоусов⁵. Но в данном случае важно обратить внимание на ситуацию, сложившуюся к тому времени в сфере науки и стимулировавшую появление феноменологии. Гуссерль ввел в эпистемологические контексты идею «региональных онтологий», когда процесс дифференциации научных дисциплин только начинал разворачиваться. Он, так сказать, «ощутил» философско-методологические последствия этого процесса для науки. Предметные области научных исследований становятся все более специализированными и в плане языка их описания, и с точки зрения методов их познания; а в результате возникает философско-методологическая потребность в понимании «сущего», которое они познают, в обращении к их онтологиям. И хотя представления Гуссерля о регионализации «сущего» несколько отличаются от того, что мы можем видеть сегодня, но суть «поворота», происходящего на его глазах, он «схватил» достаточно точно. И потому интенция его феноменологических разработок осознается современной наукой уже как нечто конкретное и перспективное в философско-методологическом плане.

Очень точно выразил проблемную ситуацию, породившую обращение к онтологии на своем философском языке М. Хайдеггер: бытие начало «отрываться», «отделяться» от сущего, так что онтология и метафизика начали расходиться⁶. Он сумел не просто «раз-

⁵ См. наст. изд.

⁶ *Бибихин В. В.* Дело Хайдеггера // Хайдеггер М. *Время и бытие*. М.: Республика, 1993. С. 34; *Хайдеггер М.* Европейский нигилизм // Хайдеггер М. *Время и бытие*. М.: Республика, 1993. С. 152, и др.

личить» этот процесс распада научной картины мира, но и сформулировать порождаемые им проблемы. Мы этот распад принимаем как факт. Более того, мы уже принимаем как норму радикальную дифференциацию научных дисциплин, предметная реальность в которых приобрела индивидуальные черты. Но, как было отмечено выше, еще до Хайдеггера процесс формирования вариантов «сущего» привел Гуссерля к осмыслению того, что он назвал «региональными онтологиями». При этом, повторю, особый интерес в данном случае вызывает, прежде всего, тот философский ракурс видения научного знания, который он предельно ясно ощутил в своих философских изысканиях, — стержневую методологическую проблематику науки, динамично уходящей от классических установок Нового времени. Это тем более важно, что в современной нам науке аналогичная проблематика упорно выдвигается на первый план и в области естествознания, и в области гуманитарных исследований.

Сегодня научная картина мира продолжает «рассыпаться», дробиться, дифференцироваться (что можно, к примеру, иллюстрировать гигантским списком научных специальностей диссертационных работ, связанных с номенклатурой предмета и объекта исследования). Но при этом, философски осмысливая современную науку, важно иметь в виду, что дифференциация научных дисциплин — это лишь одна сторона становящейся ныне науки. Наука XXI в. — это прежде всего междисциплинарные, экспериментально-поисковые исследовательские программы, в рамках которых процесс познания приобретает коллаборативный характер⁷. В реализации таких целенаправленных полидисциплинарных программ принимают участие специалисты из самых разных научных дисциплин, естественно, обремененные своими собственными, очевидно, «региональными» представлениями о «сущем». Структурные контуры этих программ очерчиваются вполне определенными теоретическими конструкциями, разработанными в рамках опять же вполне определенных дисциплинарных направлений⁸. Но реализация программы, заданной этой конструкцией, предполагает сотрудничество зачастую нескольких тысяч ученых, представляющих очень разные специальности — от профессионально-технических

⁷ Пронских В. С. Коллаборация большой науки как вызов трансцендентальному субъекту // Вопросы философии. 2018. № 5. С. 88–93; Галисон П. Коллективный автор // Вопросы философии. 2018. № 5. С. 93–113.

⁸ См.: Огурицов А. П. Дисциплинарная структура науки. Ее генезис и обоснование. М.: Наука, 1988.

до абстрактно-математических. Очевидно, для того, чтобы основанное на такого рода сотрудничестве междисциплинарное исследование состоялось, необходима концептуальная «надстройка» в виде особого рода «региональной онтологии» — концептуальной конструкции, соотносимой со специально-научной направленностью программы, но, по преимуществу, если угодно, языково-метафорической, призванной обеспечить взаимопонимание и единство ее участников по поводу цели (смысла) исследования. Очевидно также, что структурировать эту онтологическую, по сути, смысловую «надстройку», способную обеспечить выполнение ее эпистемологических функций в современной науке, может лишь философия. Лишь благодаря наличию некоторой сферы взаимного понимания, предпосылки которой содержит в себе онтология, становится возможным координированное сотрудничество ученых, весьма по-разному осмысливающих и, соответственно, по-разному представляющих в рамках своих дисциплинарных онтологий познаваемую, в рамках исследовательских программ, реальность. В ходе общения они осознают методы реализации этих программ, границы и роль своего участия. На первый план здесь выходит феномен осмысления познавательных целей данной программы, феномен понимания, обеспечивающий, благодаря своему особому эпистемологическому статусу, общение ее участников — уразумение смысла коллаборативной исследовательской работы ученых⁹.

Эпистемологический анализ этого интеллектуально-экзистенциального феномена — чрезвычайно широкая тема. В данном случае важно отметить, что именно в рамках феноменологически ориентированной философии науки нам удастся по-новому осмыслить проблемы современной науки и происходящие в ней сдвиги. Философская феноменология изначально поставила в центр своих интересов осмысление путей понимания, методы герменевтики, дополняющие традиционные методы науки¹⁰. Это обстоятельство позволяет нам, в частности, по-новому оценить эпистемологические функции научного знания, лежащего в основании современных экспертных практик, в их соотношении с социально-гуманитарными целями экспертизы.

⁹ Пружинин Б. И. Воспроизводимость эксперимента как инструмент познания (эпистемологический анализ) // Вопросы философии. 2021. № 10. С. 18–28.

¹⁰ См.: Герменевтическая традиция в России: актуальные контексты и современные проблемы / Под ред. Б. И. Пружинина, Т. Г. Щедриной. М., СПб., Белгород: ЦГИ Принт, 2019.

В контексте философского осмысления экспертизы феноменологическая концепция «региональных онтологий» позволяет учесть особенности продвинутых познавательных практик современной науки, привлекаемых для обеспечения полноты и всесторонности экспертной оценки. В этом случае онтология выступает как эпистемологический инструмент рефлексивного уточнения конкретной цели экспертизы в проблемной социогуманитарной ситуации. Такого рода философская рефлексия позволяет определить массив и типы дисциплинарного знания, необходимые для эффективной экспертной оценки, не уводящей в бесконечность субъективных запросов. При этом, проясняя когнитивный, практический и культурно-исторический потенциал конкретной заявки на экспертизу, философская рефлексия ориентирует ученого-аналитика на цели, на понимание, на смысл. И эти возможности, подчеркну, открывает феноменологическая апелляция к онтологии; она позволяет преодолевать региональные границы замкнутых специальных научных дисциплин с их конкретным понятийным и методологическим аппаратом. Мы имеем в данном случае выход к взаимному пониманию полидисциплинарного исследования предметных оснований экспертизы и ее смысла в целом.

Мы, таким образом, можем выявлять границы онтологий научных дисциплин, используемых в ходе конкретного экспертного исследования, опираясь на определенность и специфичность видения вещи, на ее онтологический смысл. В то же время поворот к региональным онтологиям позволяет нам видеть, интенционально фиксировать и оценивать гуманитарный смысл этой вещи, что открывает нам возможность привлекать, если требует запрос на экспертизу, другие дисциплины, осмысливая социогуманитарную цель этого запроса. Мы можем учитывать, где и каким образом способны прорваться за «слой» представлений об объекте, заданный нам, с одной стороны, конкретной научной дисциплиной, а с другой, социумом, со всеми его практическими и технологическими условностями. Эти возможности открывает нам феноменологический подход, требующий от эксперта чистоты интенционального видения оцениваемой предметной сферы, а также рефлексивно схватывать смысл — глубинный и исходный для культуры, в которой мы живем, где разворачивается наша история. Гуссерль представил это как интенциональность нашего индивидуального сознания. Шпет обогатил ее пониманием роли общения в этом прорыве¹¹ (не ком-

¹¹ См. об этом: *Щедрина Т. Г.* Герменевтика как метод гуманитарных наук. Опыт архивных исследований // Вопросы философии. 2019. № 11. С. 40–44.

муникации, но именно общения, разговора, в методологические основания которого включается герменевтика, позволяющая уяснить смысл той или иной конкретной экспертной практики). Так мы возвращаемся в историю человечества.

Литература

Бибихин В. В. Дело Хайдеггера // *Хайдеггер М.* Время и бытие. М.: Республика, 1993. С. 3–14.

Герменевтическая традиция в России: актуальные контексты и современные проблемы / Под ред. Б. И. Пружинина, Т. Г. Щедриной. М., СПб., Белгород: ЦГИ Принт, 2019.

Гуссерль Э. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии. Т. 1 / Пер. с нем. А. В. Михайлова. М.: ДИК, 1999. С. 37, 39.

Огурцов А. П. Дисциплинарная структура науки. Ее генезис и обоснование. М.: Наука, 1988.

Пронских В. С. Коллаборация большой науки как вызов трансцендентальному субъекту // Вопросы философии. 2018. № 5. С. 88–93.

Галисон П. Коллективный автор // Вопросы философии. 2018. № 5. С. 93–113.

Пружинин Б. И. Воспроизводимость эксперимента как инструмент познания (эпистемологический анализ) // Вопросы философии. 2021. № 10. С. 18–28.

Пружинин Б. И. Экспертиза как эпистемологический феномен // Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология. 2021. Т. 37. Вып. 3. С. 398.

Хайдеггер М. Европейский нигилизм // *Хайдеггер М.* Время и бытие. М.: Республика, 1993. С. 63–176.

Щедрина Т. Г. Герменевтика как метод гуманитарных наук. Опыт архивных исследований // Вопросы философии. 2019. № 11. С. 40–44.

Эмпирические исследования в биоэтической экспертизе как проявление «регионализации» в постнеклассической науке¹

В статье рассматривается парадигмальный сдвиг, произошедший на рубеже XX–XXI столетий в феномене биоэтической экспертизы. Наиболее ярким, затрагивающим самые основания экспертных практик проявлением этого сдвига стала их регионализация — тенденция к эмпирическому исследованию, ограниченному конкретными биосоциальными ситуациями. Очевидно, произошедшие в биоэтической экспертизе изменения связаны с трансформациями в науке, которые можно представить как постнеклассический этап ее развития, предполагающий «регионализацию» исследований в рамках отдельных научных дисциплин. Этот сдвиг делает необходимым обращение эксперта к особому региональному онтологическому контексту, повседневной практике и жизненному миру для подкрепления аргументации по моральным вопросам. Одновременно с этим проблематизируются соотношение нормативного и эмпирического, их совмещение и перспективы такой интеграции. В статье делается вывод о том, что эмпирическая биоэтика сегодня может рассматриваться как одна из самых сложных теоретических форм осмысления биосоциальных последствий развития науки, которая ориентирована на поиск новых способов взаимодействия гуманитарных и естественных наук.

Ключевые слова: биоэтика, этика, постнеклассическая наука, методология, эмпирическая биоэтика, трансдисциплинарность.

Vladimir A. Vetrov

EMPIRICAL RESEARCH IN BIOETHICAL EXPERTISE AS A MANIFESTATION OF “REGIONALIZATION” IN POSTNONCLASSICAL SCIENCE²

The article examines how the paradigm shift at the postnonclassical stage of the development of science realizes itself both in the phenomenon of bioethical expertise itself and in its internal functioning, namely the tendency towards empirical research, “regionalization” of its examination. It makes it necessary for the expert to refer to a particular regional ontological context, everyday practices and lifeworlds to underpin moral argumentation. At the same time, it problematizes the relationship between the normative and the empirical, their juxtaposition, and the perspectives

¹ Работа выполнена в рамках проекта Института логики, когнитологии и развития личности, поддержанного грантом РНФ, № 22-28-01632 «Экспертиза как эпистемологический феномен в контексте различения фундаментальных и прикладных установок в науке».

² Research has been performed within the project supported by Russian Science Foundation No. 22-28-01632 «Expert examination as an epistemological phenomenon in the context of distinction between fundamental and applied guidelines in science».

of such integration. It concludes that empirical bioethics is a candidate for being one of the most sophisticated theoretical forms, and that it is relevant to explore its methodologies, which may provide entirely new ways in which the humanities and the sciences interact.

Keywords: bioethics, ethics, post-nonclassical science, methodology, empirical bioethics, transdisciplinarity.

Современные эпистемологи полагают, что «постнеклассический этап развития науки в исследовании человека отличается не просто интеграцией научных подходов, а требует методологически акцентированных трансдисциплинарных связей, обобщающей роли философско-методологического знания, необходимости развития практикоориентированной прикладной философии как организационной и систематизированной формы научной рефлексии, с одной стороны, и глубинной этической регуляции, с другой стороны»³. Естественнонаучные дисциплины сближаются в стратегиях исследования с гуманитарными науками, вводя категории долга, морали, ответственности и т. д.⁴ В отношении к технологическим рискам современная наука парадоксальным образом начинает занимать тройственное положение — она является одним из главных производителей рисков, практически единственным разработчиком достоверных методов их оценки, а также вырабатывает механизмы предупреждения нежелательных последствий или борьбы с ними — тогда, когда они уже имеют место. Именно такое тройственное положение порождает феномен экспертизы, которая сегодня выполняет не только оценочную, аксиологическую и превентивную функции в науке, но и сама становится одним из факторов производства нового знания, обнаруживает социально-эпистемологические контекстуальные аспекты исследований⁵.

Вопрос о сущности и роли морального эксперта и, соответственно, проводимой им экспертизы является сегодня одним из важнейших для философии науки. Так, Питер Сингер считает, что философы способны лучше других принимать «правильные, или, по крайней мере, обоснованные» решения⁶. То есть для него приближение к объективно правильным заявлениям происходит

³ Яскевич Я. С. Биоэтический дискурс в контексте постнеклассической науки. URL: http://intelros.ru/pdf/Diskusi_etiki/2013_4/yaskevich.pdf.

⁴ Стёпин В. С. Теоретическое знание. Структура, историческая эволюция. М., 2000.

⁵ Мишаткина Т. В. Универсальные принципы, моральные нормы и ценности биомедицинской этики // Биоэтика и гуманитарная экспертиза. № 1. 2007.

⁶ Singer P. Moral Experts // Analysis. Vol. 32. 1972. № 4. P. 115–117.

за счет искусной и скрупулезной философской аргументации. Он предполагает, что философы способны находить, понимать и отделять соответствующие эмпирические данные лучше неспециалистов, понимать внутреннюю и внешнюю логику моральных аргументов, лучше фиксируют предвзятость и предубеждения, а также банально имеют больше времени на обдумывание моральных вопросов, чем среднестатистический человек. Хотя моральная экспертиза и не является прерогативой биоэтиков (как минимум из-за привлечения профанов — laypersons — как методологической нормы работы этических комитетов⁷), но специалисты имеют эпистемологическое преимущество при обсуждении этих вопросов, в том числе и в оперировании эмпирическими данными⁸.

Этика по своей сути является нормативным предприятием, поскольку она хочет иметь возможность делать заявления о том, как люди должны действовать, независимо от их реальных поступков. Критика же биоэтики ставит под сомнение традиционный философский подход к проведению исследований, утверждая, что философская биоэтика слишком абстрактна и слишком оторвана от живого морального опыта людей, чтобы быть способной делать «должные» утверждения о мире.

Именно здесь обнаруживается потребность в очередной реактуализации рассмотрения классического метаэтического вопроса о соотношении сущего и должного⁹. При этом важным оказывается не только определение «границ» между этими категориями, но и структурные особенности построения этического рассуждения. В этом смысле эмпирический поворот в биоэтике является трансформациями «форм и способов «опредмечивания» должного в материи сущего»¹⁰. Эти трансформации носят в том числе и онтологический характер, когда аспекты сущего и должного рассматриваются как особые реальности нравственного характера.

⁷ Тищенко П. Д., Юдин Б. Г. Социогуманитарное сопровождение инновационных проектов в биомедицине // Знание. Понимание. Умение. 2016. № 2.

⁸ Гребенщикова Е. Г. Биоэтика в теории и на практике: два взгляда на одну проблему; Franklin S. Ethical research — the long and bumpy road from shirked to shared // Nature. 2019. Vol. 574, N 7780. P. 627–630; Camporesi S., Cavaliere G. Can bioethics be an honest way of making a living? A reflection on normativity, governance and expertise // Journal of medical ethics. 2020. Online First // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 8: Науковедение. 2021. № 1. С. 7–19. (Сводный реферат)

⁹ Borry P., Schotsmans P., Dierickx K. The Birth of the Empirical Turn in Bioethics // Bioethics. 2005. Vol. 19. No. 1. P. 49–71.

¹⁰ Максимов Л. В. Сущее и должное: проблемные контексты // Этическая мысль. 2019. Т. 19. № 2. С. 38–50.

В этом смысле эмпирический поворот в биоэтике приводит дисциплинарное поле к важности рассмотрения практического контекста, региональных онтологий мест, в которых требуется биоэтическое решение какой-либо проблемы. Необходимость «регионализации» обуславливается не только адаптацией моральных норм и ценностей к конкретике отраслевых и географических ситуаций, то есть принципалистского взгляда на прикладную этику, но переворачивает и во многом оспаривает этот подход вообще. Регионализация указывает на уникальность каждой возникающей биоэтической ситуации, требующей партикуляристского подхода, анализа этических характеристик реальных нравственных действий, прецедентов моральных решений и т. д. для получения нормативных предписаний. Таким образом, использование эмпирического знания и даже выделение его лидирующей позиции в нормотворческой деятельности является восприятием процесса «регионализации».

Что же означает «эмпирический» в биоэтической экспертизе? Для исследователей в этой области «эмпирический» означает социальный контекст, а «эмпирическая этика» означает исследования в области этики или об этике, которые принимают во внимание социальный контекст. Социальный контекст может относиться к институциональным, реляционным, культурным, социальным, пространственным или виртуальным измерениям жизни человека и животных¹¹.

«Регионализация» анализа биоэтических экспертиз и опора на эмпирику реализуется при оценке внедрения биотехнологий. Так, например, при разработке дизайна преконцепционного скрининга (тестирования на носительство рецессивных мутаций у будущих родителей) в австралийском проекте «Миссия Маккензи» упор был сделан именно на всестороннее исследование регионального контекста, а определение генетических заболеваний, подлежащих скринингу, опиралось на указание, что «типичная пара предпримет шаги, чтобы избежать ребенка с таким заболеванием»¹².

¹¹ *Singh I.* Evidence, Epistemology and Empirical Bioethics. In Ives J. C. S., Dunn M. & Cribb A. (Eds.) *Empirical Bioethics: Theoretical and Practical Perspectives* (Cambridge Bioethics and Law. P. 67–83). Cambridge University Press, 2016.

¹² *Kirk E. P., Ong R., Boggs K., Hardy T., Righetti S., Kamien B., Roscioli T., Amor D. J., Bakshi M., Chung C. W.* Gene selection for the Australian reproductive genetic carrier screening project (“Mackenzie’s Mission”) // *European Journal of Human Genetics*. 2021. No. 29. P. 79–87.

В среде биоэтиков наблюдается определенный консенсус относительно эмпирической этики как подходящего метода (или, вернее будет сказать, ряда методологий) для формулирования ответов на практические моральные вопросы¹³. Внутреннее обсуждение сконцентрировано на том, какие именно методологии могут быть названы «правильными». В исследовательском контексте дискуссионной проблемой являются способы объединения различных дисциплин и участников научного процесса, достоверная оценка их вклада в эмпирическую биоэтику.

Хоть исследования о полезности и целесообразности эмпирических исследований и становятся все более изощренными и разнообразными, но, так или иначе, упираются в краеугольный камень: критику традиционных философских дихотомий «есть/должен» (is/ought) и «факт/ценность» (fact/value), которая направлена на демонстрацию важности, а в некоторых случаях и необходимости эмпирических подходов в биоэтике и экспертизе. При этом эти подходы не однородны и существуют вдоль двух пересекающихся осей — дисциплинарной и эпистемологической. На дисциплинарных «концах» оси находятся социология и аналитическая философия, на эпистемологических — описательные и нормативные методологии¹⁴. Вследствие нахождения на этих осях эмпирический элемент биоэтической экспертизы варьируется от использования эмпирических данных для нормативного анализа до описательной социологии о биоэтике и ее проблемах как таковых и до усилий по совмещению нормативного и эмпирического. В центре этих дискуссий об отношении цели и пользы эмпирических данных (и некоторой путаницы в отношении того, чем «на самом деле» является эмпирическая этика) находится проблема реальности, т.е. вопрос о том, что социальные условия (в широком смысле) должны стать неотъемлемой частью биоэтического анализа и экспертизы.

Философская биоэтика может ответить и заявить, что хорошая прикладная этика так или иначе должна уделять внимание и всегда использовала эмпирические исследования. Однако внимание к эмпирическому исследованию — это нечто большее, чем просто

¹³ *Edwards K., Deans Z.* Empirical Bioethics and the Role of the Professional Ethicist in Policy-Making: Politics, Authority and Expertise. In *Ives J. C. S., Dunn M. & Cribb A. (Eds.) Empirical Bioethics: Theoretical and Practical Perspectives* (Cambridge Bioethics and Law. P. 51–66). Cambridge University Press, 2016.

¹⁴ *Leget C., Borry P., de Vries R. de.* ‘Nobody Tosses a Dwarf!’ The Relation between the Empirical and the Normative Re-Examined // *Bioethics*. Vol. 23 № 4. 2009. P. 226–235.

использование фактов для поддержки аргументации: то, что Эшкрофт назвал «завершением гипотетического императива», когда философский аргумент требует установления определенных фактов и поэтому обращается к эмпирическим исследованиям для их установления¹⁵. Эмпирическая биоэтика подразумевает включение эмпирических данных и в метаэтическое исследование для обоснования наших размышлений о том, какие ценности важны и должны быть важны. Она может быть использована не только тогда, когда философский аргумент требует поддержки, но может быть интегрирована в процесс выработки наших ценностей.

Важно отметить, что исследователям стоит быть аккуратными и относительно формирования нормативных утверждений на базе эмпирически данных, не забывая и о другой стороне взаимовлияния эмпирического и нормативного, то есть нормативной предпосылки эмпирических данных (что является отдельным исследовательским пластом). Редуцирование «должного» и «хорошего» до того, что «думают люди», чревато в экспертизе, особенно для социально неблагополучных групп. Только из совокупности нормативных предпосылок и эмпирических данных становится возможным сделать обоснованный вывод.

Экспертиза в биоэтике — комплексное явление, и эмпирическая биоэтика является кандидатом на то, чтобы быть одной из самых теоретически сложных форм. Эта сложность является результатом ее попытки интегрировать два очень разных вида исследования — нормативного и эмпирического, — которые традиционно рассматривались как отдельные и, в некоторой степени, несовместимые. Сложность совмещения этих двух уровней исследования можно также рассмотреть в двух проблематичных направлениях: теоретическом и территориальном. Первой проблемой, возникающей при попытке объединить эти две очень разные формы исследовательской деятельности, является проблема гармонизации эпистемологии (и соответствующих теоретических рамок, которые лежат в основе методов исследования), а также разработка и использование методов таким образом, которые согласуются с контекстуальными эпистемологиями. Вторая проблема заключается в том, что даже если эпистемологическая гармонизация возможна, она будет иметь тенденцию приводить к принятию новых и новых гибридных подходов, которые не вписываются

¹⁵ *Ashcroft R.* Constructing Empirical Bioethics: Foucauldian Reflections on the Empirical Turn in Bioethics Research // *Heath Care Analysis*. Vol. 11. № 1. 2003. P. 3–13.

в дисциплинарные границы; таким образом, исследователям сегодня необходимо выходить за пределы своих дисциплин в новый мир истинной трансдисциплинарности.

Подробный анализ и учет эмпирического регионального контекста на сегодняшний день расширяет аргументационные стратегии в формулировании и продвижении экспертных позиций в биоэтике, одновременно с этим являясь имманентной частью этической рефлексии на постнеклассическом этапе развития науки, создавая совершенно новые способы взаимодействия социально-гуманитарных, технических и естественных наук. Вопрос о взаимодействии нормативного и эмпирического в биоэтической экспертизе открывает необходимость исследования применяемых методологий, которое сможет облегчить обмен методами и концептуальным инструментарием между биомедицинскими и гуманитарными дисциплинами, причем не односторонне-механически, но с учетом их прямых и обратных связей¹⁶.

Литература

Гребенщикова Е. Г. Биоэтика в теории и на практике: два взгляда на одну проблему; *Franklin S.* Ethical research — the long and bumpy road from shirked to shared // *Nature*. 2019. Vol. 574. № 7780. P. 627–630; *Camporesi S., Cavaliere G.* Can bioethics be an honest way of making a living? A reflection on normativity, governance and expertise // *Journal of medical ethics*. 2020. OnlineFirst // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 8: Науковедение. 2021. № 1. С. 7–19. (Сводный реферат.)

Максимов Л. В. Сущее и должное: проблемные контексты // *Этическая мысль*. 2019. Т. 19. № 2. С. 38–50.

Мишаткина Т. В. Универсальные принципы, моральные нормы и ценности биомедицинской этики // *Биоэтика и гуманитарная экспертиза*. 2017. № 1.

Тищенко П. Д., Юдин Б. Г. Социогуманитарное сопровождение инновационных проектов в биомедицине // *Знание. Понимание. Умение*. 2016. № 2.

Стёпин В. С. Постнеклассическая рациональность и синергетическая парадигма // *Синтез философии, науки и культуры. К 80-летию академика В. С. Стёпина* / Редкол.: А. Н. Данилов (отв. ред.) [и др.]. Минск, 2014. С. 448–462.

Стёпин В. С. Теоретическое знание. Структура, историческая эволюция. М., 2000.

Яскевич Я. С. Биоэтический дискурс в контексте постнеклассической науки. URL: http://intelros.ru/pdf/Diskusi_etiki/2013_4/yaskevich.pdf.

¹⁶ *Стёпин В. С.* Постнеклассическая рациональность и синергетическая парадигма // *Синтез философии, науки и культуры. К 80-летию академика В. С. Стёпина* / Редкол.: А. Н. Данилов (отв. ред.) [и др.]. Минск, 2014. С. 448–462.

Ashcroft R. Constructing Empirical Bioethics: Foucauldian Reflections on the Empirical Turn in Bioethics Research // *Health Care Analysis*. Vol. 11. 2003. № 1. P. 3–13.

Borry P., Schotsmans P., Dierickx K. The Birth of the Empirical Turn in Bioethics // *Bioethics*. 2005. Vol. 19. No. 1. P. 49–71.

Edwards K., Deans Z. Empirical Bioethics and the Role of the Professional Ethicist in Policy-Making: Politics, Authority and Expertise. In *Ives J. C. S., Dunn M. & Cribb A. (Eds.) Empirical Bioethics: Theoretical and Practical Perspectives* (Cambridge Bioethics and Law. P. 51–66). Cambridge University Press, 2016.

Kirk E. P., Ong R., Boggs K., Hardy T., Righetti S., Kamien B., Roscioli T., Amor D. J., Bakshi M., Chung C. W. Gene selection for the Australian reproductive genetic carrier screening project (“Mackenzie’s Mission”) // *European Journal of Human Genetics*. 2021. No. 29. P. 79–87.

Leget C., Borry P., Vries R. de. ‘Nobody Tosses a Dwarf!’ The Relation between the Empirical and the Normative Re-Examined // *Bioethics*. Vol. 23. 2009. № 4. P. 226–235.

Singer P. Moral Experts // *Analysis*. Vol. 32. 1972. № 4. P. 115–117.

Singh I. Evidence, Epistemology and Empirical Bioethics. In *Ives J. C. S., Dunn M. & Cribb A. (Eds.) Empirical Bioethics: Theoretical and Practical Perspectives* (Cambridge Bioethics and Law. P. 67–83). Cambridge University Press, 2016.

«Человекоразмерность» экспертизы как фактор «регионализации» современной науки: проблема ответственности¹

Экспертная оценка научного знания выполняет в науке две, причем весьма различные, функции. С одной стороны, она указывает на перспективы дальнейших исследований, то есть на возможные направления развития научного знания как такового, а с другой, фиксирует зависимость этих направлений от социальных по своей сути факторов, внешних собственно познавательной деятельности. Первая из этих функций является, в общем, традиционной для науки, вторая приобрела особую значимость сравнительно недавно, со второй половины XX столетия. При этом «двойственность» реализации «социальной» функции экспертизы (как и вообще ее широкое проникновение в собственно познавательную работу) связана с той особенностью современного научного познания, которую сегодня философы определяют как «человекоразмерность». Такая, эпистемологическая по сути, характеристика научной деятельности обусловлена присутствием в современных научных исследованиях на всех уровнях, включая собственно познавательный, общественно значимого, так сказать, гуманитарного измерения. В статье обосновывается тезис о том, что наличие этого измерения чревато двойственностью и ее когнитивной эффективности, очевидным образом зависящей от индивидуальной позиции эксперта. В современной, междисциплинарной науке резко возрастает личная ответственность эксперта, не только в плане его компетентности, но и в плане объективности предлагаемых им оценок научной перспективности рассматриваемого знания. Именно в этом коренятся истоки его ответственности перед обществом и наукой как важнейшей составляющей современной культуры.

Ключевые слова: наука, экспертиза, гносеологические функции экспертизы, социальные функции экспертизы в науке, философия, ответственность эксперта.

¹ Работа выполнена в рамках проекта Института логики, когнитологии и развития личности, поддержанного грантом РФФИ, № 22-28-01632 «Экспертиза как эпистемологический феномен в контексте различения фундаментальных и прикладных установок в науке».

Evgeny P. Zhuravel

**HUMAN-SIZEDNESS OF EXPERTISE AS A FACTOR
IN THE “REGIONALIZATION OF MODERN SCIENCE”:
THE PROBLEM OF RESPONSIBILITY²**

Expert assessment of scientific knowledge performs two, and very different, functions in science. On the one hand, it points to prospects for further research, i. e. on possible directions for the development of scientific knowledge as such, and on the other hand, it establishes the dependence of these directions on inherently social factors external to cognitive activity itself. The first of these functions is, in general, traditional for science, the second has acquired special significance relatively recently, since the second half of the 20th century. At the same time, the “duality” of the implementation of the “social” function of expertise (as well as its widespread penetration into cognitive work itself) is associated with that feature of modern scientific knowledge, which today philosophers define as “human-sizedness”. This essentially epistemological characteristic of scientific activity is due to the presence in modern scientific research at all levels, including the cognitive one, of a socially significant, so to speak, humanitarian dimension. The article substantiates the thesis that the presence of this dimension is fraught with the duality of its role in stimulating scientific research. This duality is clearly evident in the epistemological role of scientific expertise. The presence of a social and humanitarian component in expertise, which in one way or another is involved in research activities, results in duality in its cognitive effectiveness, which obviously depends on the individual position of the expert. In modern interdisciplinary science, the personal responsibility of an expert increases sharply, not only in terms of his competence, but also in terms of the objectivity of his proposed assessments of the scientific prospects of the studied knowledge.

This is where the origins of his responsibility to society and science as the most important component of modern culture are rooted.

Key words: science, expertise, epistemological functions of expertise, social functions of expertise in science, philosophy, responsibility of the expert.

Проблема ответственности ученого приобретает сегодня в эпистемологии науки особое значение. И это связано прежде всего с изменением организации науки в обществе. Помимо устоявшейся дисциплинарной структуры в науке появляется значительный компонент внешне нерегулируемых междисциплинарных и трансдисциплинарных взаимодействий. И, как следствие, в обществе усиливается потребность в диалоге с учеными. Эксперт, фактически, становится таким посредником. Более того, именно он в большинстве случаев определяет выбор перспектив дальнейшего развития знания. Наука сегодня стала огромным

² Research has been performed within the project supported by Russian Science Foundation No. 22-28-01632 «Expert examination as an epistemological phenomenon in the context of distinction between fundamental and applied guidelines in science».

социально-экономическим комплексом по производству практически значимых знаний о мире, знаний, которые играют решающую роль в научно-технической динамике общества. Она институционализована и ориентирована на запросы общества как, своего рода, предприятие по производству знаний, последствия практического приложения которых имеют огромное техническое, а стало быть, экономическое, социальное и политическое значение. Поэтому научная деятельность сегодня поддерживается и финансируется различного рода институциями и фондами — государственными и частными, связанными с определенными фирмами и предприятиями, заинтересованными в стимулировании определенных направлений научной работы. И естественно, в таком общественном контексте возрастает роль экспертизы, оценивающей практическую перспективность тех или иных исследовательских направлений, а стало быть, стимулирующей или тормозящей их развитие. И, соответственно, и в данном случае, я хочу это подчеркнуть, роль экспертизы приобретает особый эпистемологический смысл.

Экспертиза в современной науке выполняет функцию гносеологической оценки знания не только на выполнение требований научности (что в общем всегда вписывалось в научную деятельность, хотя и определялось исключительно в методологической терминологии), но оценивает (проясняет) познавательный потенциал полученного знания, его эвристические возможности для дальнейшего расширения сферы познания. В силу этого, само осуществление экспертных оценок как бы предъявляет особые требования к эксперту в плане его не только научной и методологической компетентности, но и в плане готовности к объективной, независимой от практического заказа оценке познавательной ситуации. Ведь в любом случае, экспертная оценка знания несет в себе социальный запрос. И сам эксперт решает для себя, насколько этот социальный запрос соотносим с целями развития научного знания как такового, а насколько носит узко прикладной характер.

Анализируя роль экспертных практик в нынешней продвинутой науке, В. Г. Горохов отмечал, что экспертиза является не только системным анализом некоторого явления, но и возможностью полностью его переосмыслить. Так, например, в статье «Как возможны наука и научное образование в эпоху “академического капитализма”?» он призывает провести социально-гуманитарную экспертизу по отношению к системе образования, которое стре-

нительно коммерциализируется³. Он указывает, что через эту экспертизу становятся видны не только потеря научными институтами многих своих функций, но и вступление изначальных принципов науки в противоречие с принципами коммерции. К примеру, противоречие понятий коммерческой тайны и открытости образования. В статье «Оценка социальных рисков технологических инноваций» В. Г. Горохов рассуждал о переосмыслении процесса социального освоения техники через экспертизу, таким образом пытаясь подвести под трансдисциплинарный анализ весь технический прогресс⁴. С его точки зрения экспертиза — это в первую очередь инструмент переосмысления протекающих в обществе процессов, попытка проанализировать социальные практики, выделить в них важное, нужное, а также и деструктивное. С таким подходом экспертиза превращается не в сухой анализ проблемы и не отвлеченный способ прогнозирования тенденций, а в полноценный инструмент оценки социальных тенденций и предотвращения тех из них, которые представляют опасность также и для перспектив научного познания.

Сегодня экспертиза внутри науки способна брать на себя роль не только оценки полученного знания по принятым стандартам научности (соответствие этого знания строго сформулированным рациональным требованиям методологии науки), но и оценку перспектив дальнейшего развития науки. С этой целью экспертиза рассматривает полученные знания с точки зрения их эвристической значимости, то есть как основания для дальнейшего движения научного познания как такового. И в этой оценке важную роль играет фактор, на который В. С. Стёпин указывал в понятии «человекоразмерность». Это понятие было в свое время выдвинуто М. К. Петровым и имело весьма широкий смысл применительно к различным формам освоения мира человеком (М. К. Петров)⁵. Стёпин акцентировал в нем собственно гносеологические аспекты влияния социально контекста через учет включенности субъекта научного познания в познаваемую им область реальности, в предметную реальность, которую он исследует как ученый (это очень ярко проявляется в сфере экологических исследований, но такого

³ *Горохов В. Г.* Как возможны наука и научное образование в эпоху “академического капитализма”? // Вопросы философии. № 12. 2010. С. 4

⁴ *Горохов В. Г., Декер М.* Оценка социальных рисков технологических инноваций (обзор научной конференции в Берлине) // Вопросы философии. 2011. № 10. С. 176–181.

⁵ *Петров М. К.* Человекоразмерность и мир предметной деятельности // Человек. 2003. № 1. С. 17.

рода включение можно проследить и в других направлениях современной науки).

«Человекоразмерным» В. С. Стёпин называет объект изучения, в который, так или иначе, включен сам человек с его параметрами и запросами, а следовательно, и сам эксперт. Это, разумеется, затрагивает ценностные стороны человеческой жизни, что приводит к выводу на первый план проблем ценностно-нейтрального идеала научного исследования. Этот ценностно-нейтральный идеал подразумевает работу с субъективными или оценочными факторами. Необходимо создать внутри научного исследования нечто вроде научной оценки «человеческого». Иными словами: В. С. Стёпин фактически напрямую говорит о необходимости для современной науки ясного осознания всей совокупности фундаментальных внутринаучных ценностей, что и осуществляется при социальной экспертизе научных программ⁶. Экспертиза как важнейшая составляющая современного научного познания является чрезвычайно сложным, многофункциональным феноменом, содержащим в себе как социальные, так и собственно познавательные установки. И именно благодаря соединению этих установок ее роль в науке не исчерпывается ни оценкой соответствия полученного знания требованиям научности, ни прояснением эффективности его использования для достижения необходимых обществу прикладных практических результатов. Экспертиза — это форма реализации человекоразмерности в познании. С этой точки зрения, эксперт представляет собой финальную инстанцию, необходимую для научного подхода к областям «человеческого». Вместе с тем эксперт понимает, что он ориентирован конкретной, иногда просто частной, произвольной социальной потребностью. И эта двойственность самой его позиции налагает на него лично особую ответственность.

В этом плане эксперт, включающийся в науку как ученый, помимо прагматической значимости для общества получаемого знания, способен оценить и прояснить также и «человекоразмерную» самоценность знания о мире, знания как такового. Он акцентирует значимое для культуры в целом «человекоразмерное» измерение познания и в силу этого осознает свой общественный статус как ученый, как «субъект познания» в подлинном смысле этого выражения. Он исследует соразмерный ему предмет и предлагает расширить горизонты данной области исследований в определенном, ясно обозна-

⁶ См.: Стёпин В. С., Сточик А. М., Затравкин С. И. История и философия медицины. Научные революции XVII–XIX веков. М.: Академический проект, 2017. С. 87.

ченном им «человекоразмерном» направлении — в направлении роста знания о мире вне зависимости от частных практических запросов. Таким образом, включенный в науку эксперт оценивает «человекоразмерность» знания, не сводя ее гуманитарную суть к частному прагматическому запросу. В данном случае, социокультурная обусловленность познания будет иметь положительный смысл для развития научного знания как такового. Однако, повторю, такого рода направленность экспертизы становится возможной лишь при условии, что эксперт будет в своих оценках знания рассматривать социальную потребность в знании через призму эпистемологического смысла «человекоразмерности» объектов, в исследование которых он фактически включается. И я думаю, что именно такого рода «преломление» является условием объективности экспертизы, а возможность его осуществления в экспертной оценке научной значимости оцениваемого знания для общества налагает на эксперта личную ответственность за объективность его выводов.

Действительно, сегодня, рассуждая о путях развития науки, а тем более вырабатывая экспертную оценку потенциала развития тех или иных научных направлений, нужно учитывать, что человек всегда стремится к завершенным, структурированным формам представления знания. Конечно, в случае, когда речь идет об областях познания, где человекоразмерный элемент не просматривается или «вторичен», эксперт может обойтись лишь эпистемологической оценкой перспектив, востребованных социальным (практическим) заказом. Но в очевидно человекоразмерных системах все сложнее. Уже обладающий знаниями в определенных областях науки, эксперт неизбежно будет стремиться к завершению лично ему понятной картины, выбирая более близкую ему лично гипотезу развития ситуации. Таковы издержки введения человеческого фактора в оценку перспектив научного исследования, но ведь следует признать, что иных по своей природе факторов развития науки и не существует. Требуя, скажем, от историка нейтральности, мы выдвигаем ему невыполнимые требования, ведь это означает разорвать связь нынешнего момента и прошлого, равнодушно отнестись к происходящему с ним здесь и сейчас. Но, коль скоро эксперт стремится к максимальной объективности, он должен четко рефлексивно представлять в своей оценке роль «человеческого» фактора, в том числе свою собственную. Иными словами, человеческий фактор должен быть явно представлен экспертом в самой экспертной оценке наук (причем не только социально-гуманитарных) — хотя бы для того, чтобы не оставлять их на откуп утилитарным интересам.

В статье «Философская экспертиза» С. А. Горохов⁷ писал, что системный анализ должен включать не только технику как таковую, но и то, как она будет в дальнейшем использоваться. Цель трансдисциплинарной экспертизы заключается в том, чтобы понять, как именно техника может использоваться, какое влияние она окажет на общество, какие последствия она принесет. И поскольку трансдисциплинарность как качество эксперта, стимулирует его рефлексивную самооценку своего видения конкретных ситуаций, она может быть если не ответом, то подспорьем для более объективной оценки перспектив развития необходимого в данном случае знания, а тем самым и позитивного освоения мира.

Таким образом, всякий раз когда эксперт сталкивается с ситуацией, которую можно трактовать в более чем одном ключе, он в идеале должен опираться на ясное сознание своих собственных предпочтений, и тем самым демонстрировать истоки ограниченности предлагаемой экспертной оценки. Но тем самым эксперт фактически указывает на необходимость дальнейших исследований и осмысления данной ситуации. Таким указанием он фактически стимулирует дальнейшее развитие научного знания. Но, еще раз повторю, это указание — личный выбор эксперта, обусловленный не только его компетентностью, но и социальной ответственностью.

Литература

Горохов В. Г. Как возможны наука и научное образование в эпоху «академического капитализма»? // Вопросы философии. 2010. № 12. С. 3–14.

Горохов В. Г., Декер М. Оценка социальных рисков технологических инноваций (обзор научной конференции в Берлине) // Вопросы философии. 2011. № 10. С. 176–181.

Горохов С. А. Философская экспертиза // Этнодиалоги. 2020. № 1 (59). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/filosofskaya-ekspertiza> (дата обращения: 15.05.2023).

Петров М. К. Человекообразность и мир предметной деятельности // Человек. 2003. № 1. С. 5–18.

Стёпин В. С., Сточик А. М., Затравкин С. И. История и философия медицины. Научные революции XVII–XIX веков. М.: Академический проект, 2017.

⁷ *Горохов С. А.* Философская экспертиза // Этнодиалоги. 2020. № 1 (59). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/filosofskaya-ekspertiza> (дата обращения: 15.05.2023).

И. О. Щедрина, Е. П. Журавель

«Региональные онтологии» на городской карте: человекоразмерность экспертных практик¹

Современный человек живет в постоянно меняющемся мире, причем он изменяет и окружающий мир и сам себя. Такое состояние «перманентного изменения» человека современные философы определяют как «антропологический кризис». В статье предпринимается попытка осмыслить методологические стратегии, которые можно использовать для осмысления антропологического кризиса. В качестве предметного поля здесь выступает городская среда, в которой происходящие антропологические изменения обнаруживаются особенно отчетливо. По мнению авторов, современный город — это символическое пространство, где сосуществуют различные региональные онтологии (термин заимствуется из феноменологии), зачастую даже не пересекающиеся друг с другом. Преодоление регионализации городского пространства осуществляется, как правило, с помощью экспертной деятельности. Именно эта деятельность приобретает важнейшее значение для «собрания» региональных онтологий города в единое целое. В статье проводится мысль о том, что именно феноменологическая методологическая программа становится наиболее адекватной для осмысления эффективности методологического инструментария экспертизы, направленной на преодоление современного антропологического кризиса.

Ключевые слова: экспертиза, город, экспертные практики, «региональные онтологии», человекоразмерность, архив, музей, культурно-историческая эпистемология.

Irina O. Shchedrina, Evgeny P. Zhuravel

REGIONAL ONTOLOGIES ON THE CITY MAP: THE HUMANIZEDNESS OF EXPERT PRACTICES²

Humanity today is undergoing serious changes affecting almost all spheres of life, almost the entire environment of its habitat. Sometimes this state is defined as an anthropological crisis. One can argue about its depth and prospects, but in this article we want to draw attention to the social and humanitarian tools that are being developed today to confront, to overcome the negative consequences of this crisis. At the same time, the relevant issues will be developed in the article based on the expert practice of the human urban environment. The authors place the socio-humanitarian potential of expertise in the forefront in the anthropological crisis plan, analyzing its effectiveness. From the point of view of the authors, the current disintegration of the

¹ Работа выполнена в рамках проекта Института логики, когнитологии и развития личности, поддержанного грантом РФФ, № 22-28-01632 «Экспертиза как эпистемологический феномен в контексте различения фундаментальных и прикладных установок в науке».

² Research has been performed within the project supported by Russian Science Foundation No. 22-28-01632 «Expert examination as an epistemological phenomenon in the context of distinction between fundamental and applied guidelines in science».

perception of the urban environment as a whole, its ontological regionalization is a kind of spiritual ecological crisis, in overcoming which expertise can demonstrate its real effectiveness not as a general reasoning, but specifically, in the organization of relevant practices. In the opinion of the authors, it is this approach that makes it possible to bring the discussion of the constructive role of expertise and, in general, the prospects for overcoming the anthropological crisis to philosophical foundations, synthesizing the perception of “regional ontologies” into a meaningful perception of the habitat as a whole. Thus, the authors of the article, on the one hand, rely on ideas, on general grounds (primarily on those laid down by phenomenology); and on the other hand, thanks to expertise as a subject of analysis, the authors were able to project these ideas onto the real human environment - thus fixing the real prospects for overcoming the anthropological crisis.

Keywords: expertise, expert practices, fundamental, applied, cultural-historical epistemology

Экспертиза — это всегда отклик на запрос, созданный под определенную социально-гуманитарную потребность. В какой бы момент данная потребность ни возникла, экспертиза — отклик быстрый, актуальный и востребованный. Как правило, экспертиза предполагает профессиональное аналитическое «схватывание» ситуации в целом. Сегодняшняя реальность задается постоянным возникновением кризисных ситуаций и попытками их преодоления, в большей или меньшей степени успешными. Отсюда потребность осмыслить основания этой целостности. В самом деле, сегодня затруднительно рассуждать на тему целостности «вообще». И в данном случае мы считаем эффективным обратиться к реальной кризисной среде и выявить условия ее возвращения к целостности. Так, с одной стороны, мы опираемся на идеи, на общие основания, которые заложила феноменологическая философская традиция. А с другой, проецируем эти идеи на конкретный пример городской среды. На наш взгляд, осмысление в таком ключе городской среды и определение места и роли экспертизы, выводящей нас к философским основаниям, позволяет говорить об экспертном синтезе онтологии: когда в условиях экспертных практик возникают «региональные онтологии» города.

Мы не случайно обращаемся именно к этому термину: гуссерлианское «региональное» связано прежде всего с преставлением о сущности эмпирической предметности, «совокупности предметов». «Всякая конкретная эмпирическая предметность, говорит Гуссерль, в своей материальной сущности входит в определенный высший материальный род, “область” — именно его он и называет “регионом” (§ 9; Нua III:23). Итак, понятие региона определяется через понятие “рода”. Мы можем поставить вопрос о высшем роде и, соот-

ветственно, о “региональной сущности” этого рода... Дисциплина, занимающаяся анализом и экспликацией этой сущности, есть региональная эйдетическая наука или, что для Гуссерля то же самое, региональная онтология»³. Гуссерль вводит термин «региональные онтологии» в эпистемологические контексты, чтобы обозначить варианты представления о познаваемом «сущем» в различных областях научного знания. Примерно спустя столетие, когда процессы регионализации научных дисциплин проявились уже в полной мере, Вячеслав Семенович Стёпин фактически для тех же целей использовал методологически нагруженный термин «дисциплинарные онтологии». Начиная со второй половины XIX в. в науке можно увидеть возрастание и все большее усиление дифференциации дисциплин, разделение предметных областей, когда все более специфическими и обособленными становились и язык их описания, и методы исследования. К XX столетию процесс дисциплинарной дивергенции затронул научную картину мира, выйдя таким образом за рамки идеи структурного единства, поставив под вопрос методологическую соотносимость различных областей, направлений и даже типов научного исследования реальности. Более того, процесс этот настолько усилился, что фактически лишил научную картину мира той философской роли, которую она, именно благодаря своей системной целостности, исполняла, убедительно демонстрируя объективность научного знания. Мир предстал в научной картине как внутренне согласованное целое, куда могли быть вписаны новые результаты научного, претендующего на отображение реальности, познания. Однако в философской мысли XX и уже XXI в. «дисциплинарные онтологии», «региональные онтологии» оказываются на переднем крае. И объединять их может уже иная целостность: сам человек.

Опираясь на опыт и рассуждения философа и методолога М. К. Петрова, В. С. Стёпин вводит в методологический оборот термин «человекоразмерность», акцентируя внимание на фигуре самого ученого, субъекта науки, который не может находиться за скобками эксперимента. Хотя это понятие было выдвинуто М. К. Петровым прежде всего применительно к различным формам освоения мира человеком⁴, однако Стёпин акцентировал в нем собственно гносеологические аспекты влияния культурно-

³ Михайлов И. А. Региональные онтологии: происхождение и смысл проблемы. URL: https://iphras.ru/uplfile/root/news/archive_events/2023/16_06_2023_Mikhaylov.pdf.

⁴ Петров М. К. Социально-культурные основания развития современной науки. М.: Наука, 1992. С. 6.

исторического контекста через включенность субъекта в познаваемую им область реальности, в предметную реальность, которую он исследует как ученый (что очень ярко проявляется в сфере городских экспертных практик, но такого рода включение можно проследить и в других направлениях современной науки). При оценке результата экспертизы важную роль играет фактор, на который В. С. Стёпин указывал в понятии «человекообразные системы»⁵. «Человекообразным» В. С. Стёпин называет объект изучения, в который так или иначе включен сам человек с его параметрами и запросами, а следовательно, и сам эксперт. Это, разумеется, затрагивает ценностные стороны человеческой жизни, что выдвигает на первый план проблему ценностно-нейтрального идеала научного исследования. Вместе с тем этот ценностно-нейтральный идеал подразумевает работу с субъективными или оценочными факторами. Необходимо создать внутри научного исследования нечто вроде научной оценки «человеческого». Иными словами, В. С. Стёпин говорит о необходимости для современной науки ясного осознания всей совокупности фундаментальных внутринаучных ценностей, осуществляющихся при социальной экспертизе научных программ⁶. С этой точки зрения эксперт представляет собой финальную инстанцию, необходимую для научного подхода к областям «человеческого». Эксперт понимает, что он ориентирован конкретной, иногда буквально частной, произвольной социокультурной потребностью. Но в то же время его деятельность может нести фундаментальный потенциал. И эта двойственность самой его позиции налагает на него лично особую ответственность.

Экспертиза как важнейшая составляющая современного научного познания является чрезвычайно сложным, многофункциональным феноменом, содержащим в себе как социальные, так и собственно познавательные установки. Именно благодаря соединению этих установок роль экспертизы в науке не исчерпывается ни оценкой соответствия полученного знания требованиям научности, ни прояснением эффективности его использования для достижения необходимых обществу прикладных практических результатов. Внутринаучная экспертная оценка полученного в науке знания одновременно указывает и на возможные перспективы дальнейшего развития самой науки, расширения собственно научного знания как такового. При этом «двойственность» реализации

⁵ Стёпин В. С. Теоретическое знание. М.: Прогресс-Традиция, 2003. С. 667

⁶ Там же. С. 713.

этой гносеологической функции экспертизы (как и вообще ее широкое проникновение в собственно познавательную работу) связана с той особенностью современного научного познания, которую В. С. Стёпин определил как «человекоразмерность» — то есть присутствие в научных исследованиях на всех их уровнях (включая собственно познавательный) общественно значимого, гуманитарного измерения. Особенно важно присутствие гуманитарного измерения в развивающей науку экспертной деятельности. В современной науке резко возрастает личная ответственность эксперта, не только в плане его компетентности, но и в плане объективности предлагаемых им оценок научной перспективности рассматриваемого знания. Именно в этом коренятся истоки ответственности эксперта перед обществом и наукой как важнейшей составляющей современной культуры.

В случае с городскими экспертными практиками мы также можем говорить о региональных онтологиях и о принципе человекоразмерности. Попытка охватить город (и как карту, и как список локаций, и как живую длящуюся историю) целиком не удастся; цельный образ разбивается о множество аспектов городской жизни, достопримечательностей, требующих приложения самых разных дисциплин. Эти дисциплины также различаются между собой и порой соотносятся с трудом. Музеи и театры, образовательные учреждения и городские семейные усадьбы, дороги, кладбища и т. д. Карта города распадается на фрагменты, на «регионы» (районы) в буквальном смысле, и в переносном — на смысловые.

Смысловой облик города формируется на разных уровнях. Это может быть последовательность улиц и перекрестков, а может — последовательность лиц и событий. Историческая предметность города в целом предзадана временем и условиями его существования, однако многие детали городского пространства воспринимаются как отдельно взятые смысловые топографические кластеры: галереи, открытые памятники исторической архитектуры, выставки на бульварах. Эти места прежде всего человекоразмерны, они становятся своеобразным «зеркалом» культуры и истории. Наделяют город этими смыслами люди⁷. Тематика открытых городских практик в настоящее время становится все более популярной, появляется

⁷ Город становится носителем смыслов. Подробнее об этом см., напр.: *Лотман Ю. М. Символика Петербурга и проблемы семиотики города // Семиотика города и городской культуры: Петербург / Тартуский государственный университет, 1984. Вып. 664. С. 30–45.*

большое количество публикаций на эту тему, и даже отдельные периодические издания (так, с 2015 г. издается журнал «Городские исследования и практики»). В такой фокусировке внимания на городе можно увидеть две тенденции: во-первых, популяризация и культивирование осознанного отношения к собственной «среде обитания» среди обычных граждан⁸ и, во-вторых, подчеркивание особой роли специалиста, знающего историю и специфику городских мест. Именно городские экспертные практики делают смысловое топографическое пространство человекоразмерным: через работу с городскими интеллектуальными площадками. Образованный и компетентный эксперт задает интеллектуальный облик города.

В качестве примера можно привести эпизод, когда осенью 2022 г. на Старом Арбате открылась фотовыставка, посвященная событиям 100-летней давности: «Философскому пароходу»⁹. Место было выбрано неслучайно, исторический центр города, улица, на которой прожило не одно поколение интеллектуалов, самое «сердце» Москвы. Выставка была расположена напротив научной библиотеки и мемориального музея «Дом А. Ф. Лосева». Организаторы сделали событие открытым, показав на фотостендах фотографии, рассказав историю жителям Москвы о других таких же жителях, живших на сто лет раньше. О тех, кто был вынужден покинуть страну, но сохранил образ родной культуры даже на чужбине. Таким образом вводится в круговорот городских мероприятий тематическое событие; через лица и фотографии, через живые истории оно становится человекоразмерным — благодаря человекоразмерности городских экспертных практик. В случае с выставкой это практика отбора материала, выбора наилучшей для мероприятия городской площадки, договор с городскими властями и принятие окончательного решения о публикации. Совершают это действие эксперты, работая на всех уровнях — от реального (материальное обеспечение выставки) до смыслового. Из множества таких выставок, событий,

⁸ Все больше возможностей «подключиться» и принять участие в формировании проектов, площадок и т. д. Градообразование становится все более открытым. См., напр.: Сафарова М. Д. Участие граждан в градорегулировании: теория и практика законодательного обеспечения / Городские исследования и практики. 2021. № 6 (2) С. 65–83.

⁹ См. о выставке и тематических мероприятиях: <https://foma.ru/filosofskij-parohod-vernulsja-v-moskve-otkrylas-vystavka-o-velikih-russkih-mysliteljah.html>; Международная конференция «Русская философия XX века и ее вклад в мировую интеллектуальную традицию». К 100-летию «Философского парохода». 27–30 сентября 2022 г. URL: https://iphras.ru/filosofskii_parohod.htm.

мероприятий, которые открываются и звучат в течение дней, месяцев и лет на разных интеллектуальных площадках, формируется городской облик, формируется как множество тематических точек на карте, однако вместе они составляют «региональные онтологии» городского пространства.

Вопрос, таким образом, заключается в следующем: что придает городской «карте» целостность, обладающую феноменологическим бытием, то есть что может противостоять произвольности общего взгляда, если возникает совокупность «региональных онтологий» у каждого элемента города? Можно попытаться построить/сконструировать общую онтологию города как сущего (общую картину города). Но, на наш взгляд, более перспективным эпистемологически кажется иной путь — вопрос может быть обращен в смысловой ракурс: понять город как целое и через целое, и его составляющие. Тогда вопрос меняет оттенок, вновь приобретая человекоразмерный характер: какими смыслами обладает город в глазах своих жителей. Классические социологические опросы в данном случае не сыграют важной роли, так как дать компетентную оценку в ответ на запрос может прежде всего эксперт, живущий в этом городе.

Однако что именно делает эксперта экспертом? Более подробно мы писали в статье «Какой эксперт для науки ценен? (К вопросу о типологических характеристиках экспертного знания)»¹⁰, выделив ряд критериев. Это двухуровневость исследования (соотношение фундаментального и прикладного уровней в экспертных практиках); интенциональность (направленность экспертизы на конкретный предмет); интересубъективность (коллективное обсуждение результатов экспертизы); междисциплинарность и трансдисциплинарность (и наличие «региональных онтологий» в данном случае только усиливающий фактор), а главное — рефлексивная герменевтическая компетентность эксперта: от начала и до конца он должен понимать, что он делает, то есть его исследование должно носить знаково-семиотический характер, быть целостным и конкретным. «Эксперт, понимающий смысл, не ограничивается сравнением оцениваемого предмета с определенными нормативами и сопоставлением его с собственным профессиональным опытом. Он работает в “интеллектуальном” пограничье. Он пишет заключение, опираясь на весь исторический опыт развития знания, которое существует в интеллектуальной культуре текстуально, словес-

¹⁰ Щедрина И. О., Журавель Е. П. Какой эксперт для науки ценен? (К вопросу о типологических характеристиках экспертного знания) // Вестник СПбГУ. Философия и конфликтология. 2022. № 4. С. 562–571.

но»¹¹. Особенно показателен культурно-исторический смысл такой работы в случае с экспертизой в гуманитарном контексте (экспертиза ценности документов в архиве, экспертиза в музее, в галерее и т. п.). В. Жумер, анализируя четыре десятилетия развития опыта экспертных практик, подчеркнул смену статуса архивиста как того, кто отбирает документы, кто создает исторический образ (события, личности, места): «До середины XX в. архивист, в задачи которого входили, прежде всего, собирание, оформление, описание и хранение архивных документов, являлся лишь “слугой истории”». И только после того, как архивисты начали проводить экспертизу ценности и отбор документов, они стали своего рода “модельерами истории”. Несмотря на то, что в ходе этой работы большинство архивных служб в течение последних тридцати лет тесно сотрудничают с фондообразователями, внештатными экспертами, а также с потенциальными пользователями — научными сотрудниками, исследователями и общественностью, окончательное принятие решения о судьбе документального наследия находится преимущественно в руках архивистов. Поэтому решение данной задачи не может зависеть от “тонкого чутья” архивиста, а должно основываться на методике экспертизы ценности, специально разработанной с учетом возможных особенностей отбора и выделения документов к уничтожению, а также принципах и критериях экспертизы ценности»¹².

«Модельер истории» действительно задает тематическое направление в формировании городского облика, причем и по отношению к будущему и к прошлому города. Обладая необходимыми компетенциями, действуя с опорой на науку, личный опыт и знание, эксперт переводит практику в человекообразный план, привнося при этом экзистенциальное, и тем самым выводя экспертизу к смыслу, ориентируя ее на формирование культурно-исторического сознания, на объективность и на рефлексию.

Эксперт в современной науке становится во многом чрезвычайно важной, а порой решающей фигурой в плане выбора перспектив дальнейшего развития знания. Современная наука — огромное социокультурное предприятие по производству знаний, последствия практического приложения которых имеют огромное техническое, а стало быть, экономическое, социальное и историческое значение. Поэтому научная деятельность сегодня поддерживается

¹¹ Щедрина И. О., Журавель Е. П. Указ. соч. С. 567.

¹² Жумер В. Важнейшие аспекты экспертизы ценности документов: анализ международного опыта (1950–1990-е годы) // Отечественные архивы. 2000. № 4. С. 3.

и финансируется различного рода институциями и фондами — государственными и частными, связанными с определенными фирмами и предприятиями, заинтересованными в стимулировании определенных направлений научной работы. И естественно, что в этом контексте возрастает роль экспертизы, оценивающей практическую перспективность тех или иных исследовательских направлений и, следовательно, стимулирующей или тормозящей их развитие. Соответственно, роль экспертизы приобретает особый эпистемологический смысл. Экспертиза в науке не только оценивает гносеологическую корректность знания, но и проясняет его познавательный потенциал, его эвристические возможности для дальнейшего расширения сферы познания. И в силу этого, само осуществление экспертных оценок как бы предъявляет особые требования к эксперту — не только в плане его научной и методологической компетентности, но и готовности к объективной, независимой от практического заказа оценке познавательной ситуации. Ведь в любом случае экспертная оценка знания несет в себе социальный запрос. И сам эксперт решает для себя, насколько этот социальный запрос соотносим с целями развития научного знания как такового, а насколько носит узко прикладной характер.

Облик города — это не только исторические улицы, это также транспорт, дороги и магистрали. И уже в 1990-х гг. эксперты, архивисты, профессионально занимающиеся разбором, отбором и сохранением городской документации, обратились к проблемам, особенно актуальным и сегодня. Историческое лицо города — старинные пути — оказывается под угрозой деформации (а то и вовсе уничтожения) в контексте возникающих сегодня проблем перегруза исторического центра транспортом. Так, со временем при возникновении нового городского проекта, формировались критерии экспертного анализа; проект должен был соответствовать уровню «развития науки и техники, степени новизны проектного решения, его экономической эффективности и др.»¹³ — и в то же время сохранять историчность культурных деталей в случае городского центра. Увеличился темп городской жизни, ускорились движение — появилась необходимость в усилении магистральных путей, в распространении их, соответственно, возникают сопутствующие затруднения, связанные с архитектурны-

¹³ Колесник Т. Б. Критерии экспертизы ценности проектной документации (на примере объектов магистрального транспортного строительства) // Советские архивы. 1990. № 3. С. 72

ми, культурными особенностями и, конечно, с особенно актуальными проблемами городской экологии: «Особенностью экспертизы проектов транспортных сооружений является применение критериев наличия национальных особенностей архитектуры, степени эстетичности, предлагаемых в разработках архивистов. Применение этих критериев зависит от типа и вида сооружения (вокзал, набережная, станция метро и т. п.). Возможно одновременное их использование при оценке того или иного объекта. Поэтому было бы целесообразно объединение их в один — наличие особенностей архитектуры, которым можно руководствоваться при оценке индивидуальных проектов объектов транспорта, если в них отражены национальные элементы архитектуры, особенно оформления интерьеров или внешнего вида сооружения...»¹⁴ И в данном случае экспертная практика будет человекоразмерной с самого начала, когда внимание направлено на целостность восприятия, казалось бы, отдельных пластов городской жизни. Кроме того, в своих рассуждениях (а порой и предупреждениях) эксперты начали обращать внимание на необходимость создания экологически-комфортной и безопасной городской среды: «Особенное значение в последние годы приобретает критерий соответствия проектных решений требованиям экологии, ранее не применявшийся в практике экспертизы... в общей пояснительной записке к проекту стала обосновываться экологичность предлагаемых проектных решений. Критерий экологичности тесно связан с критериями специфики зональных условий и экономической эффективности...»¹⁵

В статье «Социальная оценка научно-технического развития сегодня» В. Г. Горохов писал о необходимости переосмысления процесса социального освоения техники через трансдисциплинарную экспертизу, то есть через экспертизу, раскрывающую саму возможность для учета различных подходов к оценке ситуации¹⁶. Системный анализ научно-технических тенденций, подчеркивал он, должен включать не только технику как таковую, но и то, как она будет в дальнейшем использоваться. Цель трансдисциплинарной

¹⁴ Колесник Т. Б. Указ. соч. С. 72

¹⁵ Колесник Т. Б. Указ. соч. С.73.

¹⁶ Горохов В. Г. Социальная оценка научно-технического развития сегодня // Социальная и экологическая оценка научно-технического развития. Материалы международной конференции памяти академика Н. Н. Моисеева, М.: Российско-германское общество «Философия науки и техники» Российского философского общества, 2007. С. 122–123.

экспертизы заключается в том, чтобы понять, как именно техника может использоваться, какое влияние она окажет на общество, какие последствия она принесет. И поскольку трансдисциплинарность (как качество эксперта) стимулирует его рефлексивную оценку своего видения конкретных ситуаций, она может быть если не ответом, то подспорьем для более объективной оценки перспектив развития необходимого в данном случае знания, а тем самым и позитивного освоения мира.

Таким образом, всякий раз, когда эксперт сталкивается с ситуацией, которую можно трактовать плюралистично, он (в идеале) должен, опираясь на ясное сознание своих собственных предпочтений, демонстрировать истоки ограниченности предлагаемой экспертной оценки. Но тем самым эксперт фактически указывает на необходимость дальнейшего исследования и осмысления сложившейся ситуации. Таким указанием он, фактически, стимулирует дальнейшее развитие научного знания. Но, еще раз повторим, это указание — личный выбор эксперта, обусловленный не только его компетентностью, но и социальной ответственностью.

Эксперт, включающийся в науку как ученый, способен оценить и прояснить (помимо прагматической ценности получаемого знания) также и «человекоразмерную» самооценку знания о мире, знания как такового. Он акцентирует значимое для культуры в целом «человекоразмерное» измерение познания и в силу этого осознает свой общественный статус как ученый, как «субъект познания» в подлинном смысле этого выражения. Он исследует соразмерный ему предмет и предлагает расширить горизонты данной области исследований в определенном, ясно обозначенном им «человекоразмерном» направлении. Его интересует прирост знания о мире вне зависимости от частных практических запросов. Таким образом, эксперт оценивает «человекоразмерность» знания, не сводя ее гуманитарную суть к частному прагматическому запросу. Социокультурная обусловленность познания будет иметь положительный смысл для развития научного знания как такового. Однако такого рода направленность экспертизы становится возможной, лишь при условии, что эксперт будет в своих оценках знания «преломлять» социальную потребность в знании через эпистемологический смысл «человекоразмерности» объектов, в исследование которых он фактически включается.

Действительно, рассуждая о путях развития науки и вырабатывая экспертную оценку потенциала развития тех или иных научных направлений, сегодня нужно учитывать, что человек

всегда стремится к завершенным, структурированным формам представления знания. Конечно, когда речь идет об областях познания, где человекоразмерный элемент не просматривается или «вторичен», эксперт может обойтись лишь эпистемологической оценкой перспектив, востребованных социальным (практическим) заказом. Но в человекоразмерных системах все сложнее. Уже обладающий знаниями в определенных областях науки эксперт неизбежно будет стремиться к завершению лично ему понятной картины, выбирая более близкую ему лично гипотезу развития ситуации. Таковы издержки введения человеческого фактора в оценку перспектив научного исследования, но ведь следует признать, что иных по своей природе факторов развития науки и не существует. Пусть эксперт стремится к максимальной объективности, он четко и рефлексивно осознает в своей оценке роль «человеческого» фактора, в том числе свою собственную. Человеческий фактор должен быть явно представлен экспертом в самой экспертной оценке наук (причем не только социально-гуманитарных) хотя бы для того, чтобы не оставлять их на откуп утилитарным интересам.

Работа эксперта с «региональными онтологиями» на городской карте (особенно, если речь идет о крупном городе с большим количеством интеллектуальных площадок, как, например, Москва, Санкт-Петербург, Казань, Ростов-на-Дону, Екатеринбург) позволяет выявить наиболее значимые городские пути, районы, ориентиры, влияющие на формирование ценностно-смысловых и мотивационных установок жителей, способствующих активизации гражданского потенциала, его включения в социокультурную жизнь страны. Функциональное значение человекоразмерных экспертных практик составляет обеспечение социокультурной устойчивости к изменению отдельных элементов городских «региональных онтологий». Одним из таких элементов является музей; городская интеллектуальная площадка, которая формирует представление о городе не только «здесь и сейчас», но и о его историческом облике. Экспертные практики в этом случае играют роль в формировании «региональных онтологий» города и в пространстве, и во времени. Вопрос только в отношении теоретиков к экспертному действию как человекоразмерному культурно-историческому акту или только как сугубо прикладному явлению. Так, например, в работе «Музейное дело России» подчеркивается культурно-историческая значимость работы эксперта, однако сама экспертиза появляется не сразу: «Исключительно важно

и необходимо для любого музея комплектование фондов, освещающих современный этап развития природы или общественной жизни. Такого рода комплектование называется актуальным документированием эпохи и также бывает как типологическим, так и тематическим»¹⁷. Процесс комплектования занимает несколько этапов: комплексный — определение наиболее интересной для музея области (факт, тема, процесс), затем постепенное поисковое сужение области поиска и, одновременно, конкретизирование («определение примерного круга памятников», а также «выявление и поиск предметов музейного значения»). Хотя в этой монографии научная экспертиза как этап вводится только после перечисленных действий («научная экспертиза и определение предметов музейного значения»), на наш взгляд, экспертная работа как человекоразмерная практика начинается уже на первом уровне.

Экспертиза сама по себе задает момент целостности, той самой, которая может связать разные «региональные онтологии» города и его истории. Причем если мы говорим о конкретной экспертизе (например, экспертиза ценности документов), то по самому определению в методических рекомендациях «экспертиза ценности документов — изучение документов на основании критериев их научной и практической ценности с целью определения сроков их хранения и отбора к уничтожению или к передаче на архивное хранение»¹⁸. Критерии эти, во-первых, целостны, во-вторых, человекоразмерны. Иногда дело доходит до буквальной человекоразмерности, в частности, когда возникают вопросы о городском строительном проектировании. Так, в работе «Проектирование и строительство. Дом, квартира, сад» П. Нойферта, Л. Неффа¹⁹ первое, о чем говорится, — о человеке. Авторы приводят иллюстрации размеров тела человека и занимаемого им места — для комнаты, прохода, или рабочего места; в зависимости от того, сидит ли он или лежит, с багажом, с тростью, один или в группе, движется или статичен, но человек в любом случае остается мерой жизнеустройства. Тезис «человек — мера всех вещей» прошел испытание временем и самыми разными «региональными

¹⁷ Музейное дело России / Под ред. М. Е. Каулен (ответственный редактор), И. М. Косовой, А. А. Сундиевой. М.: ВК, 2003. С. 156.

¹⁸ Экспертиза ценности документов. ФГБУ «Центральный архив». Управления делами Президента Российской Федерации. М., 2013. С. 4.

¹⁹ *Нойферт П., Нефф Л.* Проектирование и строительство. Дом, квартира, сад. М.: Архитектура-С, 2005.

онтологиями».

Таким образом, применение принципа человекоразмерности экспертных практик по отношению к исследованию «региональных онтологий» на городской карте связано с необходимостью конкретизации их гуманитарной составляющей. Анализ городских экспертных практик позволяет учесть саморефлексию эксперта как агента социальной и культурной деятельности, что в значительной мере расширяет возможности культурно-исторического исследования воздействия конкретных представлений о среде обитания на ценностно-смысловые и мотивационные установки человека. И в данном случае, обращение к экзистенциальным характеристикам городских экспертных практик позволяет прояснить специфику городской среды, способствующей активизации человеческого потенциала и его включения в социокультурную жизнь страны.

Литература

Горохов В. Г. Социальная оценка научно-технического развития сегодня // Социальная и экологическая оценка научно-технического развития. Материалы международной конференции памяти академика Н. Н. Моисеева, М.: Российско-германское общество «Философия науки и техники» Российского философского общества, 2007. С. 120–126.

Жумер В. Важнейшие аспекты экспертизы ценности документов: анализ международного опыта (1950–1990-е годы) // Отечественные архивы. 2000. № 4. С. 3–18.

Колесник Т. Б. Критерии экспертизы ценности проектной документации (на примере объектов магистрального транспортного строительства) // Советские архивы. 1990. № 3. С. 71–73.

Лотман Ю. М. Символика Петербурга и проблемы семиотики города // Семиотика города и городской культуры: Петербург / Тартуский государственный университет. Тарту, 1984. Вып. 664. С. 30–45.

Музейное дело России / Под ред. М. Е. Каулен (ответственный редактор), И. М. Коссовой, А. А. Сундиевой. М.: ВК, 2003. С. 156.

Нойферт П., Нефф Л. Проектирование и строительство. Дом, квартира, сад. М.: Архитектура-С, 2005.

Петров М. К. Социально-культурные основания развития современной науки. М.: Наука, 1992.

Риттер И. Большой город // Городские исследования и практики. 2022. Т. 7. № 1. С. 75–83.

Сафарова М. Д. Участие граждан в градорегулировании: теория и практика законодательного обеспечения // Городские исследования и практики. 2021. № 6 (2). С. 65–83.

Соколов А. В. Документосфера как пространство синтеза музея, библиоте-

ки, архива. Роль библиотек в информационном обеспечении исторической науки: сборник статей / Авт.-сост. Е. А. Воронцова; отв. ред. А. О. Чубарьян, В. Р. Фирсов. М.: Этерна, 2016. С. 67–86.

Сафарова М. Д. Участие граждан в градорегулировании: теория и практика законодательного обеспечения / Городские исследования и практики. 2021. № 6 (2) С. 65–83.

Стёпин В. С. Теоретическое знание. М.: Прогресс-Традиция, 2003.

Щедрина И. О., Журавель Е. П. Какой эксперт для науки ценен? (К вопросу о типологических характеристиках экспертного знания) // Вестник СПбГУ. Философия и конфликтология. 2022. № 4. С. 562–571.

Экспертиза ценности документов. ФГБУ «Центральный архив». Управления делами Президента Российской Федерации. М., 2013.

Сведения об авторах

АНТИПЕНКО Леонид Григорьевич — кандидат философских наук, старший научный сотрудник сектора философии естественных наук, Институт философии РАН, Москва, 109240, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1.
E-mail: chistrod@yandex.ru

БЕЛОУСОВ Михаил Алексеевич — кандидат философских наук, доцент Учебно-научного центра феноменологической философии философского факультета, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, 125047, Миусская площадь, д. 6.
E-mail: mishabelous@gmail.com

ВЕТРОВ Владимир Андреевич — научный сотрудник, Институт логики, когнитологии и развития личности, Москва, 129110, пр. Мира, д. 70А, корп. 2, оф. 41; магистрант, Государственный академический университет гуманитарных наук, Москва, 119049, Мароновский пер., д. 26.
E-mail: vetrov21v10@gmail.com

ЖУРАВЕЛЬ Евгений Павлович — научный сотрудник, Институт логики, когнитологии и развития личности, Москва, 129110, пр. Мира, д. 70А, корп. 2, оф. 41; студент, Государственный академический университет гуманитарных наук, Москва, 119049, Мароновский пер., д. 26.

КАРПЕНКО Иван Александрович — кандидат философских наук, доцент Школы философии и культурологии факультета гуманитарных наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, 109028, Покровский бульвар, д. 11.
E-mail: gobzev@hse.ru

КРУШАНОВ Александр Андреевич — доктор философских наук, ведущий научный сотрудник сектора философии естественных наук, Институт философии РАН, Москва, 109240, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1.
E-mail: krushanov@yandex.ru

ЛЕВИЦКИЙ Виктор Сергеевич — доктор философских наук, доцент кафедры социальной философии и философии истории философского факультета, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, 119991, Ломоносовский проспект, д. 27, корп. 4.
E-mail: victor2609@ukr.net

МАЛКОВ Сергей Максимович — младший научный сотрудник сектора методологии междисциплинарных исследований человека, Институт философии РАН, Москва, 109240, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1.
E-mail: sm.malkov@gmail.com

МИХАЙЛОВ Игорь Анатольевич — кандидат философских наук, старший научный сотрудник сектора истории западной философии, Институт философии РАН, Москва, 109240, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1.
E-mail: ia.mikhaylov@gmail.com

МИХАЙЛОВ Игорь Феликсович — доктор философских наук, ведущий научный сотрудник сектора методологии междисциплинарных исследований человека, Институт философии РАН, Москва, 109240, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1.
E-mail: ifmikhailov@iph.ras.ru

ПАТКУЛЬ Андрей Борисович — кандидат философских наук, доцент кафедры философии науки и техники, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, 199034, Университетская наб., д. 7/9.
E-mail: a.patkul@spbu.ru

ПЕТРОВА Екатерина Викторовна — кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник сектора философии естественных наук, Институт философии РАН, Москва, 109240, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1.
E-mail: philosophyx@rambler.ru

ПРУЖИНИН Борис Исаевич — доктор философских наук, главный редактор журнала «Вопросы философии», главный научный сотрудник, руководитель сектора философии естественных наук, Институт философии РАН, Москва, 109240, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1; научный сотрудник, Институт логики, когнитологии и развития личности, Москва, 129110, пр. Мира, д. 70А, корп. 2, оф. 41.
E-mail: prubor@mail.ru

ТЕРЕНТЬЕВА Татьяна Александровна — соискатель сектора истории западной философии, Институт философии РАН, Москва, 109240, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1.
E-mail: tatyanaatraksel@gmail.com

ТИТАРЕНКО Лариса Григорьевна — доктор социологических наук, профессор кафедры социологии факультета философии и социальных наук, Белорусский государственный университет, Минск, 220030, пр. Независимости, д. 4, Беларусь.
E-mail: larissa@bsu.by

ЧЕРНОВИЦКАЯ Юлия Вячеславовна — кандидат философских наук, научный сотрудник сектора философии естественных наук, Институт философии РАН, Москва, 109240, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1.
E-mail: juchische@rambler.ru

ЩЕДРИНА Ирина Олеговна — кандидат философских наук, научный сотрудник, Институт логики, когнитологии и развития личности, Москва, 129110, пр. Мира, д. 70А, корп. 2, оф. 41; старший научный сотрудник Международной лаборатории исследований русско-европейского интеллектуального диалога, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, 105066, ул. Старая Басманная, д. 21/4, стр. 1.
E-mail: echiscar@yandex.ru

ЩЕДРИНА Татьяна Геннадьевна — доктор философских наук, профессор кафедры философии Института социально-гуманитарного образования, Московский педагогический государственный университет, Москва, 119435, ул. Малая Пироговская, д. 1.
E-mail: tannirra@mail.ru

Научное издание
«Экспедиции» в науку
Архитектоника региональных онтологий

Художник *П.П. Ефремов*
Корректор *Н.А. Стёпина*

Подписано к печати 03.12.23. Формат 60×90/16. Заказ № 2003.
Тираж 500 экз. 15.62 п.л.

Отпечатано в полном соответствии
с качеством предоставленного оригинал-макета
в Акционерном обществе
«Т8 Издательские Технологии»
109316 Москва, Волгоградский проспект, дом 42, корпус 5
Тел.: 8 (495) 221-89-80

По издательским вопросам обращаться:
«Центр гуманитарных инициатив»
e-mail: unikniga@yandex.ru. Руководитель центра П.В. Соснов

Комплектование библиотек, оптовая продажа
в России и странах СНГ
ООО «Университетская книга-СПб».
«Университетская книга-СПб» предлагает книготорговым
организациям, библиотекам и простым читателям широкий
ассортимент книг по всему спектру гуманитарных наук –
философии, филологии, лингвистики, истории, социологии
и политологии. Вы можете приобрести у нас по издательским
ценам продукцию ведущих научно-гуманитарных
издательств России.

Контакты:
в Санкт-Петербурге: Тел. (812) 640-08-71,
e-mail: ukniga2@westcall.net
Рассылка по России:
Интернет-магазин Лабиринт.ру: <http://www.labyrinth.ru/>